К63.4
Ч-34
К-78256

ЧЕБОКСАРЫ
ИСТОРИЯ И ТАЙНЫ НИКОЛАЕВСКОГО ДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

Национальная библиотека ЧР
k-078256

Чувашский государственный институт
гуманитарных наук

Чебоксары 2016

К63.4
Ч-34

ЧЕБОКСАРЫ: ИСТОРИЯ И ТАЙНЫ НИКОЛАЕВСКОГО ДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

63,48 (2Рос.Чув-2Чебоксары)+63.3(2)45-8<Шестова, М.Т.>+К63.4

УДК 94(470.344):94(47)
ББК 63.3 (2 Рос. Чув)+63.3(2)
Ч – 34

Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук

Авторы:
Н.С. Березина, Ю.В. Гусаров, И.К. Кугураков,
С.Б. Боруцкая, С.В. Васильев,
А.И. Мордвинова, Н.И. Халдеева, Н.В. Харламова

Ответственный редактор *Ю.Н. Исаев*

Научные редакторы: *Н.С. Березина, Ю.В. Гусаров*

Рецензенты:
кандидат исторических наук *А.Г. Берман*
кандидат исторических наук *А.А. Чибис*

Художник *Н.И. Орлова*

Ч – 34 **Чебоксары: история и тайны Николаевского девичьего монастыря** : монография. – Воронеж: ООО «АЛЕКС ПРИНТ», 2016. – 208 с. : ил.
ISBN 978-5-9908360-3-7

Книга посвящена исторической загадке Смутного времени (начало XVII в.) – ссылке в Чебоксары и пострижению в Николаевском женском монастыре Марии Шестовой (бабушки Михаила Федоровича – первого русского царя из династии Романовых) и истории памяти о ней. В этих событиях переплетены судьбы России, города Чебоксары и выдающихся людей разных эпох. В книге представлены исследования историков, археологов, антропологов, искусствоведов. Издание богато иллюстрировано фотографиями, рисунками, картинами, многие из которых являются редкими или выполненными специально для него. Книга рассчитана на специалистов, студентов и всех, кто интересуется историей Отечества.

К-78256

Национальная библиотека
Чувашской Республики

УДК 94(470.344):94(47)
ББК 63.3 (2 Рос. Чув)+63.3(2)

© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2016

© Н.С. Березина, Ю.В. Гусаров, И.К. Кугураков, С.Б. Боруцкая, С.В. Васильев, А.И. Мордвинова, Н.И. Халдеева, Н.В. Харламова, 2016

ISBN 978-5-9908360-3-7

Проверено 17 НОЯ 2017

ОТ РЕДАКТОРОВ

Идея написания этой книги родилась после проведения археологами Чувашского государственного института гуманитарных наук раскопок на месте бывшего Николаевского собора. В результате была получена уникальная коллекция артефактов, обнаружены остатки стен и фундамента древнего храма, а также несколько могил, одна из которых предположительно принадлежит Марии Шестовой.

Мария Шестова была сослана в Чебоксары в период Смуты, когда Россия находилась на историческом распутье и речь шла о самом её существовании. Недаром одним из государственных праздников новой России стал День народного единства.

Археологические работы начались в августе 2013 г., в год 400-летия дома Рома новых. Во многом это стало возможным благодаря ученым и краеведам, которые в конце XX в. вернули из забвения имя Марии Шестовой.

Раскопки вызвали большой интерес в республике и за её пределами, объединили людей, влюбленных в Чебоксары и его историю. Место раскопок посетил Глава Республики М.В. Игнатьев. Он проявил заинтересованность в результатах и обещал свою поддержку. Работа археологов получила благословение митрополита Чебоксарского и Чувашского Варнавы, который выразил веру в их успех.

Для помощи археологам и координации усилий был организован оргкомитет. Выражаем благодарность главе города Л.И. Черкесову, возглавившему работу оргкомитета, и активному его члену, депутату городского собрания Е.А. Слепову. Благодарим главу администрации Чебоксар А.О. Ладыкова и его заместителя А.Л. Павлова за помощь в организации археологических работ.

Говорим «спасибо» студентам, участвовавшим в раскопках, и деканам исторического факультета ЧГПУ И.Г. Комлеву и историко-географического факультета ЧГУ О.Н. Широкову.

С первых дней большую поддержку нам оказывал архимандрит Чебоксарского Свято-Троицкого мужского монастыря о. Василий (Паскье). Выражаем ему искреннюю признательность.

Ежедневно множество людей так или иначе помогало в работе. Благодарим А.С. Шипилевского, который по своей инициативе вел фотолетопись работ, краеведа В.Н. Онькова, поделившегося материалами личного фотоархива. Талантливый скульптор А.П. Молоков откликнулся на нашу просьбу и изваял из песка скульптуру «М. Шестова с внуком Михаилом», которая запомнилась многим.

В создании книги оказал помощь уполномоченный по защите прав предпринимателей в Чувашской Республике В.Н. Иванов. Фотографии артефактов выполнены С.М. Коробко.

Выражаем признательность коллегам, оказавшим помощь в сборе исторических источников в архивах и библиотеках Москвы, Петербурга и Казани: историкам Д.В. Басманцеву и В.Д. Кочеткову, искусствоведам Е.П. Ключевской (Казань) и И.К. Кугуракову, а также научному сотруднику ИЭиА РАН и филиала ГИМ «Палаты бояр Романовых» П.С. Куприянову, предоставившему список литературы по теме исторической памяти о ссылке М. Шестовой.

Ю.Н. Исаев.

К ЧИТАТЕЛЮ

Я родился на западе Франции в древнем городке Тиффож, который имеет богатую историю, ведущую начало от времён Римской империи, и прославился замком Синей Бороды, мифы и предания о котором уходят в XV век. Можно сказать, что моё детство прошло на руинах этого замка. И вот судьба забрасывает меня в далёкую Россию…

Уже семь лет я наместник Чебоксарского Свято-Троицкого православного мужского монастыря, которому в этом году исполнилось 450 лет. Мне, с детства впитавшему дух романтики археологических раскопок, невозможно было не погрузиться в древнюю историю г. Чебоксары. Выяснилось, что рядом с нашим монастырём в прошлом существовал другой монастырь – Николаевский женский, и в нём насельницей была бабушка первого царя из династии Романовых – Михаила Фёдоровича – Мария Шестова. Она была сослана в Чебоксары во время Смуты и пострижена в иночество игуменом Свято-Троицкого мужского монастыря, архимандритом Иоанникием в 1601 году. Я ощутил, как моя судьба сплетается с историей России, что ко мне, как преемнику игумена Иоанникия, тянется ниточка из далёкого прошлого. С этого времени стараюсь делать всё возможное для восстановления исторической памяти, чтобы как можно больше людей, молодёжи лучше знали родную историю.

Несколько лет назад, когда начались раскопки на месте бывшего Николаевского монастыря, я всей душой поддержал эту инициативу, каждый день ходил к раскопу, интересовался делами и, чем мог, помогал археологам. Это был год 400-летия дома Романовых, все были воодушевлены, и появилось много мечтаний: о возрождении храма бывшего Николаевского монастыря, разгадке тайны последних лет жизни Марии Шестовой и обретении её останков. Не теряю надежды, что наши ожидания станут явью.

Рад был подружиться с авторами книги «Чебоксары: история и тайны Николаевского девичьего монастыря». Они стали мне родными людьми. Выражаю им безграничную благодарность.

Рад появлению этого интересного и содержательного издания по истории нашего города, которое приятно взять в руки. Не сомневаюсь, что оно найдёт своего читателя. Надеюсь, что выход книги поможет реализовать и наши давние планы по увековечению памяти Марии Шестовой.

Желаю всем Божией помощи, терпения и успеха в трудах.

Наместник Свято-Троицкого православного мужского монастыря г. Чебоксары, архимандрит Василий (Паскье).

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Чебоксар хранит множество тайн и загадок. Данная книга рассказывает о научных исследованиях, посвящённых событию «общероссийского звучания» (В.Д. Димитриев) – ссылке в Чебоксары в 1601 г. дворянки Марии Шестовой и историческим сюжетам, связанным с памятью о ней. В них причудливо переплелись история России, города Чебоксары и судьбы людей разных эпох.

Мария Тимофеевна Шестова (ок. 1550 – не ранее 1601) – бабушка (по женской линии) основателя царской династии Романовых Михаила Фёдоровича. Она происходит из рода дворян Грязных, известных «традициями политического авантюризма» (С.Б.Веселовский). По обвинению в заговоре против царя Бориса Годунова, как родственница бояр Романовых, она была отправлена в ссылку в Никольский девичий монастырь г. Чебоксары. Её жизнь окутана тайной. Неизвестны ни дата и обстоятельства её смерти, ни место захоронения. Чудом сохранилась икона «Убиение царевича Дмитрия», которая, по мнению историков и искусствоведов, была написана по заказу М.Т. Шестовой. С её стороны это было политическим демаршем по обвинению Бориса Годунова в убийстве наследника престола. Подобные иконы разошлись по России.

История Николаевского девичьего монастыря и оставшегося после него Николаевского собора наполнена событиями и катаклизмами. Около 1690 г. вместо деревянной церкви, при которой была похоронена М.Т. Шестова, был воздвигнут каменный собор. В последующем храм неоднократно ремонтировался и перестраивался. Вместе с городом менялась планиграфия и архитектура монастыря. Собор стал свидетелем крупных событий в жизни страны, в том числе великих смут начала XVII и начала XX в. Он был известен древней стеновой живописью и многими предметами церковного искусства. Лишь небольшая их часть сохранилась до наших дней.

Долгие годы имя Марии Шестовой находилось в забвении. В XIX в. Н.М. Карамзин упомянул о её ссылке в Чебоксары в своей знаменитой «Истории», затем священник Введенского собора А.И. Кроковский опубликовал статью о Николаевском соборе, в склепе при котором (ни один другой храм Чебоксар не имел такой архитектурной особенности), по его мнению, находилась могила М. Шестовой. Его версия «пошла в народ», превратившись в предание. В январе 1913 г. в преддверии празднования 300-летия царствования династии Романовых комиссия под руководством казанского губернатора М.В. Стрижевского провела в склепе раскопки. В их ходе было обнаружено захоронение знатной монахини, которое, по заключению комиссии, принадлежало Марии Шестовой. В тот же день останки были преданы земле на прежнем месте.

О ходе и результатах раскопок их участник епископ Анастасий опубликовал большую журнальную статью. Работа была проведена в течение одного зимнего дня, члены комиссии не были археологами, поэтому полученные результаты нуждаются в проверке. Ещё в 1911 г. могилу М.Т. Шестовой предлагалось включить в экскурсионный маршрут по историческим местам Казанской губернии с устройством на ней панихиды в память усопшей. В юбилейный год она превратилась в место паломничества.

1917 г. изменил ход истории и принёс новые идеологические установки. В 1929 г. колокольня Николаевского собора, как мешавшая уличному движению, была разрушена.

В 1934 г. был закрыт, а через два года снесён сам храм. О тех событиях рассказывают скупые заметки в газетах и черно-белые фотографии. Территория бывшего храма стала частью сквера Константина Иванова. И снова на десятилетия эта история была забыта.

В 2013 г. археологической экспедицией Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) в верхней части сквера были начаты раскопки по поиску могилы М. Шестовой. Для изучения остатков конструкций (фундамента, стен) Николаевского собора были применены методы георадарного обследования земли. Вскрыты остатки стен и пола Никольского придела. Были найдены фрагменты фресок, изразцов, керамических плиток (лемехов) облицовки главы северного придела, гончарной посуды разных эпох, кованые детали убранства собора и др. Часть вещевого материала датируется XIV–XV вв., в том числе фрагменты булгарской керамики чёрного, жёлтого и красного цвета и квадратных кирпичей. Обнаружено несколько погребений, четыре из них вскрыты и изучены. Инвентарь в них отсутствовал. Погребение № 1 представляло собой костяк, уложенный в колоду антропоморфной формы. Возможно, оно принадлежит М.Т. Шестовой, что отчасти подтверждают результаты его антропологического исследования.

В этой истории рано ставить точку. Найденные останки из погребения № 1 переданы в Институт этнологии и антропологии РАН (ИЭиА РАН) для дальнейшего изучения. Ещё много тайн хранит прошлое Чебоксар. В 2019 г. будет отмечаться 550-летие города по первому письменному упоминанию, однако, по научным данным, он старше как минимум на век. Только продолжение археологических и исторических исследований позволит найти ответы на загадки прошлого.

Книга написана коллективом учёных ЧГИГН и ИЭиА РАН. В главе 1 Ю.В. Гусаровым представлены результаты изучения истории Николаевского женского монастыря и Николаевского собора, рассказано о личности М.Т. Шестовой и её ссылке, а также о раскопках 1913 г. В главе немало новых и малоизвестных сведений о семье М.Т. Шестовой и событиях истории Чебоксар, связанных с её именем. Глава 2 состоит из статьи И.К. Кугракова, посвящённой графической реконструкции комплекса Николаевского женского монастыря и его главного храма на этапах становления и развития, и исследования А.И. Мордвиновой о внутреннем убранстве Николаевского собора. Впервые представлены графические виды монастыря и Николаевского собора в разные периоды истории, проанализировано художественное своеобразие настенных росписей, иконостаса, икон и других предметов церковного искусства утерянного храма. В главе 3 статья Н.С. Березиной знакомит с результатами археологических раскопок 2013 г., статья С.В. Васильева, С.Б. Боруцкой, Н.В. Харламовой, Н.И. Халдеевой – антропологических исследований возможных останков Марии Шестовой. В статье Н.С. Березиной и Ю.В. Гусарова рассказано о предыстории раскопок 2013 г., общественном резонансе, который они получили, событиях года 400-летия династии Романовых и задачах дальнейших исследований. В разделе приложений публикуются архивные и литературные источники по тематике книги (составитель Ю.В. Гусаров). В помощь любителям истории помещён список литературы о Марии Шестовой, истории Николаевского женского монастыря и Николаевского собора г. Чебоксары, подготовленный Ю.В. Гусаровым и П.С. Куприяновым.

Книга богато иллюстрирована историческими фотографиями (в том числе редкими), фотографиями археологических работ и важных находок. Специально для неё заслуженный художник России В.Г. Бритвин написал две картины: «Никольский женский монастырь в Чебоксарах. XVII век» и «Опальная. Прибытие Марии Шестовой в Чебоксарский Никольский монастырь на пострижение».

Н.С. Березина, Ю.В. Гусаров.

Глава 1

Прошлое Николаевского женского монастыря, сосланная в него бабушка будущего царя Михаила Фёдоровича Мария Шестова и поиски её могилы в год 300-летия царствования династии Романовых

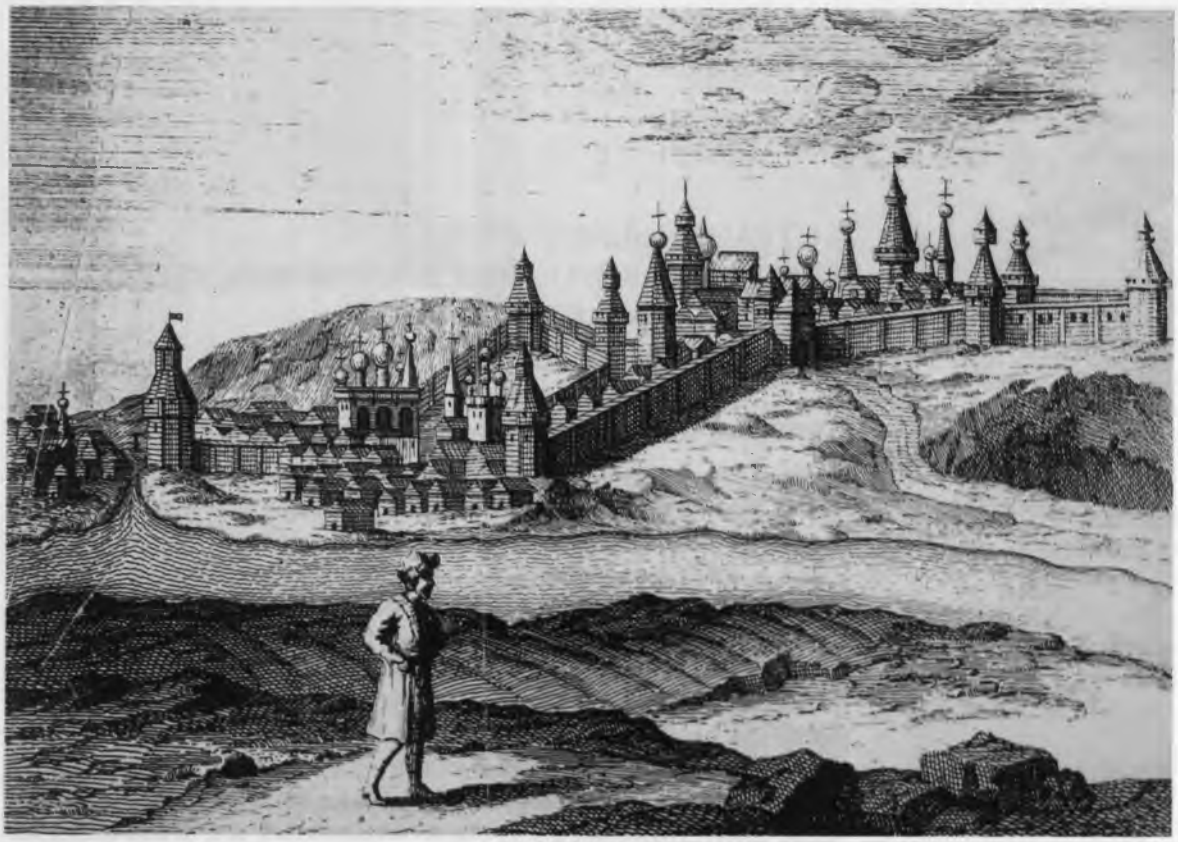
Ю.В. Гусаров

1. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ НИКОЛАЕВСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ И НИКОЛАЕВСКОГО СОБОРА ГОРОДА ЧЕБОКСАРЫ

Древняя обитель с двумя названиями

Николаевский женский монастырь г. Чебоксары относится к числу древних и известных монастырей Чувашии. За свою почти двухсотлетнюю историю (ок. 1584–1764 гг.) он не раз горел и восстанавливался, даже менял название. Построенный на высоком волжском берегу, вертикалями построек он дополнял выразительный архитектурный облик Чебоксар, запечатленный на гравюрах и картинах XVII–XVIII вв. После ликвидации монастыря от него остался Николаевский собор, который 170 лет функционировал как приходская церковь и был разрушен в 1936 г.

Архив монастыря не сохранился, отчего его история изобилует белыми пятнами и загадками. Уже в 1764 г. отмечалась его бедность: «А по каким грамотам построен и сколько тому лет, в том монастыре известий и грамот, никаких данных не имеется»[1]. К тому же изучение истории обители началось почти через сто лет после её ликвидации. За полтора века к ней обращались историки, искусствоведы и краеведы Чебоксар, Казани, Москвы. Отметим статьи пионеров чебоксарского краеведения – священников А.И. Кроковского (ок. 1825 – после 1884) и И.М. Барсова (1843 – не ранее 1914), использовавших устные предания и документы, не сохранившиеся до наших дней[2]. Уникальным по богатству и охвату материала является научный отчёт искусствоведов, участников научной экспедиции НИИ археологии и естествознания РАНИОН (г. Москва) по изучению церковного искусства Чебоксар (1930) – профессора А.И. Некрасова (руководитель экспедиции) и Е.А. Некрасовой[3]. Большое внимание авторы уделили архитектуре и живописи Николаевского собора. Особую ценность представляют приложения к их труду – три альбома с фотографиями церквей, памятников церковного искусства и другими иллюстративными материалами[4]. Дело в том, что многие запечатленные на них объекты в 1930-е и последующие годы были разрушены или уничтожены. Фотографии выполнены прикомандированным к экспедиции фотографом Центральных государственных реставрационных мастерских Наркомпроса М.М. Беляевым; использованы также фотографии 1920-х гг. его коллеги А.В. Лядова.



Чебоксары в XVII веке. Фрагмент гравюры из книги голландского путешественника Н.Витсена «Северная и Восточная Тартария» (Амстердам, 1705)

Впервые Никольский (с XVIII в. в письменных источниках название «Николаевский») женский монастырь упоминается в источниках в связи со ссылкой в него в 1601 г. Марии Шестовой, являющейся самой известной из его насельниц. Документов по начальной истории обители не сохранилось. А.И. Некрасов писал, что монастырь был основан в 1560-х гг. как один из форпостов Чебоксарской крепости[5]. В отличие от него, И.М. Барсов считал, что монастырь не мог возникнуть в первые десятилетия после основания Чебоксарской крепости из-за постоянных антирусских бунтов, поднимаемых окрестным чувашским и марийским населением. Появление обители он связывал с волной русской колонизации Среднего Поволжья после окончания третьей черемисской войны 1581–1585 гг. (до революции датировалась 1582–1584 гг.), то есть «не ранее 1584 года»[6]. Его мнение не вызвало возражений, и эта условная дата закрепилась в литературе.

По мнению историка А.А. Чибиса, факт получения Николаевским женским монастырем казённой руги (денежное и хлебное содержание от государства) указывает на его основание по царскому указу. По нашему мнению, косвенным свидетельством в пользу этого служит и ссылка в него государственной преступницы, статус которой имела М.Т. Шестова.

Не позднее 1680-х гг. в городе возник второй женский монастырь – Благовещенский. К тому времени Чебоксары занимали 5-е место по численности населения среди 20 городов Казанского края (440 посадских людей муж. пола и 221 чел. бобылей и захребетников)[6а].

Никольский женский монастырь располагался на крутой стрелке, образованной Волгой и впадающей в неё р. Чебоксаркой, между Троицким мужским монастырем и крепостью, ближе к кремлю и берегу Волги. Полагают, что на его территории были построены деревянная Николаевская церковь[7], по которой он получил своё название, а также кельи и хозяйственные постройки.

В литературе утверждается, что старейшие в городе Троицкий мужской (1566), Николаевский женский монастыри и Введенский собор (в 1555 г. построен из дерева, в 1660-х гг. – из камня) соединялись подземным ходом[8]. К слову, в 2013 г. в ходе георадарного исследования верхней части сквера К. Иванова были выявлены признаки обрушившейся в некоторых местах подземной коммуникации, идущей от места бывшего Николаевского собора к Волге. Старожилы называют её подземным ходом и вспоминают связанные с ним истории из своей молодости.

С Никольским монастырем тесно связана история знаменитой святыни города – резной иконы XVI в. Николая Можайского. По преданию, зафиксированному в документе 1879 г., она приплыла в Чебоксары «снизу вверх по Волге около 300 лет назад»[9] (вариант – приплыла «на камне»[10]). В 1920-х гг. бытовало предание о том, что чудотворный образ «при явлении» был «помещён» в Предтеченский монастырь, а впоследствии «водворён» в Троицкий[11] (предположительно по упразднении Николаевского монастыря в 1764 г.[12]). Возможно, с этим преданием был знаком А.И. Некрасов, писавший, что чудотворная икона первоначально находилась в Никольском монастыре[13].

Чудотворная икона Николая Чудотворца почиталась православным чувашским и марийским населением, а также крестьянами-язычниками, которые приходили к ней судиться. Документ середины XVIII в. сообщает: «Сей нелицемерной судья… столь много страшен, что все окрест живущие онаго города винные (виновные, нарушители закона. – *Ю.Г.*) весьма опасаются, а правыя, имея надежду, ко оному судье на суд призывают»[14]. Эта традиция зародилась во время оно, когда люди не доверяли чиновникам, считая, что судья «не то присудит, не то не присудит, но обдерёт во всяком случае и правого, и виноватого»[15]. Несмотря на за-

Монахи Троицкого монастыря у резной иконы Николая Можайского. Фото М.П. Дмитриева. 1894 г.

прет использования резных икон «в предупреждение кощунства» (скульптура из дерева подвержена механическим повреждениям), статуя Николая Чудотворца была выставлена в часовне открыто и даже вместе с другими иконами носилась по пригородным селениям[16].

После того, как 29 октября 1924 г. президиум исполкома Советов Чувашской АО постановил закрыть Троицкий мужской монастырь, а его «богослужебные предметы» передать другим религиозным обществам[17], православные общины шести городских церквей (Вознесенской, Покровской, Христорождественской, Успенской, Введенского и Николаевского соборов), церкви пригородного с. Альгешево, а также епископ Чебоксарский Даниил подали в областной исполком просьбы о передаче им чудотворной иконы Николая Можайского.

Особую настойчивость проявили прихожане Николаевского собора. 24 ноября 1924 г., обеспокоенные будущим местной святыни, приоритетное право их храма на обладание чудотворной иконой они обосновали преданием о месте её первоначального пребывания[18]. 16 декабря 1924 г. члены приходского совета обратились в облисполком с новой просьбой – о передаче иконы в Николаевский собор на время его храмового праздника (19 декабря) – с 17 по 22 декабря[19]. Комиссия по распределению имущества Троицкого монастыря отказала верующим во всех просьбах и в 1925 г. передала икону в Центральный чувашский музей[20].

Образ Николая Чудотворца был не единственной резной иконой Николаевского монастыря. В одной из служебных поездок архиепископу Казанскому и Симбирскому Амвросию (Протасов А.И.) стало известно, что в Николаевском, Покровском и Крестовоздвиженском храмах Чебоксар выставлены резные иконы (в первых двух «Иисус Христос в темнице», в третьей – святая Параскева Пятница), запрещенные Синодом к использованию ещё в 1722 г. В январе 1825 г. он распорядился изъять их и в футлярах прислать в Казань для хранения в Благовещенском соборе[21].

В мае того же года священник Николаевского собора Александр Кандалинский отказался представить в Чебоксарское духовное правление резную икону Христа, ссылаясь на то, что прихожане «не позволят» вынести её из храма, «доколе не будет вынесен подобной резьбы образ Николая Чудотворца из часовни, к Чебоксарскому Троицкому монастырю принадлежащей»[22]. Его объяснение звучит как донос, что может указывать на давнюю обиду клира Николаевского собора, связанную с передачей чудотворной иконы из их храма в мужской монастырь. Протест не помог, и через три месяца резные иконы были «отобраны» у городских церквей и отправлены в Казань[23]. Только резная икона Николая Можайского избежала этой участи благодаря усилиям архимандрита Троицкого монастыря Нафанаила[24].

Клировые ведомости Николаевского собора начала XX в. разноречат друг другу, указывая две даты его постройки: около 1690 г., 1753 г.[25]. Считается, что в середине XVII в. в одном из больших городских пожаров деревянная Николаевская церковь сгорела и около 1690 г. или раньше[26] вместо неё на средства неизвестных лиц построена каменная. Монастырская церковь (без названия) впервые упоминается под 1714 г., как каменная с тремя престолами – в 1739–1740 гг.[27]. Документ 1728 г. сохранил её название – Николаевская («Николая Чудотворца, что в девиче монастыре»)[28]. В описи 1764 г. говорится уже о каменном пятиглавом храме во имя Владимирской Богоматери с двумя приделами: Усекновения главы Иоанна Предтечи (слева) и Николая Чудотворца (справа). Вряд ли каменный храм простоял всего 60 лет. Возможно, в середине XVIII в. он был перестроен, а главный престол – переосвящен в честь образа, полученного монастырем в качестве вклада (см. далее).

Николаевский собор – бывший Никольский женский монастырь.
Фото М.П. Дмитриева. 1894 г.

По письменным документам и надписям на колоколах известно, что в 1680–1690-х гг. Никольский монастырь назывался Иоанно-Предтеченским. Не указывает ли это на то, что в период строительства каменного храма, которое продолжалось не один год (если не десятилетие), в монастыре функционировала Иоанно-Предтеченская церковь? После завершения стройки деревянный храм могли разобрать, а придел новой каменной церкви освятить в его честь.

Новое название монастыря не стало официальным. В конце XIX в. неизвестный автор труда об упраздненных монастырях Казанской епархии писал, что в метрических книгах «времён Петра Великого» монастырь назывался Николаевским[29]. Действительно, под этим названием он фигурирует в метрических книгах Николаевского собора, самая ранняя из которых датирована 1722 г. Одновременно использовалось и второе его название. Так, на 100-пудовом полиелейном колоколе (служил для благовеста в средние, полиелейные праздники) имелась надпись: «Вылит колокол сей в граде Чебоксаре во обитель Усекновения честныя главы Иоанна Предтечи 1757 года майя 5-го дня»[30].

Также не прижилось название храма по главному престолу, посвященному Владимирской иконе Богоматери, и он по традиции именовался то Николаевским, то Предтеченским. Скажем, в 1760–1770-х гг. в картографических и письменных источниках

Никольский женский монастырь в Чебоксарах. XVII век. Картина В.Г. Бритвина. Картон, акрил. 60×70 см. 2016 г.

назван церковью Иоанна Предтечи и соборной Предтеченской церковью[31]. В XIX – начале XX в. «в просторечии» собор называли Предтеченской церковью[32]. Считается, что оба названия собора обязаны своим происхождением двум его приделам[33].

В первой половине XVIII в. храм Николаевского монастыря являлся приходским (такую же особенность имели церкви Троицкого мужского и Благовещенского женского монастырей), имел в штате двух попов, дьякона, дьячка и пономаря[34]. Судя по данным метрических книг, в его приход входили дворы горожан и крестьян пригородных деревень Кочаково и Свечкино (в иные годы границы прихода расширялись за счёт других селений)[35]. В середине 1740-х гг. приход насчитывал 42 двора. Доходы от него поступали на нужды причта монастырской церкви. Это видно из того, что в 1745 г. Чебоксарская воеводская канцелярия на основании руководящих указов отказала причту в выплате денежной и хлебной руги из-за наличия приходских дворов, распорядившись выдать её игуменье и монахиням «в жалованье и на церковные потребы»[36].

По документам, насельницами монастыря были незамужние девушки, солдатские и посадские вдовы, многие из которых доживали до 70–80 лет[37].

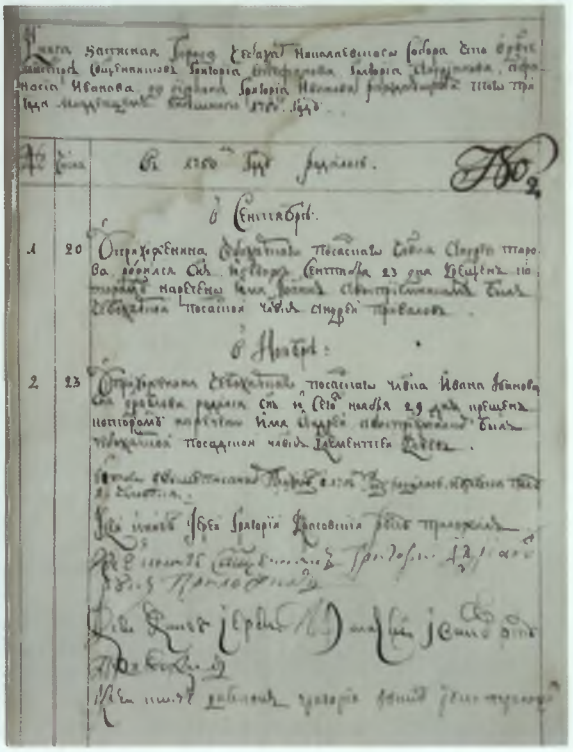
И.М. Барсов писал, что после закрытия обители её храм стал называться «Чебоксарским вторым Николаевским собором». Соборный статус храма он считал признанием его «особой чести» как места «упокоения родственницы царствующего дома Романовых», т.е. М.Т. Шестовой. С ним не согласился казанский церковный историк Е.А. Малов, указав пример, когда статус собора был присвоен церкви упразднённого монастыря, где не было могилы «важной личности»[38].

По метрическим книгам, уже в первой половине XVIII в. монастырскую церковь называли собором: «Николаевский собор» (1740), «Чебоксарский второй Николаевский собор» (1747), «Николаевский собор, что в девиче монастыре» (1750)[39]. Определение «второй» в названии означало положение храма по отношению к Введенскому собору, который считался в городе первым («Первый Введенский собор»[40]).

Внешне два собора были похожи, однако Николаевский имел существенное конструктивное отличие – его свод поддерживали не четыре, а два мощных столба. К редкому двустолпному типу храмовых построек, сложившемуся в XVI–XVII вв. в Верхнем Поволжье, относились ещё две церкви города: Михаило-Архангельская (1702) и Христорождественская (1708). Пол Николаевского собора был покрыт чугунными плитами, изготовленными в 1805, 1809 и 1814 гг.[41] Не случайно в начале XX в. Николаевский, а также соседний Введенский собор как памятники старины были взяты «под покровительство» императорской Археологической комиссии[42].

По заключению А.И. Некрасова, Николаевский собор представлял собой образчик перерождения нарышкинского стиля в барокко. По его наблюдению, главка северного придела была покрыта керамической поливной черепицей («чешуя»), что в практике церковного строительства встречалось «крайне редко». По данным искусствоведа, даже богатый архитектурой г. Псков располагал лишь одним подобным примером[43]. Архитектурную выразительность монастырским постройкам придавала каменная пятиярусная колокольня типа «восьмерик на четверике» высотой в 13,5 сажени[44] (28,8 м), построенная в 6 саженях (12,8 м) к югу от церкви[45]. А.И. Некрасов назвал её лучшим в городе памятником «нарышкинского» стиля[46].

По писцовым книгам 1648 г., монастырской церкви принадлежали сенные покосы в Заволжье по р. Кривуше, расположенные смежно с сенокосами Введенского собора и церкви Архистратига Михаила[47]. В монастырской описи 1764 г. указан их размер – «на пятьдесят копен» (5 десятин) – с пояснением, что члены причта косят сено «работными людьми своим коштом» для своего скота[48].



Лист из метрической книги Николаевского собора Николаевского монастыря. 1750 г.

К-78256
Национальная библиотека Чувашской Республики

По описи 1739–1741 гг., в Николаевском монастыре имелись каменная церковь с тремя престолами и 43 деревянные настоятельские и монашеские кельи. В штате числились игуменья, казначея и 27 монахинь, как и было положено «по древнему установлению». В числе бельцов (лиц не монашеского звания) были учтены два попа, дьякон, дьячок и просвирница[49].

Документы и народная память сохранили имена отдельных щедрых жертвователей монастыря. По преданию, когда в 1753 г. понадобилось железо на строительство собора, «главный продавец» продукции Нижнетагильского железоделательного завода Демидова в Чебоксарах Качалин[50] (в 1740–1770-х гг. в городе действовала контора знаменитых горнопромышленников Демидовых[51]) распорядился брать его «не сколько нужно, а сколько угодно». Рассказывали, что, пользуясь щедростью купца, строители собора не экономили на железных связях (соединительные элементы в строительных конструкциях) и положили их там «где и не следовало бы», даже сделали железные стропила (крыша также была крыта железом). Предтеченская же колокольня была «почти связана железом»[52]. В описании Чебоксар 1790-х гг. также сказано, что церковь была построена в 1753 г. на средства чебоксарского купца Кочелина[53]. От предания нельзя требовать точности в деталях. Скажем, оно не согласуется с тем фактом, что в 1764 г. приделы Николаевского собора были крыты тёсом, а не железом.

В 1757 г. богатый купец-промышленник и прихожанин Николаевского собора Матвей Фёдорович Котельников пожертвовал обители стопудовый колокол, отлитый местным купцом С.А. Колокольниковым[54]. В октябре 1714 г. обретавшаяся в монастыре вдова московского дворянина Никиты Григорьевича Болтина Марфа Осиповна (урожденная Каховская) завещала в монастырскую церковь

Введенский собор. Рисунок Д.И. Архангельского. 1925 г. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН)

фамильную реликвию – Владимирскую икону Божией Матери в богато украшенном киоте – в помин души своих родителей и мужа. К иконе были приложены три креста – деревянный резной («обложен серебром и позолочен, и с камениями и с жемчугом») и два серебряных позолоченных; в деревянный и один из серебряных были вмонтированы частицы мощей святых[55]. И.М. Барсов полагал, что главный престол Николаевского собора был освящён в честь этой иконы, ещё при жизни вкладчицы выставленной в храме «для общего поклонения». Также постройка самой церкви, по его мнению, не обошлась без финансового участия знатных дворянских родов Болтиных и Каховских[56].

Отметим, что с Чебоксарами были связаны муж и двое из трёх сыновей М.О. Болтиной. Во второй половине XVII в. Н.Г. Болтину принадлежали сенокосы за Волгой в Чебоксарском уезде[57]. В 1720 – начале 1740-х гг. в метриках Николаевского собора фигурирует имя помещика, полковника Силы Никитича Болтина[58] (1666–1744), которому по 1-й ревизии в д. Свечкино принадлежало 13 крестьян муж. пола[59]. Известно, что он участвовал в Крымских походах 1687 и 1689 гг., Азовских походах 1695–1696 гг. и Северной войне[60]. Чебоксарским помещиком С.Н. Болтин стал после того, как женился (до 1721 г.) на дочери местного дворянина И.Л. Грязева Наталье Ивановне, получившей в приданое д. Свечкино с двумя пустошами. В 1744 г., после смерти С.Н. Болтина, деревню унаследовал его младший брат, поручик в отставке Пётр Никитич Болтин (1674 – ?). В том же году он выдал свою дочь Агафью Петровну замуж за отставного капитана А.Я. Чемодурова, дав ей в приданое ряд деревень, в том числе Свечкино[61]. В документах 2-й ревизии по г. Чебоксары П.Н. Болтин упоминается как владелец крепостных крестьян[62]. Известно, что оба брата являлись помещиками с. Лубяницы Нижегородского уезда[63].

Серебряный чеканный оклад Владимирской иконы Божией Матери из Предтеченской церкви. Конец XVII в. Иллюстрация к очерку А.И. Некрасова и Е.А. Некрасовой «Художественно-археологические памятники Чебоксар». Фото М.М. Беляева. 1930 г. Чувашский государственный художественный музей (далее – ЧГХМ)

Пётр I и его преемники проводили ограничительную политику по отношению к монастырям. Ради увеличения государственных доходов монастыри были лишены многих экономических привилегий, оброчных угодий, одно время их вотчины управлялись государством. В 1701 г. содержание монахов было ограничено штатными денежными и хлебными окладами, в 1705 г. урезанными наполовину. Практика ружного жалованья сохранилась, но монастыри стали получать его в минимальном размере – «без чего пробыть невозможно». Были ужесточены правила монашеского пострига, бельцов изгоняли из монастырей, возросло налоговое бремя на монастырских крестьян. В результате произошло разорение монастырского хозяйства, сократилось количество монахов. Ещё хуже было положение женских монастырей, которые государство строгими запретами пыталось изолировать от мирской жизни[64].

Николаевский девичий монастырь. Фрагмент гравюры И.Е. Бугреева по рисунку А.И. Свечина и М.И. Махаева «Вид г. Чебоксары с севера». 1769 г.

Во второй четверти XVIII в. Николаевский монастырь получал из Свияжской провинциальной канцелярии денежное и хлебное ружное содержание в размере: 1 руб. 75 коп. в год игуменье, по 25 коп. – монахиням и по 61 четверти ржи и овса на всех[65]. В 1738 г. Штатс-контора по указу из Сената со ссылкой на финансовые трудности государства приказала губернским и провинциальным властям погасить долг монастырям по руге за 1736 и 1737 гг. по прежним нормам из не положенных в штат доходов, но за текущий год её не платить[66]. Действительно, в монастырских ведомостях 1739–1741 гг. указано, что монахини и белицы Николаевского монастыря питались мирским подаянием «за неимением других средств» к существованию[67].

Позднее ружные выплаты были возобновлены, но по-прежнему производились нерегулярно. Например, в сентябре 1746 г. игуменья Мария жаловалась на неполучение руги за 1745 г. По выправкам чиновников Свияжской провинциальной канцелярии выяснилось, что ещё в ноябре 1741 г. из Штатс-конторы в неё была прислана составленная в Синоде ведомость со списком и нормами обеспечения ружных монастырей для руководства ею до принятия новых штатов «о ружниках». Предписывалось ругу выплачивать воеводским канцеляриям тех городов, на чьей территории располагались «ружники». Как и раньше, производить её следовало по окончании года из неокладных сборов, с заменой хлебного содержания на денежную сумму, рассчитанную по низшей рыночной («продажной») цене за рожь и овёс[68].

Этот порядок действовал вплоть до 1760-х гг. Так, в марте 1761 г. Чебоксарская воеводская канцелярия выдала игуменье Николаевского монастыря Марии ругу за 1760 г. из сборов от налога за вино («за горячее вино гривенные деньги») согласно ведомости, присланной из Свияжской провинциальной канцелярии в 1741 г. Её размер составил 34 руб. 25 коп., в том числе за хлеб – 15 руб. 25 коп.[69]

В 1764 г. Екатерина II осуществила секуляризационную реформу, по которой церковные земельные владения были переданы государству, маломощные монастыри упразднены или объединены с крупными. Оставшиеся монастыри (штатные) разделены на три класса по уровню финансирования от государства, сверхштатные оставлены на самообеспечении. В 1763 г. Коллегии экономии было поручено описать монастырские имения, для чего на места командировали армейских офицеров.

Опись Николаевского монастыря была составлена в 1764 г. подпоручиком Григорием Яковлевым, который в ноябре 1763 г. описал также имущество соседнего Троицкого монастыря. Переписью была учтена монастырская каменная Владимирская церковь с двумя приделами, из которых Предтеченский являлся тёплым. Из описи узнаём, что перед

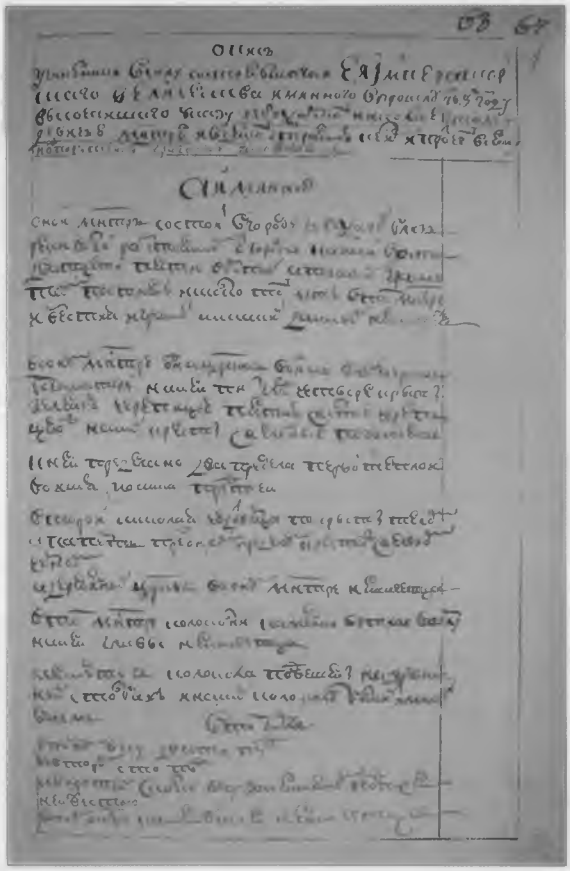
Никольским приделом была устроена паперть, крытая железом. Церковь имела пять главок (четыре из них были крыты зелёной черепицей, одна – жёлтой) с позолоченными крестами; приделы крыты тёсом. Отдельно от церкви была построена колокольня. Указывалось, что она пришла в ветхость, не имела главы, а колокола были с неё сняты и повешены на столбах. Из восьми колоколов главный весил 200 пудов, второй – 100, вес остальных «за неимением подписей» на них остался неизвестным[70].

На территории монастыря располагались 34 деревянные кельи (две настоятельские, 32 – монашеские), «крытые лубьём и драньём», небольшой огород игуменьи площадью 164 кв. м с двумя яблонями, амбар и два погреба. Отмечено, что кельи монахинь были построены их «собственным коштом».

С четырёх сторон обитель окружал рубленный «в столбы» забор общей длиной в 354 м. За ним был разбит огород «для посажения про монастырской обиход овощу» площадью менее 10 соток. В ограде имелись двое ворот: со стороны Волги – хозяйственные («въезжающие»), крытые тёсом, с южной стороны – парадные («святые») «створные с прикалиткой под каменной колокольней» (т.е. рядом с колокольней)[71].

На момент переписи в монастыре числилось 17 монахинь вместо 29 положенных по штату: игуменья Александра (находилась в отъезде в Казани), казначея Ерофея и 15 монахинь (из них 6 – схимонахини). Вместе с ними в обители проживали 25 белиц – женщин, желавших принять монашеский постриг, кормившихся мирским подаянием (отдельно была учтена белица-просвирня – женщина, выпекавшая просвиры). Отмечено, что монахини и белицы рукоделием не занимались и «в послушание при должности ни в какой не определены»[72].

В предыдущий период белиц было гораздо больше. В ходе переписи послушниц в женских монастырях Казанской епархии, проведённой по указу епископа Казанского и Свияжского Луки от 31 декабря 1753 г., в двух чебоксарских и Свияжском Иоанно-Предтеченском монастырях было учтено 428 молодых вдов и девиц до 45 лет. В 1756 г. игуменьям было указано выслать их всех из обителей и впредь не принимать послушниц младше 45 лет (по Духовному регламенту 1721 г. возраст пострижения для женщин составлял 50-60 лет)[73]. Кстати, судя по метрическим книгам 1720–1790-х гг., при обоих женских монастырях, их наследниках – Николаевском и Благовещенском храмах, а также Воздвиженской, Михайло-Архангельской и Покровской церквах Чебоксар проживали так называемые келейные или богаделенные вдовы и девицы. Даже в XIX в. они строили кельи по соседству с городскими церквами, где «в покое и молитве» доживали свои дни[73a].



Первый лист офицерской описи Николаевского женского монастыря. 1764 г.

Николаевский собор. Вид с запада. Фото конца XIX – начала XX в.

С рубежа 1730–1740-х гг. игуменья получала денежное жалованье в размере 87,5 коп. в год, монахини – по 62,5 коп., просвирня – 1 руб. (содержание выдавалось на 29 штатных мест). Денежное содержание получал также причт монастырского храма. По «древнему установлению» в монастыре полагалось иметь двух попов, однако на момент переписи в нём налицо состояли: протопоп и поп, получавшие по 2 руб. в год, дьякон (1,5 руб.), дьячок и пономарь (по 1 руб.). Ещё 2,5 руб. отпускалось церкви на ладан и церковное вино. Размер хлебного жалованья составлял 30 четвертей 4 четверика ржи и 3 четверти 4 четверика овса (по другим данным, рожь и овес отпускались по единой норме – по 30 четвертей и четыре четверика)[74]. Оно выплачивалось деньгами, которые монахини и священники делили между собой «по равным частям»[75].

Вскоре после переписи Николаевская обитель, так же как и Благовещенский женский монастырь, была упразднена, их монахини вместе с начальницами переведены в Свияжский Иоанно-Предтеченский девичий монастырь[76]. В одной из новых книг о Чебоксарах написано об объединении Николаевского и Благовещенского женских монастырей после 1773 г.[77], чего в действительности не было.

О повседневной жизни монастыря известно мало. Упоминавшуюся игуменью Марию отличало стремление к строгому соблюдению монастырского устава. В 1751 г.

она жаловалась епископу Казанскому и Свияжскому Луке (Конашевич Л.К.), что монастырские священники Г. Степанов, Г. Андрианов и А. Иванов не слушают и оскорбляют её, служат «непорядочно», скандалят между собой и на место причётников (низшие церковнослужители) приглашают горожан, доверяя им ключи от церкви.

Пренебрежение порядком приводило к частым хищениям церковного имущества, в том числе серебряных сосудов, «прикладов и подвесов» с икон. Кроме того, холостые парни чинили монахиням и послушницам «великие пакости у святой церкви, и обители осквернение», в результате чего многие вдовы и девицы были наказаны за грехопадение и высланы из монастыря. Игуменья сообщала, что неоднократно обращалась с жалобами к правителю Чебоксарского духовного правления архимандриту Антонию, однако реакции с его стороны не последовало.

Епископ Лука провёл разбирательство, заменил монастырских священников и наложил денежный штраф на архимандрита за бездействие. Игуменье было поручено выбрать двух монахинь «в беззазорном и честном житии пребывающих», назначить их «для отправления пономарской должности и для присмотру и послужения церкви и алтарю», а ключи от церкви хранить у себя[78].

В справочнике П.М. Строева указана дата смерти игуменьи Марии – 1765 г. Там же указаны имена ещё двух игумений монастыря – Зинаиды (умерла в 1653 г.) и Иулиании (упоминается в январе 1703 г.)[79]. По документам о ссылке М.Т. Шестовой известна одна из первых игумений монастыря – Феодосия (1601). О последней его настоятельнице, игуменье Александре (1764), упоминалось выше.

В Казанской губернии не было города, который мог бы сравниться с Чебоксарами богатством народных праздников и обрядов. Один из них был связан с Николаевским монастырём. Писательница А.А. Фукс (ок. 1792–1853), чьё детство прошло в Чебоксарах, писала, что в сборное воскресенье (первое воскресенье Великого поста. – *Ю.Г.*) девушки по традиции посещали обедню в церкви Иоанна Предтечи, а вечерню – в Троицком монастыре. Походы в Николаевский собор превращались в смотр невест: после службы женихи выстраивались на улице в два ряда, оставляя посередине узкую дорожку, по которой медленно проходили «нарядные, как павы» девушки, «посматривая на обе стороны исподлобья»[80].

Монастырь не раз горел во время городских пожаров, которые были сущим бедствием для деревянных Чебоксар. В летописи Покровской церкви так говорится о последствиях пожара 6 мая 1758 г.: «Почти весь город огнём пожжён был, [сгорели] все церкви, лавки и монастыри, второго Никольского собора и Благовещенского девичьего монастыря келии, в коих жили монахини»[81]. Во время самого опустошительного городского пожара, занявшегося в полдень 30 апреля 1773 г., в двух упразднённых женских монастырях все строения сгорели «без остатку»[82]. От Николаевского монастыря остался каменный пятиглавый храм с отдельной колокольней.

Приходская церковь со статусом собора

После ликвидации монастыря Николаевский собор был обращён в приходскую церковь. В разное время границы его прихода менялись (см. таблицу 1). В 1853–1895 гг. к собору «по малоприходству» была приписана Михаило-Архангельская церковь, богослужение в которой в 1848 г. из-за её ветхости было прекращено и перенесено во вторую (теплую) церковь во имя Параскевы Пятницы[83].

Таблица 1

Сведения о приходе Николаевского собора (1798 – 1933 гг.)[84]

Годы	Количество дворов			Количество жителей						
	Чебоксары	Приходские деревни	Всего	Чебоксары			Приходские деревни			Итого обоего пола
				Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	
1798	80	50 – Якимово, Голодяиха, Якушево	130	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
1813	56	25 – Якимово, Голодяиха	81	139	нет данных	нет данных	82	нет данных	нет данных	нет данных
1848	74	41 – Якимово, Голодяиха	115	111	157	268	110	125	235	503
1880	104	81 – Якимово, Голодяиха, Кнутиха	185	148	223	371	200	227	427	798
1904	72	69 – Якимово, Голодяиха	141	154	184	338	231	248	479	817
1933	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	70	нет данных	нет данных	253	323

В 1880-х гг. в Николаевском соборе имелось 12 колоколов – больше, чем в любой церкви города. Например, в Троицком монастыре насчитывалось 11 колоколов, во Введенском соборе, Покровской и Благовещенской церквах – по 10 и т.д.[85] Почётное место среди них занимал вседневный колокол, отлитый 20 августа 1694 г.[86] К 1920-м гг. в звоннице осталось 10 колоколов общим весом в 416 пудов[87]. Главный колокол весил 216 пудов 4 фунта и, как гласила надпись на нём, был отлит в 1797 г. «при преосвященном Амвросии, архиепископе Казанском и Симбирском и [ордена] Александра Невского кавалере»[88].

Заметим, что дьякон Николаевского монастыря, а затем Николаевского собора Григорий Иванов (ок. 1723 – не ранее 1798) был известен как мастер по литью колоколов[89]. Еще в 1760-х гг. он построил на выгонной городской земле[90] у Владимирской пустыни литейный «завод» , который к 1790 г. имел две печи[91]. Мастер изготовлял колокола на заказ и для продажи на Нижегородской ярмарке. Изготовленные им колокола доставлялись даже в Вятскую губернию[92].

В ноябре 1779 г. по заказу купца 1-й гильдии Г.Г. Бронникова Г. Иванов отлил 300-пудовый колокол для Вознесенской церкви Чебоксар[93]. По преданию, слава об искусном мастере дошла до Москвы, куда его пригласили для «слития большого колокола в Успенский собор». Рассказывали, что там он умер и благодарные москвичи поставили на его могиле памятник[94].

В 1796 г. при Генеральном межевании за Николаевским собором и Михаило-Архангельской церковью были закреплены сенокосы в Чебоксарском уезде близ Волги в устье р. Кривуши (всего 30 десятин 802 кв. сажени)[95]. До 1917 г. луга оставались в половинном владении двух причтов, принося им доход в виде арендной платы. Крестьяне приходских деревень на содержание причта платили с венца по 1 пуду ржи и по стольку же овса (всего 80 венцов), однако с 1911 г. выплату руги (плата на содержание причта) из-за малоземелья прекратили[96]. В 1902 г. причту собора было назначено жалованье от казны: священнику 300 руб. в год, псаломщику – 100[97].

По традиции «доброхотные датели» продолжали оказывать Николаевскому собору щедрую помощь. В первой половине XIX в. купец П.Е. Милавин обнёс территорию церкви «отличной деревянной оградой»[98]. В 1825 г. купец 2-й гильдии П.Н. Жуков пожертвовал на украшение церкви 56 руб., а в 1826–1828 гг. «за ветхостью» перестроил Никольский придел (предположительно – с сохранением «прежних особенностей»)[99]. В 1837 г. церковный староста, купец 1-й гильдии Я.И. Веденисов (? – 1844) построил иконостас для придела Иоанна Предтечи и деревянный дом для причта[100]. В 1898 г. «из усердия к церкви» прихожанин из мещан, художник Е.А. Рукавишников расписал отремонтированный в том же году Предтеченский придел[101]. В 1889 г. казанская купеческая жена А.А. Сергеева и чебоксарская мещанка А.Ф. Зелейщикова пожертвовали Николаевскому собору каменный 2-этажный дом с двумя земельными участками по р. Чебоксарке близ Новой Московской улицы, в 1891 г. жена чиновника Е.Г. Вишневская – деревянный одноэтажный дом на Слузовой горе[102]. Часто благотворители не раскрывали своих имён. Скажем, в июне 1836 г. «в пользу церкви» «неизвестным человеком» было подано 60 руб., в 1841 г. неизвестными «на поправку церкви» пожертвовано 210 руб. ассигнациями[103].

В XIX в. упадок экономики Чебоксар негативно отразился на доходах городских церквей. В конце XVIII в. Николаевский собор имел полный состав причта: протопоп, два священника, два дьякона, два дьячка, два пономаря. В 1790 г. по указу Казанской духовной консистории он стал одноштатным: священник, дьякон, дьячок, пономарь[104]. В 1830 г. должность дьякона была сокращена, в 1853 г. с припиской Михаило-Архангельской церкви – восстановлена, а в 1871 г. упразднена окончательно[105]. С 1885 г. по указу Синода штат состоял из священника и псаломщика[106].

Никольский придел с папертью до перестройки 1826–1828 гг. Рисунок-реконструкция И.К. Кугуракова. 2016 г.

В случае, когда назначение нового настоятеля церкви затягивалось, исполнять его функции поручалось другому священнику. Например, в июне – сентябре 1824 г. временным настоятелем храма являлся священник Христо-Рождественской церкви П.Ф. Зимнинский, в мае – августе 1844 г. – священник Михаило-Архангельской церкви Я.Ф. Знаменский[107]. Как видно из таблицы 2, с середины XIX в. священники служили в храме по много лет. Последний из известных священников Николаевского собора Н.А. Пономарёв пережил его ликвидацию, а в 1938 г. был репрессирован.

Таблица 2

Сведения о священниках Николаевского собора (1809 – 1933 гг.)[108]

Ф.И.О.	Годы службы	Биографические сведения
Александр Андреевич Богдановский	1809 – 1813…	Родился около 1786 г. После окончания в 1809 г. Казанской духовной академии определен священником в Николаевский второй собор.
Никита Пикторинский	? – 1823	Нет сведений.
Александр Кандалинский	1824 – 1828	Нет сведений.
Павел Русанов	1828 – 1831	Нет сведений.
Яков Фёдорович Сретенский	1833 – 1835	Утонул в мае 1835 г.
Пётр Федорович Зимнинский	1835 – 1844	В 1816 г. священник Христорождественской церкви, один из инициаторов открытия в Чебоксарах духовного училища.
Пётр Евтропов	1844 – 1853	Нет сведений.
Сильвестр Васильевич Богородицкий	1853 – 1869	Родился в 1822 г. в Ядринском уезде. В 1844 г. окончил Казанскую духовную семинарию. В 1846 г. определён священником в Михаило-Архангельскую церковь Чебоксар. В 1869-1901 гг. – священник Введенского собора. Умер в 1901 г.
Константин Петрович Никольский	1869–1881	Перемещен из г. Спасска Казанской губернии. В 1881 г. переведен в Куртинскую церковь г. Чистополя.
Евграф Климентович Серебров	1881–1911	Родился около 1837 г. в с. Хормалы Цивильского уезда в семье священника. В 1860 г. окончил Симбирскую духовную семинарию. В 1862-1868 гг. – священник с. Бичурино Чебоксарского уезда, в 1868-1880 гг. – Вознесенской г. Чебоксары. К 1904 г. овдовел. В 1911 г. уволен за штат. Умер не ранее 1917 г.
Евгений Павлович Смирнов	1911–1932	Родился в 1865 г. в с. Туруново Ядринского уезда в семье священника. В 1887 г. окончил Казанскую духовную семинарию. С 1888 г. служил в церкви с. Шакулово Цивильского уезда, откуда в 1911 г. переведен в Чебоксары. Умер в декабре 1932 г.
Николай Александрович Пономарёв	1932–1933	Родился в 1876 г. в с. Чечуйское Иркутской губернии. В 1898 г. окончил Иркутскую духовную семинарию. В 1930 г. выслан из Иркутска в Чебоксары. В 1931 г. сослан на 3 года на Урал. В 1932 г. оправдан и вернулся в Чебоксары. В 1934–1938 гг. – настоятель Введенского собора. В 1938–1943 гг. отбывал ссылку в пос. Серегово Коми АССР. После освобождения в 1943 г. уехал в Иркутск, где умер в 1964 г.

Крупных строительных работ в этот период в храме не велось: в 1861 г. была отремонтирована паперть с западной стороны храма, в 1901 г. в церковной ограде построен деревянный дом с флигелем для проживания причта[109].

В конце XIX в. место вокруг храма было очищено от домов, отчего он смотрелся «как бы на пустыре»[110]. Один из путешественников этого времени назвал Владимирскую церковь «старой … изгрызенной временем, уныло поднявшей свои пять куполов на длинных шейках»[111]. В начале XX в. указывалось, что, подобно большинству церквей города, она содержалась «не в надлежащей чистоте»[112]. Признаки обветшалости здания собора видны на картинах и фотографиях этого периода.

В середине XIX в. А.И. Кроковский перечислил храмовые реликвии, дошедшие «от древних времён»: Евангелие издания 1685 г.; серебряный позолоченный крест «с частию древа креста Христова и мощами разных угодников Божиих», украшенный жемчугом (вероятно, один из крестов, пожертвованных М.О. Болтиной); серебряная дарохранительница весом в 5 фунтов; несколько местных и малых икон «низанных жемчугом, что было рукоделием монахинь сей обители»; Месяцеслов, «изображающий в лицах угодников Божиих», литографированный в 1713–1714 гг. Г.П. Тепчегорским, и памятная доска с надписью о поновлении иконостаса в 1710 г.[113] Еще одна святыня – чудотворная Тихвинская икона Божией Матери в серебряной позолоченной ризе, украшенной жемчугом – находилась в часовне приходской д. Кнутиха[114]. В 1925 г. среди икон храма, имеющих музейную ценность, были отмечены резной образ Николая Чудотворца, Смоленская и Тихвинская иконы Богоматери[115].

Небольшая часть предметов из Николаевского собора сохранилась благодаря тому, что попала в Центральный чувашский музей. В апреле 1922 г. в ходе кампании по борьбе с голодом из Николаевского собора были

Священник Николаевского собора Н.А. Пономарёв

изъяты в музей 16 икон с окладами и множество серебряных предметов[116]. К передаче была намечена и Владимирская икона Божией матери, но как «местночтимая святыня» по просьбе верующих оставлена в храме «по соглашению» (согласию) членов комиссии по изъятию церковных ценностей[117]. Основная часть предметов церковного искусства поступила на музейное хранение после закрытия собора. Ныне в Чувашском государственном художественном музее находятся три иконы XVII–XVIII вв. из Николаевского собора и несколько резных фигур ангелов и панелей иконостаса[118]. Настоящим произведением искусства являлся трехъярусный иконостас храма. Подобно чуду, что его царские врата (XVIII в.) сохранились до наших дней. В начале 1990-х гг. они были переданы из республиканского краеведческого музея Чебоксарско-Чувашской

Царские врата Николаевского собора. Фото М.М. Беляева. 1930 г. ЧГХМ

Фрагмент росписи свода Николаевского собора. Фото М.М. Беляева. 1930 г. ЧГХМ

епархии и ныне украшают иконостас церкви с. Альгешево Чебоксарского района.

А вот стенная живопись Николаевского собора в стиле позднего барокко, которая по надписи над южной дверью храма датировалась 1781 г.[119], утрачена безвозвратно. Удалось выяснить, что в том году собор расписала артель живописцев, нанятая его протопопом Яковом Ивановым. С росписью собора связана загадочная история. В июле 1784 г. священник Николаевского собора ключарь Афанасий Иванов принёс жалобу архиепископу Казанскому и Свияжскому Антонию (Зыбелин А.Г.) на Я. Иванова, обвинив его в ряде должностных прегрешений, в том числе в том, что по его требованию иконописцы «у образа Господа Саваофа благословенной крест», ранее написанный «по греческому обыкновению», переписали на «по-раскольнически двуперстный». Антоний поручил Чебоксарскому духовному правлению «освидетельствовать» роспись, а Казанская духовная консистория – «неумедлительно» рапортовать о результатах.

Члены духовного правления осмотрели росписи и подтвердили слова ключаря, приложив к рапорту рисунок крамольного изображения. Ознакомившись с ними, Антоний распорядился, чтобы «неправильное у изображенного в холодной чебоксарского Никольского собора церкви вверху на стене выше иконостаса образа Господа Саваофа перстов сложение исправить согласно с греческою церковию без промедления» под наблюдением духовного правления и в двухнедельный срок отчитаться об исполнении[120].

О том, как было исполнено распоряжение, можно судить по фотографии интерьера Николаевского собора 1930 г. На ней видно, что Саваоф простирает благословляющую правую десницу в жесте именословия, который в греческой церкви с середины XVI в. использовался как знак священнического благословения. Остаётся загадкой, какую цель преследовал Яков Иванов, отдавая

распоряжение живописцам, и был ли он наказан.

По описанию конца XIX в., на северной стене собора имелось до 17 изображений-медальонов со сценами из Апокалипсиса, на южной – 7 картин с изображениями чудес св. Николая Чудотворца, на западной – сцены из евангельской истории: усекновение главы Иоанна Предтечи, предательство Иуды и Иисус Христос на суде у Пилата, положение во гроб Иисуса Христа, а также обретение главы Иоанна Предтечи[121].

Стенные росписи собора, которые, по словам специалистов, выражали «буйную радость жизни»[122], привлекали внимание ценителей искусства. В конце XIX – начале XX в. их дважды с «особенным вниманием» осмотрел архиепископ Казанский и Свияжский Арсений (Брянцев А.Д.), высказав пожелание, чтобы они «оставались в таком виде неизменно»[123]. Судя по всему, к росписям относились бережно, например, в 1873 г. прочистили «с легкою промывкою»[124].

В 1917 г. страна вступила в новую эпоху. Придя к власти, большевики развернули наступление на церковь. В 1917 г. по распоряжению земельной управы у собора отобрали причтовые луга[125]. В 1920 г. в соответствии с декретом об отделении церкви от государства при Николаевском соборе было организовано церковно-приходское религиозное общество, которое прошло перерегистрацию в 1923 и 1925 гг. На свои средства оно содержало причт (священник, псаломщик)

Чебоксары, ул. Чувашская. На переднем плане справа – Николаевский собор. Фото 1930 г.

и церковное имущество. В 1927 г. был проведен внешний ремонт церкви и колокольни (покрашена крыша, побелены стены), в 1928 г. укреплен накренившийся крест на колокольне и др.[126]

В 1920 г. к городскому коммунальному отделу горсовета отошли два деревянных церковных дома для причта, к 1923 г. – оба пожертвованных дома, которые были отданы под квартиры советским служащим[127]. В 1922 г. в период борьбы с голодом из храма изъяли серебряную церковную утварь и оклады с икон общим весом в 2 пуда 11 фунтов 30 золотников[128] (37,8 кг). В 1929 г. колокольню, как мешавшую «правильному уличному движению» (выходила на проезжую часть Чувашской улицы – ныне ул. К. Иванова), разобрали, колокола повесили у церкви на столбах[129]. На фотографии 1930 г. перед папертью Никольского придела запечатлена скромная звонница менее чем с десятком колоколов небольшого размера. Это значит, что крупные колокола к тому времени были сданы на переплавку. То же произошло со всеми колоколами, которые составляли славу дореволюционных Чебоксар: в феврале 1930 г. Чебоксарский горсовет принял постановление о запрещении колокольного звона, после чего с колоколен всех церквей были сняты колокола и сданы на нужды индустриализации страны[130].

18 февраля 1930 г. комиссия городского совета Чебоксар по итогам наружного и внутреннего осмотра Николаевского собора составила акт о наличии трещин и ветхостей в стенах и сводах, деформации стен, на основе которого инженер Иванов сделал заключение о том, что по техническому состоянию здание опасно для посещения верующими, поэтому «службу в церкви необходимо прекратить»[131]. Сложно судить об объективности акта осмотра, однако в 1925 г. музейными работниками отмечалось, что здание церкви находится в «удовлетворительном состоянии», только настенная живопись «гибнет и требует реставрации» из-за того, что дверь из храма в тёплый Предтеченский придел «не заделывается наглухо» в зимний период[132]. Заметим, что профессор А.И. Некрасов, изучавший Николаевский собор в 1930 г., писал, что он заслуживает всемерной охраны[133].

Вскоре храму был вынесен окончательный приговор. 21 ноября 1933 г. ЦИК Чувашской АССР принял постановление о ликвидации Николаевского собора, которое 10 мая 1934 г. утвердил Президиум ЦИК СССР[134]. В июле 1934 г. более трёхсот его городских и сельских прихожан были прикреплены к общине Крестовоздвиженской церкви[135], которая закрылась в феврале 1941 г.[136] В 1936 г. собор был разрушен в связи со строительством по соседству 26-квартирного дома для республиканской элиты. Даже его фундамент разобрали. С тех пор на месте сгинувшего собора зеленеет газон городского сквера.

В 2013 г. в связи с археологическими раскопками на территории бывшего Николаевского собора была поднята тема обустройства этого исторического уголка города. Были высказаны идеи о его музеефикации, строительстве часовни или историко-архитектурного комплекса с восстановлением стены Чебоксарского кремля и др. Многие разделяют позицию наместника Троицкого мужского монастыря архимандрита Василия (Паскье) о восстановлении Николаевского собора или возведении на его месте музейно-культового комплекса. В последнем случае, как нам представляется, его экспозиция должна быть посвящена истории Николаевского женского монастыря и династии Романовых. Считаем, что решение по этому вопросу должно приниматься с участием специалистов и общественности и предусматривать продолжение археологических исследований в исторической части города.

Ю.В. Гусаров

2. ОПАЛЬНАЯ ДВОРЯНКА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ М.Т. ШЕСТОВА

Начало XVII в. известно как Смутное время – эпоха самозванцев, гражданской войны и польско-шведской интервенции. В истории Чебоксар оно отмечено острой социальной борьбой, в ходе которой город несколько раз захватывали восставшие крестьяне и казаки, а также ссылкой в Никольский девичий монастырь Марии Шестовой, чей внук Михаил Фёдорович Романов в 1613 г. был избран Земским собором царём. Этим актом народного единства был положен конец кровавой Смуте, а на престоле утвердилась новая царская династия, которая правила страной более 300 лет.

Мария Тимофеевна Шестова (Грязная) и её родные

Политический кризис сопровождался ожесточённой борьбой за власть. Царь Б.Ф. Годунов видел соперника в лице двоюродного брата покойного царя Фёдора Ивановича (1557–1598) – Фёдора Никитича Романова (ок. 1554–1633), с которым конкурировал на царских выборах 1598 г. В 1600 г. по оговору в подготовке покушения на жизнь Б. Годунова братья Романовы были арестованы и отданы под следствие. В 1601 г. они и члены их семей, родственники и друзья (князья Черкасские, Шестуновы, Сицкие, дворяне Репнины, Шереметевы, Карповы), по приговору боярского суда во главе с окольничим М.Г. Салтыковым (получил за это боярство), были сосланы в монастыри, в отдалённые города или в «почётную ссылку» на дальние воеводства[1]. В число опальных попала и тёща Ф.Н. Романова, дворянка Мария Шестова.

В литературе сложилась традиция причисления К.И. Романовой и её матери Марии Шестовой (по мужу) к боярскому роду князей Шестуновых, происхождение которых ведётся от ярославского князя Василия Васильевича, по прозвищу Шастун (?–1495). Начало ей положил историк XVIII в. М.М. Щербатов, который считал жену Ф.Н. Романова дочерью князя Ивана Васильевича Шестунова, род которого из-за родства с Романовыми «претерпел гонения» при Борисе Годунове (об опале М. Шестовой историк не знал). М.М. Щербатов считал опиской монаха-переписчика упоминание одного из «летописцев» о происхождении К.И. Романовой из рода Шестовых, а тот факт, что князь И.В. Шестунов указан

Царь Михаил Фёдорович Романов (1596–1645)

в родословных книгах бездетным, объяснял отсутствием у него сыновей, а не дочерей[2]. Ошибку Щербатова, а заодно и Г.Ф. Миллера, считавшего К.И. Романову урождённой княжной Сицкой, исправил Н.М. Карамзин, писавший, что она (также её мать) была дворянкой Шестовой (с указанием на дело о ссылке Романовых)[3].

Происхождение дворянского рода Шестовых ведётся от воеводы славянского происхождения из поморской Пруссии Михаила Прушанина, который в начале XIII в. перешёл на службу к новгородскому князю Александру Невскому и, по преданию, участвовал в Невской битве. Одновременно он считается легендарным родоначальником дворянских родов Морозовых, Шестовых и Салтыковых[4].

Однако последователи М.М. Щербатова не признали незнатных Шестовых родственниками аристократов Романовых[5]. «Я думал вместе с Щербатовым, что она (К.И. Романова. – *Ю.Г.*) из рода князей Шестуновых, – писал, например, литератор XIX в. Н.Д. Иванчин-Писарев, – не полагая, чтобы боярин, шурин царя, мог женить сына на дворянке»[6].

Нужно сказать, что бояре Романовы и Шестуновы являлись родственниками. Они породнились после женитьбы князя Фёдора Дмитриевича Шестунова (умер в опале в 1598 г.) на Фетинии Даниловне (?–1596) – дочери шурина царя Ивана Грозного Даниила Романовича Захарьина-Юрьева (?–1564)[7].

Биографические сведения о Марии Шестовой весьма скудны. Долгое время не было известно, в какой семье она родилась, даже какое отчество носила. Только из книги российского историка А.П. Павлова удалось узнать, что она была дочерью видного деятеля Смутного времени, сына боярского Тимофея Васильевича Грязного[8].

Фигура Т.В. Грязного колоритна. Он был женат на Марии Булгаковне – дочери представителя старинного рязанского боярского рода Булгака (Анисима) Андреевича Таптыкова (Каркадымова) (?– не ранее 1575) и его жены Елены Гавриловны, урождённой Ромодановой. Известно, что в другом браке Мария Булгаковна была замужем за Петром Денисьевым. В клубке семейных связей Марии Тимофеевны Шестовой отыскалось имя ещё одного видного деятеля Смутного времени. Как оказалось, её тетка Алёна Булгаковна была замужем за Г.П. Ляпуновым – братом одного из лидеров Первого ополчения Прокопия Петровича Ляпунова[9].

На этом любопытные факты из родословной М.Т. Грязной не исчерпываются. По данным, представленным Грязными в Разрядный приказ, их предок по имени Сеня выехал на Русь из Венеции. Внук легендарного родоначальника, ростовский боярин Илья Борисович служил московским князьям Василию II и Ивану III. В свою очередь, его внук Г.В. Грязной-Ильин находился на служ-

бе первоначально у удельного князя Дмитрия Ивановича Углицкого (царевич Дмитрий), затем – у московского князя Василия III, а напоследок – у удельного князя А.И. Старицкого.

Дед М.Т. Грязной Василий Григорьевич Грязной (до 1551 – после 1577) начал службу в г. Алексине, находившемся в уделе двоюродного брата И. Грозного, князя Владимира Андреевича Старицкого. После того как в 1566 г. г. Алексин был взят в опричнину, В.Г. Грязной перешёл на царскую службу и, вероятно, сразу зачислен в опричное войско. Известно, что он воевал на Ливонской войне.

Отмечается, что шутник и балагур «Васютка» Грязной быстро вошёл в ближнее окружение царя. В 1569 г. вместе с Малютой Скуратовым он участвовал в суде и расправе над своим бывшим государем В.А. Старицким. К 1570 г. Грязной и Скуратов сумели «свалить» прежних руководителей опричнины в лице отца и сына А.Д. и Ф.А. Басмановых и князя А.И. Вяземского и занять их место. К этому времени В.Г. Грязной уже имел чин думного дворянина.

После ликвидации опричнины царь подверг опале родственников В.Г. Грязного, а его самого вывел из опричной думы и отправил сначала на воеводство в Нарву, а затем – на русско-крымскую границу в крепость Донец. Там в 1573 г. в разведке бывший любимчик царя попал в плен к крымским татарам. В неволе он пытался играть роль «сверхштатного дипломата»: информировал царя о положении в Крыму, способствовал обмену русских пленных, вмешивался в переговоры царя с крымским ханом (последнее вызвало недовольство И. Грозного)[10].

В 1574 г. В. Грязной обратился к царю с просьбой вызволить его из плена, после чего между ними завязалась личная пере-

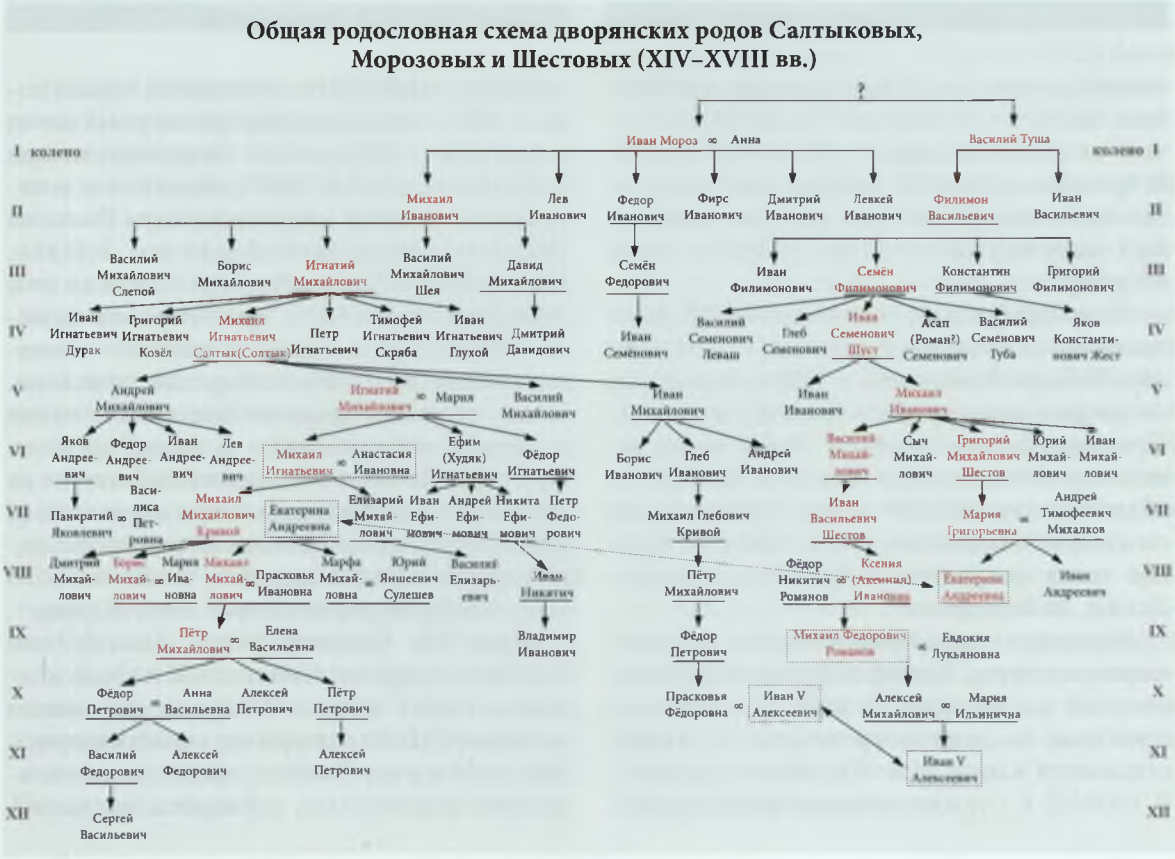


Схема опубликована в статье: *Макаров А.И.* Представители боярского рода Салтыковых и самарский список «Повести о Варламе и Иоасафе» (1628–1629) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. №3. С. 90

Парсуна Ивана Грозного из собрания Национального музея Дании (г. Копенгаген). Конец XVI – начало XVII в.

Царь Борис Федорович Годунов. Портрет из «Царского титулярника». 1672 г.

писка (длилась до 1576 г.), которая «отличается своей необычностью и почти интимной откровенностью»[11]. За освобождение В. Грязного крымским татарам был заплачен большой выкуп в 2 тыс. руб., но пленник был задержан ханом и, как считается, умер в Крыму[12].

Тимофей Грязной получил от И. Грозного поместье за «полонное терпение» отца. При царе Фёдоре Ивановиче в 1591 г. находился на дворянской службе «головой» в полках. При царе Борисе Годунове «имел оклад денежного жалования из Галицкой четверти в 60 руб.», что указывает на чин стряпчего или стольника[13]. Известно, что в 1600 г. Б. Годунов хотел направить Т. Грязного послом в Данию, но передумал[14].

Несмотря на принадлежность к романовскому кругу, Тимофей Грязной избежал гонений по их делу. В 1601 г. в качестве пристава он даже сопровождал в ссылку опального князя И.В. Сицкого с женой[15]. В 1604/05 г. служил головой в Смоленске, в 1606/07–1609/10 гг. – воеводой в Касимове, в 1607 г. как полковой голова участвовал в разгроме отрядов И.И. Болотникова под с. Коломенское[16]. В 1609 г. участвовал в неудачной попытке свержения царя Василия Шуйского, после чего сбежал в с. Тушино. На службе у Лжедмитрия II получил чин окольничего. В 1610 г. присягнул королевичу Владиславу, в оккупированной поляками Москве ведал Монастырским приказом. После изгнания поляков был лишён чинов и земель, «нахватанных» в лихие времена. При царе Михаиле Фёдоровиче находился на службе со званием московского дворянина (в 1616 г. имел годовой оклад в 60 руб.) и «в полной неизвестности доживал свой век»[17]. По воле судьбы он пережил свою дочь Марию.

Сын Т.В. Грязного Борис Тимофеевич в 1634 г., во время Смоленской войны, сбежал из своего полка в Литву, что позволило историку С.Б. Веселовскому сделать вывод о том, что «в роду Грязных традиции политического авантюризма держались прочно»[18].

Как видим, в роду и ближнем окружении М.Т. Шестовой (Грязной) было немало известных и неоднозначных (мягко говоря) деятелей опричнины и Смуты, что не могло не отразиться на её личности.

Полагают, что будущая бабушка царя Михаила Фёдоровича родилась около 1550 г. Около 1570 г. вышла замуж за дворянина Ивана Васильевича Шестова, который владел вотчинами в Костромском и Галичском уездах. По сведениям Разрядных книг, И.В. Шестов участвовал в походах в Ливонию в 1559 и 1562 гг. в качестве полкового головы. Его имя упоминается в приговорной грамоте об отказе литовским послам в перемирии и продолжении войны в Ливонии, принятой Земским собором 2 июля 1566 г.[19]

Около 1570 г. в семье Шестовых родилась дочь Ксения (Аксиния). Около 1585 г. (по другим данным – около 1590 г.) она вышла замуж за боярина Ф.Н. Романова, с которым воспитала старшую дочь Татьяну (ок. 1593–1611) и сына Михаила (будущий царь). Другие их дети (Борис, Никита, Лев, Иван) умерли во младенчестве[20]. Конечно, М.Т. Шестова тесно общалась с семьёй дочери и участвовала в воспитании внуков. Известно, что к моменту ссылки она овдовела.

К.И. Романова получила в наследство от матери с. Климянтино Углицкого уезда с 14 деревнями и пустошами. Известно, что она выкупила родовую вотчину отца – с. Домнино Костромского уезда (между прочим, родина героя Смутного времени – крестьянина Ивана Сусанина) с 57 деревнями и починками, которую в 1577 г. он вместе с братом П.В. Шестовым продал Т.К. Яковлеву. В 1631 г. перед смертью «великая старица» пожертвовала домнинскую вотчину московскому Новоспасскому монастырю[21].

Ксения Ивановна имела сильное влияние на сына в первые годы его царствования, в царских грамотах называлась «великой государыней». Интересно, что о её политических амбициях заговорили задолго до 1613 г. Голландский купец и дипломат И. Масса, живший в Москве в начале XVII в., писал, что К.И. Романова была недовольна тем, что её муж уступил престол Б. Годунову, и возглавила боярский заговор против последнего. Правда, Масса назвал эти слухи «неверными», считая, что они основывались на доносе, сделанном «по наущению Годуновых»[22].

Шестовы состояли в родстве с семьей переяславского сына боярского третьей статьи А.Т. Михалкова (? – после 1587), женатого на двоюродной сестре И.В. Шестова Марии Григорьевне Шестовой (? – после 1587). Даже их вотчины в Костромском уезде располагались по соседству. Хорошо известным является тот факт, что троюродные сестры Ксения Ивановна Шестова и Екатерина Андреевна Михалкова (? – не ранее 1633) были близки в первые годы царствования Михаила Фёдоровича. Полагают, что эта родственная дружба началась до их замужества[23].

Е.А. Михалкова в 1580-х гг. вышла замуж за дальнего родственника Шестовых – окольничего М.М. Салтыкова, по прозвищу Кривой (ок. 1560–1608). Кстати, его троюродным братом являлся упоминавшийся глава боярского суда над Романовыми, известный деятель Смутного времени Михаил Глебович Салтыков (?–1618), также носивший это прозвище[24]. Их дети Борис Михайлович Салтыков (?–1646) и Михаил Михайлович Салтыков (?–1671) благодаря протекции К.И. Романовой получили важные должности при дворе своего четвероюродного брата (по матери) М.Ф. Романова. Б.М. Салтыков был назначен дворецким (глава приказа Большого дворца), М.М. Салтыков – кравчим (служитель при царском столе во время трапезы), позднее совмещал эту должность с руководством Аптекарского, Оружейного и Серебряного приказов.

Боярин Фёдор Никитич Романов

Инокиня Марфа (Ксения Ивановна Романова)

В 1623 г. братья Салтыковы и их мать старица Евникия (приняла постриг после смерти мужа) подверглись опале за оговор невесты царя М.И. Хлоповой. Бориса и Михаила сослали в их вотчины под Вологдой и Галичем соответственно, их мать – в Покровский монастырь г. Суздаля, поместья и вотчины отобрали в казну. В 1626 г. в продолжение ссылки братья были назначены воеводами в города Самару (Борис) и Чебоксары (Михаил), а в 1633 г. прощены и возвращены в Москву[25]. Нет сомнений, что воевода Чебоксар М.М. Салтыков знал об опальной родственнице и её судьбе по семейным преданиям и официальным источникам, а возможно, и рассказам жителей Чебоксар.

Монахиня поневоле

1 июля 1601 г. по царскому указу Мария Шестова была приговорена к ссылке и пострижению в Казанский девичий монастырь г. Алатыря. В наказной памяти (инструкция) дьякам Афанасию Власьеву и Нечаю Фёдорову было предписано принять у Якова Вельяминова заключённую Марию Шестову и сопроводить её в Алатырь. По неизвестной причине приговор был изменён, и 3 июля того же года по царскому указу несчастная была сослана в Никольский девичий монастырь г. Чебоксары.

Сопровождать её был приставлен охранник («пристав») Яков Вельяминов. В наказной памяти ему предписывалось везти ссыльную «бережно, чтоб она с дороги не ушла и лиха над собою никоторого не учинила», не допуская контактов с ней кого бы то ни было. Всех, кто попытается заговорить с узницей, предписывалось сначала расспросить, а затем арестовать и посадить в тюрьму, отправив рапорт царю.

По прибытии на место Вельяминов вместе с чебоксарским воеводой Жданом Зиновьевым должен был определить М. Шестову в Никольский женский монастырь для пострига и содержания, передав игуменье и монахиням царский наказ: «…чтоб её из монастыря никуды не выпущали, и не

приходил бы к ней и не розговаривал с нею никто ни о чем никоторыми делы, и грамоток ни от кого к ней не подносил». Все, кто попытается войти в контакт с опальной монахиней, подлежали аресту и передаче для следствия в руки местной воеводской администрации, поставленной в известность по этому делу.

О том, как была исполнена царская воля, рассказывает донесение воеводы Ждана Зиновьева. Из него узнаём, что 2 августа 1601 г. М.Т. Шестова была доставлена в наш город и в тот же день в присутствии Вельяминова и Зиновьева насильственно пострижена в монахини под именем Марии игуменом Троицкого мужского монастыря Ианикием (Иоанникием) и игуменьей Никольского девичьего монастыря Феодосьей (Феодосией). Поскольку в Никольском монастыре слуг не было, надзирать за ссыльной старицей воевода приставил сына боярского (мелкий феодал) Микиту (Никиту) Трусова. Исполнив поручение, пристав Вельяминов отправился обратно в Москву[26].

К слову, мимо Чебоксар пролегал маршрут в ссылку в г. Яранск и далее в сибирский г. Пелым брата Ф.Н. Романова – Василия Никитича Романова (?–1602). В июле 1601 г. он выехал из Москвы под охраной пристава, стрелецкого сотника Ивана Некрасова. По-видимому, от Нижнего Новгорода их путь пролегал по Волге. Позднее Некрасов докладывал, что когда их струг миновал Чебоксары, он решился в первый раз по выезде из Москвы расковать ссыльного. Воспользовавшись свободой, Василий Романов выкрал у конвоира ключ от кандалов и выбросил его в воду. Избавление от мучений было недолгим: охранник купил новый ключ и вновь наложил кандалы на несчастного. Описанное событие произошло в конце июля, то есть незадолго до прибытия в Чебоксары М.Т. Шестовой[27].

В документах о ссылке бояр Романовых встречается имя чебоксарского жильца (служилый феодал) Семейки Пятина, который в августе 1602 г. доставил из Нижнего Новгорода в Москву царю Борису Годунову грамоту стрелецкого головы, пристава при ссыльном Иване Никитиче Романове (1560-е гг. –1640) С.Ю. Маматова[28]. По фамилии помещиков Пятиных получила своё название д. Пятино Чебоксарского уезда (вошла в черту г. Чебоксары). Возможно, упомянутый Семён Пятин является их предком или родственником.

Икона-картина «Убиение царевича Дмитрия»

О жизни М.Т. Шестовой в обители, а равно о её кончине и месте погребения письменных свидетельств не сохранилось. Даже если такие документы имелись в архиве монастыря, то они погибли в огне опустошительных городских пожаров или в годы социальных выступлений XVII–XVIII вв. Вспомним, что в годы Смуты восставшие казаки и чуваши разграбили соседний с Николаевским Троицкий мужской монастырь, скинули с башни его игумена Геласия (1610) и «поимали» документы из монастырского архива[29]. Единственным памятником пребывания М.Т. Шестовой в Чебоксарах считается икона-парсуна «Убиение царевича Дмитрия» из кладбищенской церкви во имя Нерукотворного Спаса (построена в 1790–1797 гг. под наблюдением смотрителя от городского общества купца А.С. Арбатова на собственные средства и пожертвования горожан[30]). Ныне икону называют «Житие царевича Дмитрия», хотя на ней изображены не события всей его жизни, а только сцены убийства.

Опальная.
Прибытие Марии Шестовой
в Чебоксарский
Никольский монастырь
на пострижение.
Картина В.Г. Бритвина.
Картон, акрил. 72×97,5 см.
2016 г.

Впервые икона демонстрировалась в 1890 г. на Казанской научно-промышленной выставке как картина с историческим сюжетом. В приложении к каталогу выставки было помещено её описание с публикацией подписей к рисункам-клеймам. Сообщалось, что картина издавна находится в алтаре церкви Нерукотворного Спаса г. Чебоксары. Указывалось, что сведения о том, откуда и как она в попала в церковь, отсутствуют, но высказана догадка, что картина принадлежала сосланной в Николаевский монастырь Шестовой и «досталась церкви после неё»[31]. Думаем, что версия о первом владельце иконы основывалась на содержании подписей к изображениям-клеймам иконы-парсуны, изобличающих Бориса Годунова в убийстве царевича Дмитрия. Текст из каталога выставки почти дословно повторяет анонимную статью, опубликованную 21 апреля того же года в газете «Казанские губернские ведомости»[32]. Полагаем, что газетная публикация была инициирована членами выставочного комитета, которых заинтересовала историческая реликвия.

Сведения из каталога были повторены в книге о прибрежных селениях Казанской губернии, подготовленной Казанским губернским статистическим комитетом[33]. В 1898 г. подписи под рисунками были опубликованы И.М. Барсовым в статье о Николаевском монастыре[34], но они проигрывают в полноте публикациям 1890 г. Странно, что в 1913 г. Н.А. Спасский повторил их в брошюре, посвященной юбилею правления династии Романовых[35].

И.М. Барсов развил версию о принадлежности иконы опальной инокине, предположив, что картина служила ей келейной иконой. При этом не исключал, что подобные иконы были и у других представителей рода Романовых[36]. В 1913 г. вслед за ним купец Ф.М. Дряблов писал, что ссыльная М. Шестова могла привезти икону с собой в Чебоксары[37]. По мнению И.М. Барсова, после упразднения Николаевского монастыря икона досталась храмоздателю Спасской церкви купцу А.С. Арбатову (ок. 1753 – 1807) и последним пожертвована кладбищенской церкви после её освящения[38]. В 1984 г. мнение о создании иконы для М. Шестовой поддержал ленинградский историк Б.В. Сапунов. Он высказал соображение, что убористый почерк, которым выполнены подписи к изображениям-клеймам, рассматривать «легче в келье, чем в храме»[39].

История, связанная с экспонированием иконы на казанской выставке, полна загадок. Неизвестно, кто организовал её отправку туда. В упоминавшейся книге о городах и селениях Казанской губернии, изданной в 1892 г., утверждалось, что по окончании выставки икона была передана в создающийся в Казани городской научно-промышленный музей[40]. Музей открылся в 1895 г., но икона, как известно, вернулась в Чебоксары. Почему она не была оставлена в музее – ответа на этот вопрос нет.

Спасская церковь была закрыта в 1929 г. В 1940 г. в ней размещалась кузница Чувашстройтреста[41], после войны – учебные мастерские педагогического института. Разобрали церковь в начале 1970-х гг.[42] 18 февраля 1930 г. икона царевича Дмитрия по акту Народного комиссариата финансов Чувашской АССР поступила в Чувашский центральный музей[43]. В ноябре 1939 г. на базе отдела изобразительного искусства музея была создана Чувашская государственная художественная галерея (с 1985 г. – Чувашский государственный художественный музей), где икона с тех пор хранится, за исключением перерыва в 11 лет. Дело в том, что в 2000 г. по распоряжению Президента Чувашии икона в числе 30 предметов культового характера XVIII–XIX вв. из фондов художественного музея

Икона-картина «Житие царевича Дмитрия». XVIII в. ЧГХМ

Спасская (кладбищенская) церковь. Фото И.К. Кугуракова. 1970–1971 гг.

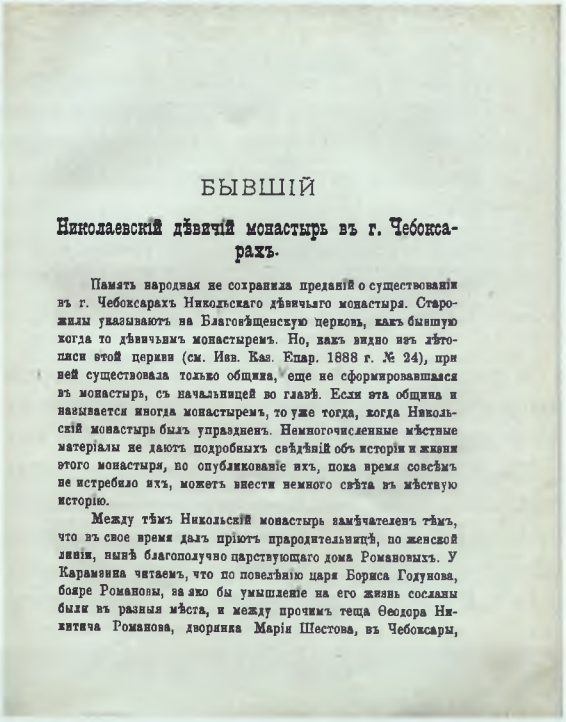
Икона-парсуна из Чебоксар выделяется среди двенадцати аналогичных, хранящихся в разных музеях страны, наибольшим количеством изображений-клейм – 23, что специалисты считают признаком её близости к их общему протографу. Б.В. Сапунов предложил следующую реконструкцию истории иконы: старица Мария (Шестова М.Т.) заказала её в Чебоксарах, желая таким образом обличить своего гонителя Бориса Годунова в цареубийстве. После её смерти икона находилась в Никольском монастыре, а после его упразднения перешла в собственность купца А.С. Арбатова. Последний при освящении Спасской церкви пожертвовал ей копию с иконы Шестовой, а оригинал оставил у себя[45].

была передана в бессрочное и безвозмездное пользование Чебоксарско-Чувашской епархии[44] и до 2011 г. находилась в церкви Рождества Христова г. Чебоксары.

Икона-парсуна написана масляными красками на холсте, имеет размеры 88 х 103 см. В центре композиции на фоне каменных зданий (т.е. города Углича) изображён царевич Дмитрий в большом царском наряде в рост, держащий в руках крест и пальмовую ветвь, обвитую лентой с надписью: «Праведник яко финик процветает и яко кедр, иже в Ливане умножится». По полям иконы разбросаны картины-клейма со сценами его убийства с текстовыми пояснениями. Иконы подобной композиции являются древними и редкими. Не мудрено, что дореволюционные авторы считали владельцем чебоксарской иконы опальную Марию Шестову, однако научные исследования, проведённые в середине XX в., показали, что икона была написана в середине – второй половине XVIII в.

Б.В. Сапунов пришел к выводу, что первоначальным вариантом композиции серии изученных им икон был протограф чебоксарской иконы, созданный в начале XVII в. (не позднее 1630-х гг.) на основе литературного памятника об убийстве царевича Дмитрия Ивановича, написанного между 1591–1606 гг., что, как писал, «вполне согласуется с чебоксарской версией [происхождения иконы]»[46]. Само литературное произведение, которое Б.В. Сапунов условно назвал «Повестью об убиении царевича Дмитрия Ивановича», не сохранилось, но его содержание отразилось в композиции и текстовом сопровождении протографа чебоксарской картины[47], то есть о его содержании мы можем судить по подписям к клеймам чебоксарской иконы.

Исследователь полагал, что черты лица царевича восходят к портрету Дмитрия в медальоне его матери Марии Фёдоровны Нагой (возможно, написанному художником-иностранцем), имевшему «значительное



БЫВШІЙ

Николаевскій дѣвичій монастырь въ г. Чебоксарахъ.

Память народная не сохранила преданій о существованіи въ г. Чебоксарахъ Никольскаго дѣвичьяго монастыря. Старожилы указываютъ на Благовѣщенскую церковь, какъ бывшую когда то дѣвичьимъ монастыремъ. Но, какъ видно изъ лѣтописи этой церкви (см. Изв. Каз. Епар. 1888 г. № 24), при ней существовала только община, еще не сформировавшаяся въ монастырь, съ начальницей во главѣ. Если эта община и называется иногда монастыремъ, то уже тогда, когда Никольскій монастырь былъ упраздненъ. Немногочисленные мѣстные матеріалы не даютъ подробныхъ свѣдѣній объ исторіи и жизни этого монастыря, но опубликованіе ихъ, пока время совсѣмъ не истребило ихъ, можетъ внести немного свѣта въ мѣстную исторію.

Между тѣмъ Никольскій монастырь замѣчателенъ тѣмъ, что въ свое время далъ пріютъ прародительницѣ, по женской линіи, нынѣ благополучно царствующаго дома Романовыхъ. У Карамзина читаемъ, что по повелѣнію царя Бориса Годунова, бояре Романовы, за яко бы умышленіе на его жизнь сосланы были въ разныя мѣста, и между прочимъ теща Ѳеодора Никитича Романова, дворника Маріи Шестова, въ Чебоксары,

Портрет Лжедмитрия I в парадных доспехах. Неизвестный польский художник. XVII в.

Первая страница статьи И.М. Барсова о Николаевском девичьем монастыре. 1898 г.

портретное сходство с оригиналом»[48]. Он предложил называть жанр изученных им памятников живописи протопарсуной[49]. Отметим, что впервые о сочетании в живописном памятнике Чебоксар элементов парсуны и иконы высказались искусствоведы А.И. Некрасов и Е.А. Некрасова[50]. Как видим, икона из Чебоксар представляет интерес для изучения не только прошлого столицы Чувашии, но и истории русской живописи.

Загадки «исторической могилы»

В 1602 г., когда Борис Годунов оправился от болезни, а кризис власти потерял остроту, он освободил уцелевших «изменников» и объявил о прощении вдов и сирот опальных бояр. В частности, дети Ф.Н. Романова Михаил и Татьяна, его сёстры княгиня Марфа Никитична Черкасская (с дочерью Ириной) и Анастасия Никитична, вдова брата А.Н. Романова Ульяна Семёновна, находившиеся в ссылке в г. Белоозеро, были отправлены в его бывшую родовую вотчину – с. Клины Юрьев-Польского уезда, где находились под надзором приставов до смерти Б. Годунова в 1605 г.[51]

Взойдя на трон, Лжедмитрий I вернул свободу боярам Нагим и Романовым из желания продемонстрировать родство с ними. В 1606 г. по указу самозванца прах умерших в ссылке братьев Александра, Василия и Михаила Никитичей Романовых был перенесён и перезахоронен в московском Новоспасском мужском монастыре, где с XV в. располагалась родовая усыпальница бояр Романовых[52]. Однако имя Марии Шестовой в связи с этим не упоминается. Сказанное убеждает, что она умерла в первые годы жизни в Чебоксарах и была похоронена в Никольском женском монастыре. Вспомним, что её ссылка совпала с великим голодом 1601–1603 гг., который, по некоторым оценкам, унёс жизни около 3 млн чел. – почти трети населения страны[53]. Если учесть юный возраст обители, её могила была в числе первых на монастырском погосте.

Историк В.Д. Димитриев полагал, что ссыльная старица была похоронена рядом с монастырской церковью[54], сгоревшей в городском пожаре середины XVII в. После строительства каменной Владимирской церкви (Николаевский собор) «историческая могила» оказалась в склепе под её Никольским приделом. И.М. Барсов отмечал, что ни один другой храм Чебоксар не имел такой особенности, указывая: «В подобных склепах под церквами обыкновенно погребались знатные особы»[55]. Он же впервые высказал идею о проведении раскопок в склепе для обнаружения могилы[56].

Придел во имя св. Николая Чудотворца имел небольшие размеры, с трудом вмещал 20 человек[57]. В середине XIX в. в склепе визуально просматривались две могилы: одна на уровне с полом, по виду хорошо сохранившаяся, другая – немного возвышавшаяся над поверхностью земли, слегка просевшая[58]. В 1913 г. священник Николаевского собора Е.П. Смирнов писал, что пол склепа был вымощен кирпичом и под самым алтарём имел возвышение в форме «надмогильной насыпи» или «крышки гроба» высотой в 2–3 четверти (36–53 см)[59].

...Со временем о могиле опальной старицы забыли. Иначе чем объяснить тот факт, что императоры Пётр I, Екатерина II, Павел I,

Николаевский собор. Вид с юга. На переднем плане Никольский придел с папертью. Фото А.В. Лядова. 1920-е гг. ЧГХМ

а также несколько великих князей при посещении Чебоксар не почтили место упокоения своей родственницы. Только в июле 1902 г. внук Николая I, великий князь Константин Константинович, включил Николаевский собор в маршрут своего знакомства с городом, осмотрев храм и оба его придела[60]. Однако к тому времени о предполагаемой могиле бабушки первого из царей Романовых уже было написано в центральных и региональных изданиях.

Имя М.Т. Шестовой пребывало в забвении более 200 лет – до выхода в свет в 1824 г. 11-го тома «Истории» Н.М. Карамзина, в котором было упомянуто о её ссылке в Чебоксары. В 1841 г. в сборнике документов Археографической комиссии при Министерстве народного просвещения были опубликованы материалы дела о ссылке бояр Романовых и их родственников, в том числе Марии Шестовой. С этого времени в справочной и научно-популярной литературе стали писать о её ссылке как примечательном факте прошлого Чебоксар.

Во второй половине 1840-х гг. историей Николаевского собора заинтересовался священник Введенского собора А.И. Кроковский. В поисках материала увлеченный исследователь изучил архивы местных церквей (в том числе Николаевского собора) и городового магистрата, поднимался на Николаевскую колокольню, где с риском для жизни разбирал надписи на колоколах, осмотрел ризницу и обследовал склеп под Никольским приделом, беседовал со старожилами. Результатом любопытства краеведа (его собственное выражение) стала статья, которую он в 1849 г. опубликовал в газете «Казанские губернские ведомости»[61]. Для современного исследователя она имеет значение источника.

1849 г. №2. 10 января. 9

БАЗАНСКІЯ

ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 2.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Чебоксарскій, второй, Николаевскій Соборъ.

Достойно удивленія, что въ столь маленькомъ городкѣ, какимъ Чебоксары, кромѣ мужескаго Троицкаго монастыря, двухъ уничтоженныхъ пустыней, одной загородной церкви и семи приходскихъ церквей—находятся еще два Собора: первый Введенскій, а другой Николаевскій. Изъ документовъ, хранящихся въ библіотекахъ ихъ, видно, что они имѣли прежде полный причтъ, какъ-то: Протоіереевъ, двухъ Священниковъ, Діакона и двухъ причетниковъ (*) Судя по началу минувшаго столѣтія, нѣчѣмъ нельзя объяснить способы ихъ содержанія, какъ однимъ только богатствомъ и усердіемъ къ церквамъ Божіимъ бывшихъ гражданъ. На примѣръ, еще въ 1784 году при Николаевскомъ Соборѣ были Протоіерей, Клирикъ, Діаконъ и два причетника; тогда какъ приходскихъ дворовъ значилось только 8 (*). Имѣя же при семъ Соборѣ одна можетъ содержаться на одинъ Священникъ съ причетниками, хотя число приходскихъ дворовъ простирается уже до 74-хъ, исключая приписныхъ къ нему двухъ деревень (**). Оставшая до времени объясненіе причины бо-

(*) Смотри исторіи книги Воскресенія Собора за 1800 и прочіе годы.

(*) Смотри вѣдомость Николаевскаго Собора за 1784-й годъ.

(**) По нынѣшнему обозрѣнію за 1846-й годъ, оказалось, что въ приходѣ Николаевскаго Собора въ городѣ 71 дворъ, въ коемъ 111 душъ муж. и 137 женскаго. Въ деревняхъ 94 двора, въ коемъ 136 мужскаго и 155 женскаго.

Первая страница статьи А.И. Кроковского о Николаевском соборе. 1849 г.

По свидетельству А.И. Кроковского, народная память о монастыре оказалась короткой: ему удалось найти единственного «старца», который помнил об уничтоженной Николаевской женской обители[62]. Зато о могилах в склепе, по словам Кроковского, «много носилось и носится слухов». Одни считали, что в нём похоронены какие-то воеводы, другие – строители храма. Краевед даже посетовал на лёгкость, с какой забываются предания об исторических лицах «кои своей участью могли бы служить предметом любопытства историка»[63]. По свидетельству И.М. Барсова, полвека спустя в Чебоксарах не осталось даже преданий о Николаевском монастыре[64].

Зная из «Истории» Н.М. Карамзина о ссылке Марии Шестовой и не найдя в литературе сведений о её освобождении, Кроковский предположил, что в склепе покоятся останки тёщи Ф.Н. Романова[65]. Его версия, как говорится, «пошла в народ». Через сорок с небольшим лет она была повторена в книге о приволжских населенных пунктах Казанской губернии[66], с подачи, как мы полагаем, одного из её авторов В.К. Магницкого, кстати, знавшего А.И. Кроковского лично[67]. После этого в краеведческой и справочной литературе о могиле Шестовой писали не иначе, как со ссылкой на народное предание.

Кроковский писал, что могилы Марии Шестовой и жены фаворита Петра I А.Д. Меншикова Дарьи Михайловны[68] заслуживают чести быть «замечательнейшими памятниками в Казанской губернии»[69]. Краевед не был услышан современниками, зато через 60 лет у него появился последователь – инспектор Казанского учебного округа, краевед Н.А. Спасский, не сомневавшийся в том, что М.Т. Шестова (он называл её княгиней Марией Шестуновой) похоронена в склепе при Николаевском соборе. В 1912 г. он утверждал это, например, в своей книге по истории Казанской губернии[70].

В 1911 г. на совещании по подготовке празднования в Казанском учебном округе 100-летия Отечественной войны 1812 г. и 300-летия царской династии Романовых, Н.А. Спасский предложил обратить внимание руководителей экскурсий, запланированных на 1912 г. в ряде средних учебных заведений г. Казани, на могилу Шестовой с тем, чтобы экскурсанты могли почтить память бабушки царя Михаила Фёдоровича участием в заупокойной панихиде[71]. В соответствии с этой рекомендацией летом 1912 г. Чебоксары посетили экскурсионные группы из Елабужского и Казанского 1-го реальных училищ[72].

В год царского юбилея в склепе были проведены раскопки, подтвердившие, как полагали их участники, факт захоронения в Чебоксарах Марии Шестовой. На короткое время «историческая могила» стала объектом паломничества местного населения. Конец этому положил 1917 г., когда в стране не стало царя, а ещё через 19 лет вместе с Николаевским собором были уничтожены следы обретённой было могилы.

Хочется верить, что мы сможем вернуть долги прошлых поколений. Оптимизм внушает то обстоятельство, что начало археологических раскопок на месте бывшего Николаевского женского монастыря вызвало широкий и заинтересованный отклик не только в Чувашии, но и за её пределами.

Ю.В. Гусаров

3. «НЕОБЫКНОВЕННОЕ СОБЫТИЕ», ИЛИ РАСКОПКИ ПО ПОИСКУ «ЗАБЫТОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МОГИЛЫ» В ЧЕБОКСАРАХ В 1913 ГОДУ

Несомненно, воскресенье 20 января 1913 г. запомнилось многим жителям Чебоксар. В этот день в городе работала комиссия под руководством казанского губернатора, прибывшая для проверки слухов о могиле бабушки царя Михаила Фёдоровича в склепе Николаевского собора. Горожане были заранее оповещены о приезде «особой» комиссии, поэтому наблюдать за диковинными зимними раскопками могли все желающие. Наверняка в городе долго обсуждали подробности этого, как сказано в летописи Николаевского собора, «необыкновенного события»[1], нарушившего сонную и размеренную жизнь провинциальных Чебоксар.

Целый век о ходе и результатах раскопок судили по статье их участника, ректора Казанской духовной академии Анастасия (Александров А.И.), опубликованной в марте того же года в казанском журнале «Православный собеседник»[2]. Находки, сделанные в архивах и библиотеках Чебоксар, Казани и Санкт-Петербурга, а также научные публикации последних лет[3] проливают свет на предысторию раскопок и во многом дополняют картину связанных с ними событий.

Общественная инициатива

В конце XIX в. версия А.И. Кроковского о могиле М.Т. Шестовой в склепе Николаевского собора приобрела характер предания и закрепилась в справочной и краеведческой литературе. 300-летний юбилей царствования династии Романовых предоставил шанс проверить её на соответствие исторической истине. Показательно, что инициативу в этом деле проявили не власти, а представители общественности.

11 декабря 1912 г. в разделе хроники казанской газеты «Камско-волжская речь» была напечатана анонимная корреспонденция из Чебоксар, целиком написанная по материалам статьи И.М. Барсова о Николаевском женском монастыре, но без упоминания о ней. В статье рассказывалось о ссылке в Никольский девичий монастырь Марии Шестовой, предполагаемом месте её погребения и выражалась уверенность, что при раскопках «открылись бы несомненные признаки могилы». В преддверии юбилея царской

Чебоксарский купец 2-й гильдии Фёдор Михайлович Дряблов. Фото 1917 г.

династии автор статьи обращал внимание читателей на «забытую историческую могилу», которая находилась в неухоженном состоянии[4]. 15 декабря того же года статья была перепечатана газетой «Известия по Казанской епархии»[5].

Статья носит реферативный характер, что, по нашему мнению, исключает авторство И.М. Барсова (к слову, к этому времени ему исполнилось 70 лет[6]). Можно думать, что автор статьи входил в окружение чебоксарского купца 2-й гильдии Фёдора Михайловича Дряблова (1862 – не ранее 1925). То немногое, что известно о купце, позволяет говорить о нём не только как об успешном предпринимателе, но и общественном деятеле и патриоте родного города. Дряблов принадлежал к старинному купеческому роду Чебоксар, первые сведения о котором относятся к середине XVII в. Его представители занимались торговлей и производством, избирались в органы городского самоуправления.

Ф.М. Дряблов торговал мануфактурой, галантереей, бакалеей, винами, обувью, посудой и т.п. В 1902–1917 гг. четыре раза кряду избирался гласным городской думы, в 1917 г. – уездным земским гласным и членом уездного продовольственного комитета. Ряд лет состоял членом и председателем правления Чебоксарской общественной публичной библиотеки и оказывал ей материальную помощь. Входил в попечительный совет женской гимназии Чебоксар[7].

В мае 1907 г. Ф.М. Дряблов получил официальное разрешение на торговлю пользующимися спросом книгами (календари, учебники, детская литература, казанские газеты). Как коммерсант проявлял интерес к торговле чувашскими книгами. По свидетельству современника, в его мануфактурном магазине наряду с легальной литературой из-под прилавка продавалась также запрещённая революционная[8]. Дело не в погоне за чистоганом, а в либеральных взглядах коммерсанта, которые местный унтер-офицер жандармерии К.Ф. Лучанкин в своих рапортах называл революционными. Жандарм доносил, что летом 1907 г. в доме Ф.М. Дряблова часто собирались представители городской интеллигенции, в своём большинстве – «неблагонадежные в политическом отношении»[9].

Сохранилось несколько книг из личной библиотеки Ф.М. Дряблова. На одной из них имеется его вензелевый экслибрис[10], что характеризует купца как заядлого книголюба. Летом 1914 г. Ф.М. Дряблов установил в своём бывшем трактире, закрытом в связи с введением сухого закона, «упрощённый кинематограф» фирмы братьев Патэ «Кок», который с большим успехом вывозил на ярмарки в окрестные сёла, демонстрируя военную хронику, комедии и видовые ленты[11]. Известно, что в 1917 г. он жертвовал деньги на издание возобновлённой чувашской газеты «Хыпар»[12].

...В декабре 1912 г. Ф.М. Дряблов обратился к великой княгине Елизавете Фёдоровне с письмом, в котором кратко описал историю Николаевского собора и склепа при нём с предполагаемой могилой Марии Шестовой, приложив упомянутую газетную статью[13]. После этого события стали развиваться стремительно. Из канцелярии Елизаветы Фёдоровны письмо по её распоряжению было направлено председателю Комитета для устройства празднования 300-летия царствующего дома Романовых гофмейстеру А.Г. Булыгину. Последний 11 января 1913 г. «препроводил» его казанскому губернатору М.В. Стрижевскому с просьбой тщательно расследовать названные факты и сообщить, «действительно ли есть основания предполагать с достаточной достоверностью о нахождении в г. Чебоксарах могилы боярыни Шестовой», и при подтверждении уведомить, «в каком состоянии эта могила находится и какие необходимо принять меры для приведения её в порядок»[14].

Реагируя на публикацию в прессе, ещё до получения распоряжения А.Г. Булыгина губернская администрация обратилась к архиепископу Казанскому и Свияжскому Иакову (Пятницкий И.А.) за разъяснениями о могиле в Чебоксарах, неожиданно получившей широкую известность. 17 января 1913 г. был получен ответ с краткой исторической справкой, но без «точного ответа» на поставленный вопрос[15].

Само письмо нам неизвестно, однако его содержание можно реконструировать по черновику рапорта Анастасия архиепископу Иакову, поданному по итогам раскопок 1913 г. Судя по нему, в письме рассказывалось о ссылке в Чебоксары Марии Шестовой, разноречии литературных источников о её происхождении (дворянка Шестова – боярыня Шестунова), истории Николаевского девичьего монастыря и склепе при Николаевском соборе. Было указано на отсутствие сведений о перезахоронении праха М. Шестовой в родовой усыпальнице бояр Романовых в подклети Спасо-Преображенского собора Московского Новоспасского монастыря при Лжедмитрии I[16].

Великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Фото 1904 г.

Источниками неизвестному автору справки (им мог быть Анастасий) служили труды историков Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева, упоминавшаяся статья И.М. Барсова и справочник о монастырях Российской империи В.В. Зверинского. Отмечалось, что из-за опустошительных городских пожаров письменных документов о жизни и кончине инокини Марии (Шестова М.Т.) в Чебоксарах не сохранилось и единственным свидетельством о её могиле служит устное предание[17]. В заключение был сделан вывод о том, что поиски места погребения Марии Шестовой «не могут не считаться весьма желательными»[18].

«Особая» комиссия и её деятельность

По получении справки губернатор М.В. Стрижевский для проверки «слухов»

Казанский губернатор Михаил Васильевич Стрижевский

Епископ Анастасий (Александров А.И.)

об «исторической могиле» по согласованию с архиепископом Иаковом образовал под своим председательством комиссию, в которую включил управляющего губернской канцелярией Н.М. Данилова, губернского инженера Н.М. Андреева (в 1912 г. – казанский епархиальный архитектор[19]) и епископа Чистопольского, викария Казанской епархии, ректора Казанской духовной академии Анастасия[20].

Раскопки были назначены на воскресенье 20 января 1913 г., о чём были поставлены в известность светские и духовные власти Чебоксар. Так, 19 января жители города и, в частности, «причт и прихожане Николаевского собора» были оповещены о том, что в Чебоксары «экстренно» приезжает комиссия во главе с губернатором[21].

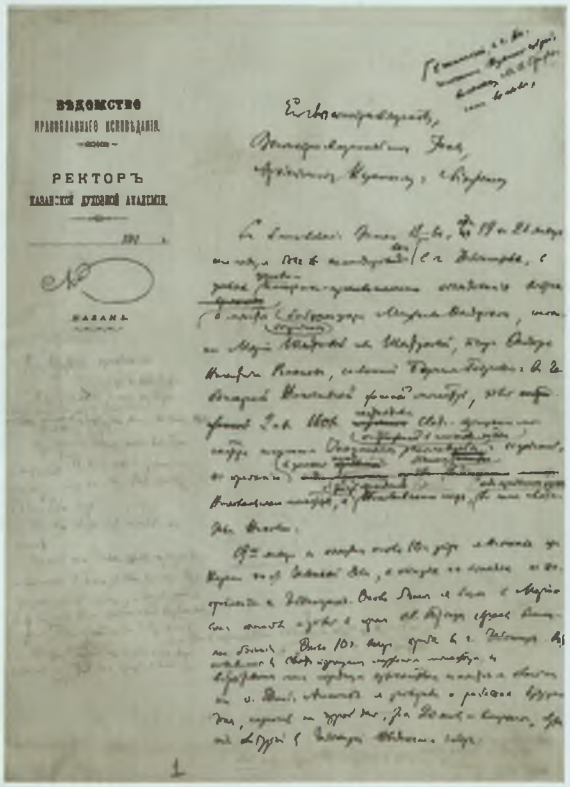
Судя по рапорту Анастасия, светские и духовные члены комиссии отправились в Чебоксары порознь. Сам он 19 января около 10 часов утра выехал из Казани на поезде до станции Зелёный Дол, а оттуда направился на лошадях в Чебоксары. Около 17 часов прибыл в г. Мариинский Посад, где посетил всенощное бдение в Троицком соборе, затем в сопровождении благочинного Е. Некрасова осмотрел церковь Казанской Божией Матери. В Чебоксары прибыл около 22 часов ночи и сразу направился в Троицкий мужской монастырь, где в покоях настоятеля был встречен городским духовенством. Анастасий сообщил собравшимся, что целью его приезда является обозрение городских церквей и участие в раскопках. Затем вместе с благочинным Е.М. Агеносовым обсудил

план действий на следующий день[22]. Судя по всему, именно Анастасий, имевший опыт участия в раскопках 1907 г. в кафедральном Благовещенском соборе г. Казани, руководил археологическими работами.

20 января в 8 часов утра Анастасий пешком прибыл в Николаевский собор, где был встречен духовенством «по архиерейскому чину». Затем «в сослужении местного о. благочинного, местного священника [Е.П. Смирнова[23]] и других иереев» сначала отслужил в храме панихиду, а затем в склепе – литию по рабе Божией инокине Марии[24]. В 8 часов 30 минут направился во Введенский собор, где совершил литургию, а затем служил молебен Владимирской иконе Божией Матери, которой в 1555 г. архиепископ Казанский и Свияжский Гурий благословил жителей Чебоксар. На службе присутствовали губернатор, а также местные чиновники и многочисленная публика[25].

Зимний день короток, поэтому, перед тем как отправиться во Введенский собор, Анастасий благословил начало раскопок, наблюдать за которыми остался Н.М. Андреев[26]. После окончания церковной службы к нему присоединились остальные члены комиссии.

Содержание статьи Анастасия неоднократно пересказывалось и цитировалось, поэтому коротко напомним о ходе и результатах работы комиссии, дополнив их новой информацией. После того как склеп был очищен от залежей мусора, оказалось, что он представляет собой каменный цилиндрический свод с пятами у пола, высотой в высшей точке 0,85 погонной сажени (1,8 м). Кирпичный пол был «неровный, местами опустившийся», имел размеры: в длину 2,8 погонной сажени (6 м), в ширину – 2,23 (4,8 м). Стены свода не были оштукатурены, но побелены и «довольно прочны, хотя в некоторых


ВѢДОМСТВО
ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.
РЕКТОРЪ
КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.
КАЗАНЬ

Первый лист рапорта епископа Анастасия о раскопках в Чебоксарах казанскому архиепископу Иакову. 1913 г.

Обложка оттиска статьи епископа Анастасия об инокине Марии. 1913 г.

местах дали трещины». «Ни образов, ни стенной живописи» в склепе обнаружено не было[27].

Теснота склепа и малая площадь поверхности пола не позволяли производить раскопки «прорытием» траншеи, поэтому было решено разобрать кирпичный пол и послойно вынимать землю, вынося её на улицу. Вскоре на небольшой глубине на фоне материкового грунта проявились очертания двух могил: одной – в восточной части склепа, прямо под престолом придельного храма, другой – в западной его части, немного левее от входа. При расчистке последнего пятна были открыты два костяка – взрослый и детский, без признаков одежды, предметов и даже гроба, который истлел, оставив слабые следы гнилушек.

В восточной части склепа на глубине 2,5 аршина (1,8 м) под смесью из земли, песка, обломков камней и кирпича, угля, обожжённой слюды и других следов древнего пожара открылись очертания дубового гроба-колоды с провалившейся в него двускатной крышкой. При зачистке могилы был обнаружен полуистлевший костяк, а в головах гроба – череп, «принадлежащий человеку взрослому и довольно крупного роста, с сохранившимися почти в целости костями, с целыми, длинными на нём волосами каштанового цвета, уложенными в две заплетенные женские косы и идущими несколькими рядами одна навстречу другой вокруг затылка». Под черепом был найден слюдяной образок или крестик «в форме двух треугольников, соединенных между собой металлической, сильно проржавленной спайкой», который, вероятно, покойная носила на шее. Сохранилась монашеская одежда из плотной шерстяной материи, шерстя-

Уездный город Чебоксары зимой. Фото начала XX в. Чувашский национальный музей (далее – ЧНМ)

ные чулки, однотипные тем, что имелись «на мощах древних святых князей конца XVI и начала XVII в.», и остатки кожаной обуви «вроде туфель». На кисти левой руки был найден «шерстяной шнурок» со следами истлевших деревянных чёток.

По заключению Анастасия, найденные останки принадлежали «монахине знатного рода». Относительно гроба было сказано, что по материалу и форме он идентичен дубовым колодам казанских архиереев XVI – середины XVII в., с которыми Анастасий был знаком по раскопкам в Благовещенском соборе г. Казани в 1907 г. Худшая его сохранность по сравнению с последними была объяснена тем, что гроб из Чебоксар 300 лет пролежал под церковью в грунте, тогда как вторые – под полом отапливаемого храма, защищенные от сырости и сезонных изменений погоды. В совокупности эти факты позволили ему «уверенно утверждать», что «инокиня Мария Шестова, находясь в ссылке, жила, скончалась, погребена и покоится… в склепе под придельным храмом св. Николая, в нынешнем Николаевском соборе»[28].

Что осталось за рамками статьи

По неизвестным причинам в статью попали не все факты, отражённые в рапорте. Так, один из влиятельных людей города, известный меценат, купец 1-й гильдии Андрей Петрович Астраханцев (1823 – до июля 1918) сообщил Анастасию, что «лет 75 тому назад», т.е. в конце 1830-х гг., он видел в склепе «на полу каменную плиту с надписью», указывавшую, что под ней погребена инокиня Мария[29]. По свидетельству Анастасия, А.П. Астраханцев сохранил «удивительную для своих лет светлую и ясную память» и о «многих случаях давних времён» рассказывал «с поразительной точностью и отчётливостью». Поэтому автор рапорта заключил, что свидетельство старожила «во всяком случае, заслуживает серьёзного внимания»[30].

К сожалению, из рапорта неясно, о чём рассказал Астраханцев – о надгробной плите или позднейшем памятном знаке. В отчёте отмечено, что «никакой плиты или камня с надписью или без надписи, имеющего форму надмогильного памятника, не обнаружено»[31]. Очень странно, что о плите не знал краевед А.И. Кроковский, осматривавший склеп и опрашивавший старожилов.

Прояснить этот вопрос могли бы более ранние документы, например, ответ Чебоксарского духовного правления на присланный в мае 1792 г. указ Казанской духовной консистории, в котором по требованию Екатерины II, объявленному обер-прокурору Синода А.И. Мусину-Пушкину, указывалось организовать по монастырям и приходским церквам «на кладбищах или на стенах церковных и других местах» поиск исторических материалов «о знатнейших особах, а особливо из государственной фамилии, по случаю погребения их там или по другим обстоятельствам». Списки с обнаруженных находок требовалось представить императрице. По указанию архиепископа Казанского и Свияжского Амвросия (Подобедов А.И.) настоятелям монастырей и благочинным церквей было предписано исполнить волю императрицы «со всемерным рачением и поспешностью» и информацию о найденных артефактах, а также сведения, собранные «по преданию обывателей», доставить ему «прямо», причем, в соответствии с требованием А.И. Мусина-Пушкина, рапортовать «и о том, ежели бы и ничего где не оказалось»[32]. В числе прочих с указом был ознакомлен благочинный городских церквей, протопоп Введенского собора И. Игнатьев[33], однако ни его

Чебоксарский городской голова, купец 1-й гильдии Андрей Петрович Астраханцев. Фото 1903 г.

рапорта, ни ответа духовного правления в архивах найти не удалось.

По документам известно, что в 1830-х гг. склеп под Никольским приделом и кладовая под колокольней сдавались торговцам в аренду под склады. Например, в 1836 г. «за подвал под алтарём Николая Чудотворца» храм получил плату в размере 22 руб. 60 коп.[34] Можно предположить, что в эти годы плита была вынесена из склепа, чтобы не отпугнуть богобоязненных торговцев. Возможно, её закопали поблизости от церкви, что даёт надежду найти ответ на эту загадку в будущем.

В начале XX в. склеп использовался как «складочное место»[35] и был сильно захламлен. Известен такой факт: в 1906 г. благочинный г. Чебоксары повёл архиепископа Казанского и Свияжского Димитрия в склеп, чтобы показать место вероятного упокоения тёщи Филарета, однако экскурсия сорвалась, потому что склеп «оказался до того наполнен разным мусором», что зайти в него не представилось возможным[36].

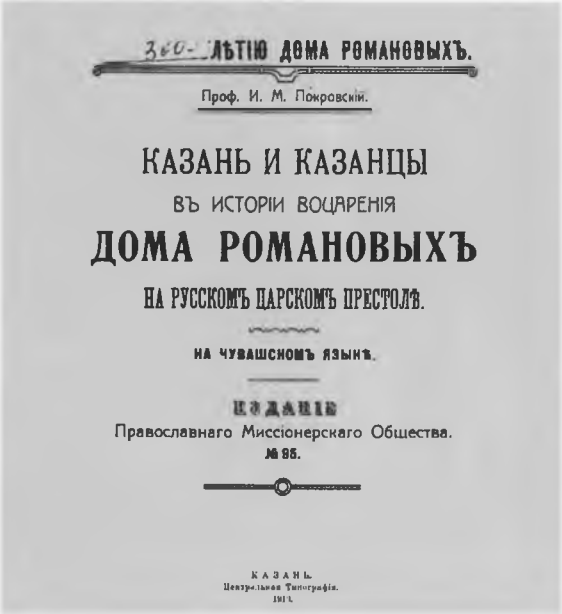
В статье не было сказано ещё об одной находке – железном крючке на потолке склепа. По мнению Анастасия, его наличие указывало на то, что здесь «когда-то, вероятно, висела лампада»[37]. Конечно, она использовалась не в хозяйственных целях.

После осмотра все кости и предметы из могилы в присутствии членов комиссии, а также священников Е.М. Агеносова и Е.П. Смирнова, врача и «полицейской власти» (уездного исправника) были завернуты в чистые листы бумаги, положены в «особый гробик», «запечатаны» и преданы земле на прежнем месте[38]. После этого Анастасий с участием указанных священников вновь отслужил панихиду[39]. Пол склепа был «заложен прочно кирпичом», место могилы отмечено «деревянным аналоем с крестом на нём, окрашенными в белую масляную краску»[40].

Акт о произведённых раскопках с перечнем находок был подписан членами комиссии и передан губернатору М.В. Стрижевскому «для представления на благовоззрение государя императора»[41]. На следующий день Анастасий вернулся в Казань[42].

Отклики на раскопки в прессе и литературе

Раскопки могилы «царёвой бабушки», приуроченные к юбилею правления династии Романовых, не могли не вызвать общественного интереса. 22 января 1913 г. газета «Казанский телеграф» опубликовала телеграмму из Чебоксар, в которой сообщалось, что 20 января комиссия в составе казанского губернатора, губернского инженера и епископа Анастасия «ввиду слухов» о могиле


300-ЛѢТІЮ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

Проф. И. М. Покровскій.

КАЗАНЬ И КАЗАНЦЫ

ВЪ ИСТОРІИ ВОЦАРЕНІЯ

ДОМА РОМАНОВЫХЪ

НА РУССКОМЪ ЦАРСКОМЪ ПРЕСТОЛѢ.

НА ЧУВАШСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

ИЗДАНІЕ

Православнаго Миссіонерскаго Общества.

№ 95.

КАЗАНЬ.

Центральная Типографія.

1913.

Обложка юбилейной брошюры И.М. Покровского, посвященной 300-летию царской династии. 1913 г.

Картина А.А. Александрова «Часовня Предтеченской церкви в Чебоксарах». 1913 г.

бабушки царя М.Ф. Романова провела «исследование гробницы под алтарём» Иоанно-Предтеченской церкви. Автор корреспонденции обещал «дополнительно» сообщить подробности «вскрытия», т.е. проанонсировал будущий материал по итогам работ[43]. Действительно, 27 января газета напечатала анонимную заметку «Историческая могила в г. Чебоксарах», в которой был назван состав комиссии, рассказано о раскопках и основных находках, сделано заключение о принадлежности обнаруженных останков монахине «знатного происхождения»[44]. 15 февраля 1913 г. эту статью перепечатали «Известия по Казанской епархии»[45].

22 января 1913 г. «Известия по Казанской епархии» напечатали юбилейную статью церковного историка И.М. Покровского, посвященную участию церковных деятелей, связанных с Казанью, в борьбе с польской интервенцией и в работе Земского собора 1613 г. Рассказывалось в ней и о «дорогом вещественном памятнике» – могиле «прародительницы» царя Михаила Фёдоровича, сохранившейся «в одном из подвалов-склепов Николаевского собора в г. Чебоксарах»[46]. Статья была рекомендована священникам Казанской епархии для использования при выступлениях с поучениями перед прихожанами в два последних воскресенья перед юбилеем[47], что сделало её широко известной.

Информация об археологических находках в Чебоксарах была использована в юбилейной брошюре к 300-летию царской династии инспектора Казанского учебного округа Н.А. Спасского, предназначенной для раздачи учащимся учебных заведений Казанского учебного округа. Её автор писал, что в Чебоксарском Николаевском соборе «под Никольским приделом имеется склеп, в котором и покоятся в дубовой колоде в шерстяном монашеском одеянии кости княгини, сосланной в [Никольский] монастырь в 1601 г. царём Борисом Годуновым»[48].

В 1914 г. в журнале «Нива» был напечатан рисунок Никольского придела Предтеченской церкви художника А.А. Александрова, экспонировавшийся в 1913 г. на Отчётной выставке Высшего художественного училища при Императорской академии художеств, с указанием: «Здесь погребена бабушка Михаила Фёдоровича Романова». Интересно, что в подписи к рисунку придел назван часовней[49].

Портрет императора Николая II

Сведения, собранные жандармерией

Как выяснилось, за работой комиссии пристально наблюдало Казанское губернское жандармское управление (КГЖУ). Уже 21 января 1913 г. унтер-офицер жандармского поста в Чебоксарах Д. Кузнецов направил по инстанции секретный рапорт о состоявшихся раскопках и их результатах. Он сообщил, что у дверей склепа был выставлен полицейский караул «впредь до особого распоряжения», оговорившись: «Будут ли признаны впоследствии эти части останк[ам]и усопшей инокини Марии, в настоящее время неизвестно»[50].

Ряд новых фактов содержит секретный рапорт унтер-офицера жандармерии Л. Степанова начальнику КГЖУ от 28 января того же года. В нём указано, что по заключению чебоксарского уездного врача (в его функции входило проведение судебно-медицинской экспертизы) Ф.М. Елпатьевского найденные кости принадлежали женщине, которая «прожила до 36 лет», имела рост до 2 аршин 6 вершков (1,69 м). Далее сообщалось, что под руководством архитектора Н.М. Андреева дно и стенки новой могилы были «выложены кирпичом по цементу, сверху гроба наложены доски, на последние – ряд кирпича и залито цементом», а напротив могилы поставлен иконостас[51].

Обращение купца Ф.М. Дряблова к императору Николаю II

Скорой реакции Николая II на результаты работы комиссии не последовало. Как знать, не дало ли почву для сомнений заключение эксперта о возрасте погребенной? В мае 1913 г. известный нам Ф.М. Дряблов, как писал, набрался смелости и сделал попытку прервать затянувшуюся паузу, обратившись с прошением на имя государя императора. В нём он напомнил, что в ходе зимних раскопок подтвердился факт нахождения в Никольском склепе «исторической могилы», и повторил факты, указывающие на пребывание и погребение Марии Шестовой в Чебоксарах. По случаю юбилея царской династии купец просил оказать финансовую поддержку ветшающим городским храмам, а также сообщил о застрявшем в министерских кабинетах ходатайстве городской думы Чебоксар об открытии среднего мужского учебного заведения[52].

Из документа, выявленного И.К. Кугураковым в Российском государственном историческом архиве, видно, что 25 октября 1913 г. копия «всеподданнейшего прошения» Ф.М. Дряблова была передана из царской канцелярии министру народного просвещения «для дальнейшего направления» по его ведомству[53]. Судя по всему, после этого ходатайству городской думы был дан ход, и осенью 1917 г., накануне свержения самодержавия, в Чебоксарах открылась мужская гимназия[54]. Пожалуй, это единственный практический результат, полученный городом от работы комиссии. Было ли сделано царём распоряжение, касающееся найденных останков, неизвестно. Вскоре началась Первая мировая война и центральной власти стало не до чебоксарских артефактов.

«Могила царёвой бабушки»: история продолжается…

История с могилой Шестовой получила продолжение. В 1913 г. упоминавшийся окружной инспектор Казанского учебного округа Н.А. Спасский, ещё до раскопок предлагавший превратить склеп Никольского придела в туристический объект, писал, что «местные жители сделали Николаевский собор, место страданий инокини Марфы[55], предметом паломничества»[56].

Действительно, «историческая могила» не раз фигурирует в отчётах о юбилейных мероприятиях 1913 г. Так, 20 февраля 1913 г., то есть накануне юбилея, в присутствии городского духовенства и местного чиновничества в Николаевском соборе была отслужена заупокойная лития по погребённой при нём (в документе отмечено: «по предположению». – *Ю.Г.*) Марии Шестовой. 1 мая 1913 г. на её могиле была совершена панихида, на которой присутствовали «начальствующие лица, учащиеся и преподаватели всех учебных заведений города и много публики». На следующий день, когда отмечалось 300-летие въезда в Москву новоизбранного царя М.Ф. Романова, Николаевский собор снова стал центром праздничных мероприятий: в 9 часов утра в нём прошла торжественная панихида «при огромном стечении народа», а затем на площади перед храмом состоялись военный парад и показательные гимнастические выступления школьников[57].

Банкет в Чебоксарской земской управе, посвященный 300-летию царствования дома Романовых. Фото 1913 г.

Михаило-Архангельская церковь и церковь Параскевы Пятницы с колокольней. На заднем плане Николаевский собор с колокольней. Фото 1920-х гг. НА ЧГИГН

Революционные бури 1917 г. поначалу не коснулись «исторической могилы». В 1925 г. Центральный чувашский музей подготовил отчёт для отдела по делам музеев Главнауки Комиссариата народного просвещения РСФСР о поставленных на музейный учёт церквах Чебоксар. Сохранились его черновые материалы с описаниями и рисунками церквей и их интерьера. Упомянуто в них и о могиле М.Т. Шестовой, а на рисунке склепа изображён аналой с крестом с подписью: «Паперть над склепом. В склепе пол сплошь настлан. Над гробом столик и крест»[58]. После закрытия церкви в 1934 г. склепу нашли хозяйственное применение – он был переоборудован под кладовую столовой № 6 чебоксарского Центрального рабочего кооператива[59].

В мае 1936 г. газета «Красная Чувашия» напечатала заметку некоего Никифорова, в которой сообщалось, что при разборке фундамента Николаевского собора на глубине 1,5 м рабочие нашли выдолбленный из дуба гроб, в котором находились «остатки платья и волосы». Тогда предположили, что гроб был замурован при закладке фундамента церкви. Как поступили с найденными человеческими останками, в заметке не сообщалось[60].

Мы не знаем, какое захоронение потревожили рабочие: то, что было сделано в 1913 г., или же иное. В ходе археологических раскопок 2013 г., по предварительным данным, были вскрыты центральная и западная части бывшего склепа с несколькими ранее не потревоженными захоронениями. Одно это убеждает в том, что результаты скоротечных раскопок 1913 г. нуждаются в проверке. Например, наличие могил на разных уровнях показывает, что склеп был построен на территории старинного кладбища. Только продолжение археологических раскопок позволит выяснить, сохранились ли артефакты, которые в 1913 г. были приняты за останки старицы Марии (Шестовой М.Т.).

Фото чертежа фасада колокольни Николаевского собора, выполненного в начале XIX в. 1930 г. ЧГХМ

Рисунок Д.И. Архангельского «Колокольня Никольского собора». 1925 г. НА ЧГИГН

Рисунок Д.И. Архангельского «Предтеченская церковь». 1925 г. НА ЧГИГН

Рисунок Д.И. Архангельского «Никольский собор 1690 г.». 1925 г. НА ЧГИГН

Николаевский собор и Михаило-Архангельская церковь. Рисунок В.И. Соколова из книги Н.А. Усова «Волга и её притоки: путеводитель». (Н. Новгород, 1923. С. 81)

Соборная улица в Чебоксарах.
Впереди слева видна колокольня Николаевского собора.
Фото М.П. Дмитриева. 1894 г.

Николаевский собор. Вид с юго-запада.
Фото М.М. Беляева. 1930 г. ЧГХМ

Придел Иоанна Предтечи Николаевского собора. Фото М.М. Беляева. 1930 г. ЧГХМ

Николаевский собор. Вид с северо-востока. Фото начала XX в. Государственный исторический архив (далее – ГИА ЧР)

Группа церквей г. Чебоксары (слева направо): Пятницкая, Михаило-Архангельская, Владимирская (Николаевский собор). Фото А.В. Лядова. 1920-е гг. ЧГХМ

Снятие колоколов
с Николаевской
колокольни.
1928 г. ЧНМ

Благоустройство
ул. Бондарева.
Слева Николаевский
собор
без главок и крестов.
1935 г.

Снос
Николаевской
колокольни.
1929 г. ГИА ЧР

Глава 2

Архитектура Николаевского девичьего монастыря и внутреннее убранство Николаевского собора

И.К. Кугураков

1. ГРАФИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭТАПОВ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЧЕБОКСАРСКОГО НИКОЛАЕВСКОГО ДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ И ЕГО ГЛАВНОГО ХРАМА

Исторических документов, дающих представление об этапах зарождения, развития и становления Николаевского женского монастыря г. Чебоксары, практически не сохранилось, не говоря уже об источниках изобразительного характера (гравюры, карты, планы, рисунки), которые могли бы позволить с высокой степенью достоверности реконструировать внешний облик всего архитектурного ансамбля, складывавшегося на протяжении веков. Однако в истории древних женских монастырей, появившихся на рубеже XVI–XVII вв. на обширных пространствах Поволжья, было много общего, что позволяет синтезировать отдельные разрозненные свидетельства в целостную картину. Таким образом мы получаем возможность, наложив на вполне конкретный и доселе малоизученный объект недостающие детали, получить его зримые контуры. Разумеется, при таком подходе речь может идти не о полной исторической достоверности изображений, а всего лишь о попытке максимального приближения к показу возможных вариантов архитектурно-планировочного и композиционного развития давно утраченного историко-культурного памятника.

Одна из общих черт в начальной истории женских обителей – это отсутствие точных дат их основания. Женские монастыри зачастую развивались под патронатом крупных мужских монастырей, вырастая из небольших общин, служивших при приходских храмах прибежищем для вдов, а не учреждались по указам царей и архиереев. Не имея приписных деревень, обширных земельных владений, рыбных и лесных угодий, они существовали лишь на казенный счет и пожертвования местных жителей. Поэтому многие из них, как экономически несостоятельные, были упразднены по указу Екатерины II 1764 г. о секуляризации церковных земель.

Эти древние обители не следует путать с большими женскими монастырями, преобразованными из многочисленных женских общин во второй половине XIX столетия. Последние активно занимались благотворительной деятельностью, имея на своем попе-

Вид города Чебоксары с Волги. Рисунок А.И. Свечина. 1763 - 1765 гг.

чении детские приюты, приходские школы и богадельни.

Надо полагать, что становление Никольского монастыря, проходившее в тех же исторических условиях, что и других женских обителей Казанского края, имело схожие этапы и черты. Скажем, точная дата его основания, несмотря на все попытки привязать её к 80-м гг. XVI в., остается умозрительной.

Исходя из местоположения (на Западном косогоре, выше Троицкого мужского монастыря, почти у стен крепости) можно предположить, что межевание территории обители произошло на самой ранней стадии формирования Чебоксарского посада. При этом северная граница монастырской земли была ограничена дорогой, проходившей вдоль волжской стены города-острога. Южная стена шла вдоль улицы, выходившей из главных Введенских ворот крепости, которая долгое время именовалась Большой Московской дорогой. Через улицу, на противоположной от монастыря стороне, находился участок первого приходского храма Чебоксар – церкви Михаила Архангела.

Возможно, что на этом месте в начальный период формирования города стояла церковь Николая Чудотворца, при которой могла зародиться небольшая женская община, со временем ставшая девичьим монастырем.

Здесь надо заметить, что Чебоксарская крепость, расположенная на вершине холма, ввиду особенностей рельефа жестко диктовала компоновку и планировочную структуру посада. При Введенской соборной церкви с середины XVI в. вплоть до начала XIX в. сохранялось кладбище, но вряд ли на нем изначально хоронили простых людей.

В 2006 г. в ходе археологических раскопок был исследован большой городской некрополь второй половины XVI – начала XVII в., простиравшийся от восточной крепостной стены в сторону женского монастыря[1]. Поскольку его восточные границы неизвестны, как и то, где и какая церковь находилась на этом погосте, возникает вопрос, не была ли начальная история Николаевского девичье-

го монастыря каким-то образом связана с этим погостом. Известно немало примеров, когда небольшие женские общины зарождались при подобных храмах. Так или иначе, первое письменное свидетельство, относящееся к 1601 г., сообщает о сложившемся чебоксарском девичьем Никольском монастыре с игуменьей Феодосией во главе.

В.Д. Димитриев, опираясь на ряд публикаций второй половины XIX в., по этому поводу писал: «С 1686 года Никольский монастырь назывался Предтеченским женским монастырем. На территории монастыря в 1680-х годах начали строить и в 1690 году на месте деревянной Никольской церкви выстроили каменный пятиглавый Никольский собор с колокольней с южной стороны... В нем были три престола (придела): главный – во имя Владимирской иконы Пресвятой Богородицы, второй, малый, с правой стороны – святого Николая Чудотворца, расположен над склепом, третий – с левой стороны – во имя святого Иоанна Предтечи. По названию последнего престола этот собор в народе называли церковью Иоанна Предтечи»[3].

Необходимо заметить, что довольно часто встречающиеся высказывания о строительстве каменных храмов взамен сгоревших деревянных весьма условны. Их авторы зачастую не ощущают разницы между общим настроем и возможностью реального исполнения заветных желаний. Так, они не учитывают, что сгоревшие деревянные сооружения возобновлялись в течение считанных дней, а новые каменные возводились годами. Дело в том, что деревянные срубы, лежавшие в конструктивной основе культовых и гражданских построек, изготовлялись непрерывно и в массовом количестве в ходе лесоразра-

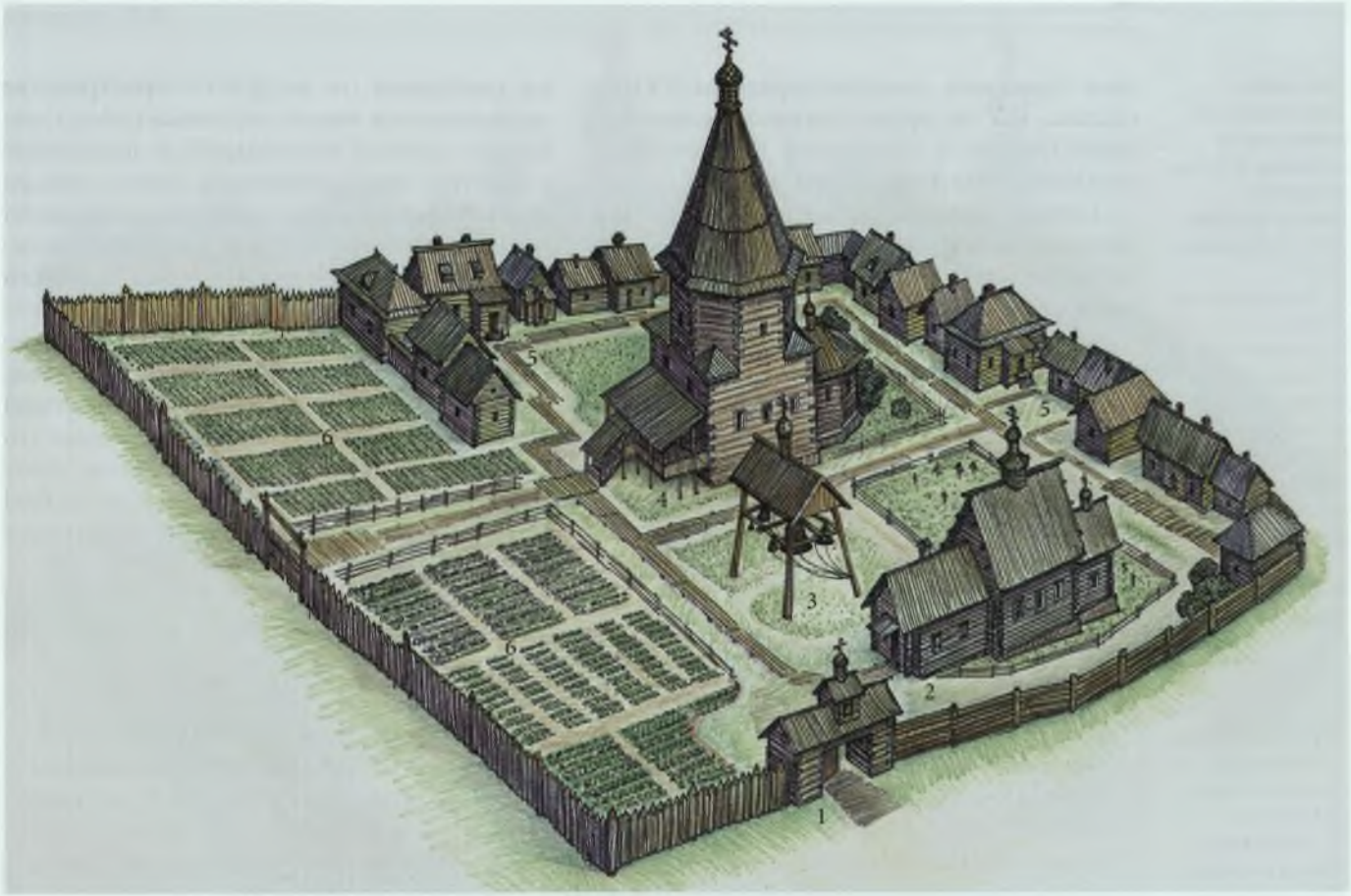
боток. Любой желающий в удобное для себя время мог их купить, вывезти и собрать в нужной компоновке на новом месте. И даже наличие высокого многогранного шатра и крытых лемехом глав незначительно удлиняло время возведения церкви. Вместе с тем каменное строительство требовало серьезного осмысления и тщательной подготовки. Даже процедуры согласования и технические подготовительные работы, вроде сбора денежных средств, получения разрешения епархиального начальства на строительство, завоза и гашения извести, выработки кирпича, закупки железа на связи, найма артели каменщиков и многое другое, требовали немало времени, не говоря уже о самом процессе строительства. Поэтому невозможно представить ситуацию, чтобы верующие годами обходились без богослужений, ожидая окончания строительства каменной церкви «взамен» сгоревшей деревянной. Тем более это справедливо для монастырей, где, как правило, было несколько храмов, от совсем маленьких до большой соборной церкви.

Таким образом, можно утверждать, что возведение каменных домов и церквей, начавшееся в Чебоксарах в 1660-х гг., определялось не пожарами, которые бывали и прежде, а наличием общественно-экономических потребностей и возможностями домовладельцев и церковных общин. Относительно несоответствия наименования монастыря (Никольский, Иоанно-Предтеченский) и освящения главного престола холодного храма в честь иконы Божией Матери Владимирской, опираясь на вышесказанное, можно предположить, что на момент его закладки в монастыре действовали как минимум две деревянные церкви – во имя Николая Чудотворца и в память Усекновения главы Иоанна Предтечи.

Фрагмент гравюры конца XVII в. из книги Н. Витсена с изображением района Никольского девичьего монастыря

Предлагаем следующую реконструкцию истории становления и развития Чебоксарского девичьего Николаевского монастыря.

В начальный период своего существования это была совсем небольшая обитель, все строения которой состояли из небольшой церквушки и нескольких монашеских келий, сосредоточенных в восточной части монастырского участка (ныне район памятника классику чувашской поэзии К.В. Иванову). Обращенная к крепости западная часть обители, вероятнее всего, была отведена под погост и огороды, поскольку пространство вдоль оборонительных сооружений, включая те, что были обращены к посаду, полагалось держать незастроенным. Этого требовали как противопожарная безопасность, так и необходимость наличия открытого пространства для более эффективной пушечной стрельбы со стен и башен крепости во время осады. Ведь склон холма, в наши дни значительно более пологий, чем триста – четыреста лет назад, позволял внутренней крепостной стене значительно доминировать над окружающей застройкой.



Никольский монастырь в середине XVII в. Рисунок-реконструкция И.К. Кугуракова.
1. Святые ворота.
2. Никольская церковь.
3. Звонница.
4. Церковь Иоанна Предтечи.
5. Сестринские кельи.
6. Монастырский огород

Южная граница монастырского участка, проходившая вдоль главной улицы города, была лицевой. Именно здесь находились центральные Святые врата обители, традиционно состоявшие из двух частей – большой, открывавшейся во время праздников, и калитки для будних дней. Вторые хозяйственные ворота располагались в нижней части участка северной стены обители, тянувшейся параллельно волжской оборонительной стене острога. С восточной стороны монастырские кельи и посадские строения разделял проулок, выходивший к Спасским въезжим воротам острога.

Ближе к середине XVII в. в дополнение к небольшой Никольской церкви, окруженной захоронениями настоятельниц и других знатных особ и, возможно, уже ставшей домовой при больничной келье, был построен значительно больший по размерам деревянный Иоанно-Предтеченский храм. Здесь проходили основные богослужения, его могли активно посещать горожане, чья молва нарекла монастырь вторым народным прозванием. Возможно, именно его могучий шатер, возвышающийся над окружающей застройкой, виден на гравюре из второго издания книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» (Амстердам, 1705).

Также можно предположить, что церковь с таким посвящением могла появиться уже на самой ранней стадии формирования обители в качестве второго монастырского храма, поскольку в эпоху Ивана Грозного во множестве строились церкви во славу его небесного покровителя. Да и сам царь воспринимался современниками не только как покоритель, но и как креститель Казанского края. Однако лишь очередная значительная перестройка церкви после одного из боль-

Ансамбль Николаевского монастыря в середине XVIII в. Рисунок-реконструкция И.К. Кугуракова (с. 73).
1. Николаевский собор.
2. Колокольня.
3. Деревянная звонница.
4. Дом игуменьи.
5. Монастырский огород.
6. Сестринские кельи.
7. Святые ворота.
8. Хозяйственные ворота

ших городских пожаров середины XVII в. сделала его на время главным монастырским храмом и определила соответствующее изменение в наречении обители.

Начало нового значительного этапа в истории монастыря пришлось на конец XVII – начало XVIII в. Расширение границ государства в южном и восточном направлениях снизило военно-оборонительную значимость чебоксарского кремля, а пожары окончательно уничтожили стены и башни острога, сдерживавшие структурно-планировочное развитие посадских территорий[4]. После этого у женского монастыря появилась возможность несколько расширить свою территорию. Сначала (в 1680–1690 гг.) на свободном от застройки пространстве закладывается новый каменный собор с отдельно стоящей колокольней, в дополнение к быстро восстановленным после пожара и действовавшим во время его возведения деревянным храмам. Плюс некоторое количество земли с северной стороны, где были сосредоточены жилые строения и хозяйственный двор. После того, как в пожаре 1704 г. сгорела и больше не восстанавливалась Чебоксарская крепость, у монастыря появилась новая возможность раздвинуть границы в западном направлении. Этот участок, как следует из описи 1764 г., был использован под огород, хозяйственные постройки, дом и сад игуменьи.

Первое известное нам подробное описание Николаевского монастыря было составлено в год его упразднения – 1764-й – подпоручиком Григорием Яковлевым. Первые же схематические изображения монастырских строений и окружающих его построек появились и вовсе после упразднения обители. На рисованном плане, выполненном лейтенантом флота Чебоксарской морской инвалидной команды Степаном Фроловым в 1765–1768 гг., видно, что деревянные келейные постройки с трех сторон плотно окружают каменное храмовое здание, обозначенное как церковь Иоанна Предтечи[5]. Здесь же изображены «вторые ворота от Волги реки въезжающие створные».

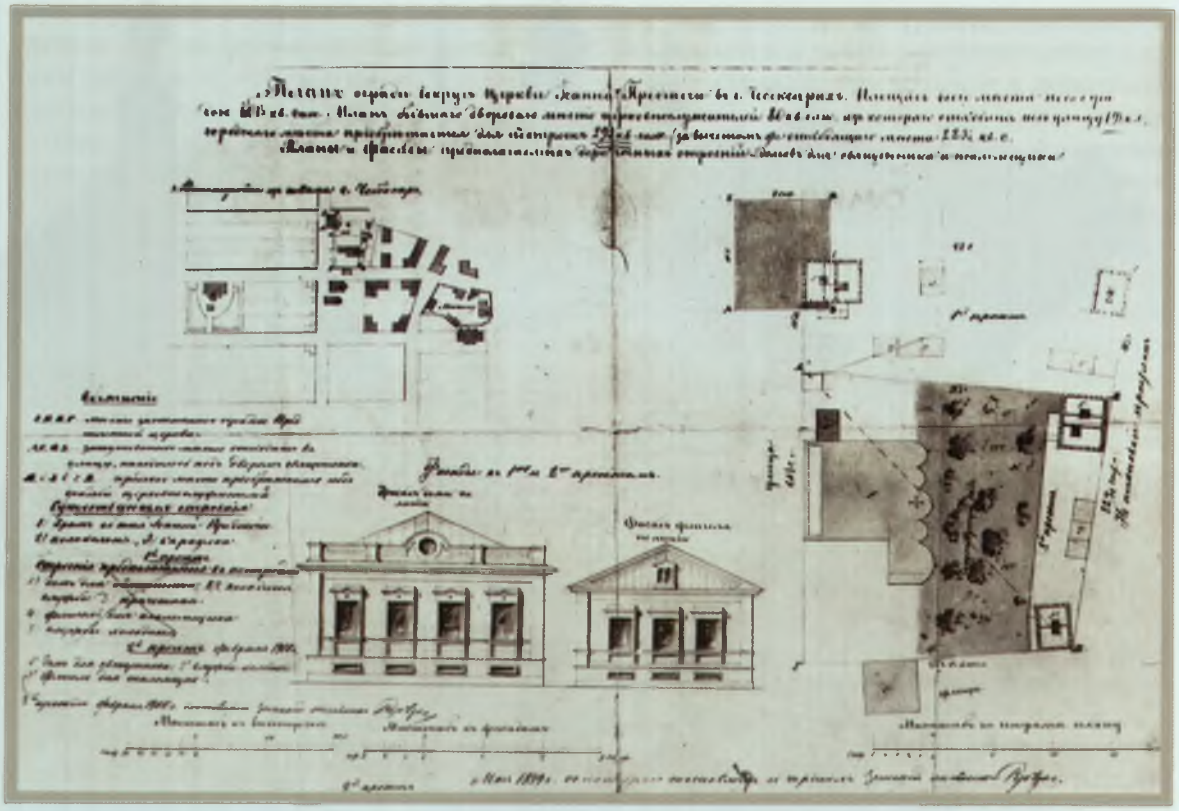
Фрагмент плана г. Чебоксары, выполненного в 1760-е гг. С. Фроловым. Внизу в центре – Николаевский монастырь

Еще более общее представление о застройке этого места дает рисунок Чебоксар подполковника Александра Ивановича Свечина, выполненный между 1763–1765 гг., где точно подмеченные архитектурные детали вплетены в обобщенную художественно-образную композицию города. Так, рядом с монастырским собором изображена колокольня, о которой в описании 1764 г. сказано: «Колокольня каменная ветхая, вверху на ней главы не имеется», вследствие чего колокола были сняты и подвешены на деревянных столбах. Однако приметная по силуэту «нарышкинская» колокольня с характерным восьмигранным окном во втором ярусе помещена на рисунке левее и выше.

Первый геометрически выверенный план города, выполненный после большого городского пожара 30 апреля 1773 г. сержантом

Фрагмент рисунка А.И. Свечина 1763 - 1765 гг. с изображением Николаевского монастыря (с усеченной колокольней)

Фрагмент плана г. Чебоксары после большого пожара 1773 г. с изображением территории Николаевского монастыря. НА ЧГИГН



Пдан церковного участка Иоанно-Предтеченской церкви (Николаевский собор) с проектируемыми строениями. 1899 г. ГИА ЧР

Николаевский собор с домами причта в начале XX в. Рисунок-реконструкция И.К. Кугуракова (с. 75).
1. Николаевский собор.
2. Колокольня.
3. Дом священнослужителя
4. Дома причта с хозяйственными строениями
5. Церковная ограда с калиткой

казанских батальонов Дмитрием Вершининым, отображает реальную конфигурацию и размеры выгоревшего селитебного участка с одиноко стоящим собором с колокольней, также обозначенным как церковь Иоанна Предтечи. Сопоставление линейных размеров монастырского участка на чертеже Вершинина, определенное по его масштабной шкале, с указанными размерами в описи Г. Яковлева (166 саженей монастырской ограды и огород размером 16 на 13 саженей), дает основание полагать об их соответствии. Эти вышеуказанные материалы легли в основу нашей графической реконструкции общего вида монастыря на середину XVIII столетия. Более точную трассировку дороги проходившей вдоль волжского берега, улиц и проулков, ограды с парадными и хозяйственными вратами и соответственно местоположение основных строений этого периода могли бы дать полномасштабные археологические раскопки.

Плотная городская застройка, сложившаяся во второй половине XVIII в. на склоне Западного косогора, была нарушена большим городским пожаром 1773 г. и в прежней полноте более не возобновлялась. «Место это очищено от жилых строений, и храм стоит как бы на пустыре», – писал священник И.М. Барсов в конце XIX в.[6]

Все последующие городские планы, сохранившиеся натурные съемки и многочисленные выкопировки, прилагавшиеся к всевозможным архитектурно-строительным проектам, подробно отражают дальнейшее развитие этой части города в XIX – начале XX в. Малоинформативные для графической изобразительной реконструкции упраздненной обители, они весьма интересны как отражение этапов последовательного претворения принципов регулярной планировки в исторической городской среде. Из подобных документов наиболее интересен

«План ограды вокруг церкви Иоанна Предтечи…», снятый с натуры в мае 1899 г. земским техником Рубцовым. Здесь показаны прежние места дворов церковнослужителей, а также местоположение, планы и фасады предполагаемых к постройке домов священника и псаломщика.

Особую группу документов представляют зарисовки, чертежи и фотографии. На их основе выполнено графическое изображение Николаевского собора и его окружения в начале XX в. В этот период главный монастырский храм перешел в разряд приходского, и на его территории произвели обустройство домов причта и духовного правления. В этот период бывший главный монастырский храм уже более века испол-

Аэрофото района, прилегающего к Николаевскому собору. 1926 г.

Город Чебоксары. Вид на Западный косогор. Фото С.В. Кульженко. 1890-е гг.

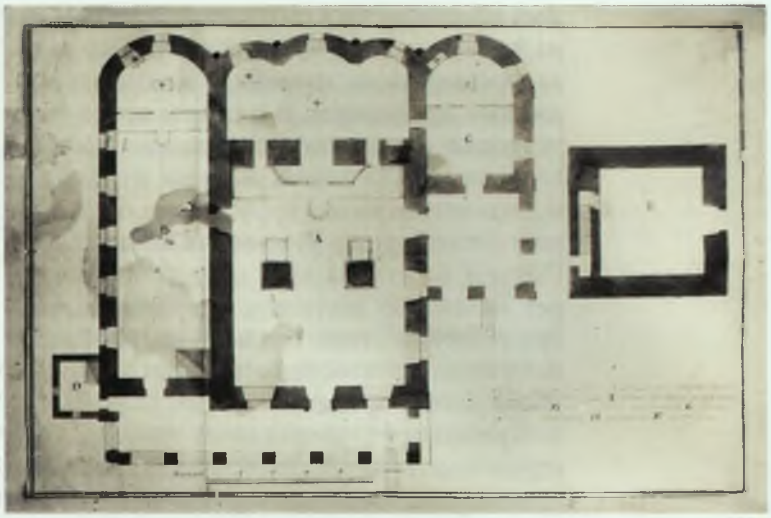
нял роль приходского, хоть и в почетном статусе второго городского собора. В связи с чем на его участке и было произведено обустройство домов причта и духовного правления.

Архитектурные формы каменного собора за долгие годы существования не претерпели существенных изменений. Как и все чебоксарские строения, он страдал от пожаров. В 1828 г. на средства купца Жукова были произведены значительные ремонтные работы. Сравнивая обмерные чертежи, выполненные около 1815 г., с фотографиями М.П. Дмитриева и его современников (конец XIX – начало XX в.), можно увидеть, сколь существенные изменения претерпели Никольский придел с папертью и притвор в западной части собора. Собственно притвором стала крытая обходная галерея после перекладки колонн и остекления. В XIX в. деревянная кровля собора была заменена на железную, что несколько изменило крутизну ее скатов и очертания.

Пожары и перестройки привели к утрате первоначального полихромного черепичного покрытия глав основного объема и его приделов. Здесь надо заметить, что дошедшие до нас черно-белые фотографии рубежа XIX–XX вв. по ряду причин не могут дать полного представления о художественных достоинствах памятника. К тому же нам трудно судить о том, каким задумывался зодчими и духовенством целостный архитектурный ансамбль монастыря на рубеже XVII–XVIII вв. Надо полагать, что отдельно стоящая колокольня не случайно была поставлена вплотную с забором на южной границе обители. Скорее всего, это была часть нереализованного плана по сооружению в одной связи новой каменной стены с монументальными Святыми вратами, обращенными к стоящей через дорогу приходской церкви Михаила Архангела, с барочной многоярусной колокольней, находившейся в связи, теплым храмом святой мученицы Параскевы. Творческий метод зодчих той поры содержал элементы свободной импровизации и стремление органично вписаться в уже сложившуюся архитектурную среду.

Архитектурную эпоху, в которую создавались каменные монастырские строения, принято связывать с нарышкинским стилем или называть московским барокко. Николаевский собор, возведенный в последние десятилетия XVII в., по своей конструктивной типологии относится к редко встречающимся двухстолпным храмам. В истории русской православной архитектуры это был краткосрочный период перехода от четырехстолпных к бесстолпным сооружениям,

обозначенным в Чебоксарах Введенским кафедральным собором и церковью Успения Пресвятой Богородицы. В отличие от известных столичных образцов раннего барочного стиля, он в полной мере сохраняет ощущение монументальности, при активном использовании таких декоративных элементов, как кронштейны, пояски, карнизы, колонки, украшенные дыньками и бусинками, кокошники оконных наличников и т.д. Свойственный эпохе повышенный интерес к узорочью нашел свое воплощение в широком применении фасонного кирпича в отделке оконных наличников. При этом их декор даже на одной стене при детальном рассмотрении различен.



План Николаевского собора и его колокольни начала XIX в. Фото М.М. Беляева. 1930 г. ЧГХМ

Характерная примета времени – пристрастие к полихромии. Сейчас уже невозможно установить, какой была первоначальная окраска стен и декоративных элементов здания. Из описи, составленной в 1764 г. Г. Яковлевым, известно, что все пять глав основного храма были покрыты цветной черепицей: четыре угловые – зеленой, а центральная – желтой. Главы приделов в описи не упомянуты, однако А.И. Некрасов, обследовавший Предтеченскую церковь летом 1930 г., писал, что «одна ее главка (северного придела) сохранила интереснейшую де-коративную деталь, крайне редко встречающуюся – керамическую из поливных плиток чешую»[7]. Надо полагать, что над южным Никольским приделом первоначально возвышалась глава с аналогичным черепичным покрытием, но была утрачена в ходе разборки и перекладки его стен в 1828 г.

Южный фасад монастырской колокольни с раскраской, характерной для эпохи московского барокко. Рисунок-реконструкция И.К. Кугуракова. 2016 г.

Колокольня Николаевского монастыря – самый яркий пример стиля московского барокко в Чебоксарах. А.И. Некрасов писал, что она являлась «лучшим памятником "нарышкинского" стиля в Чебоксарах»[8]. Строй-

ный многоярусный столп звонницы состоял из четверика и четырех различных по высоте восьмериков, имевших четкие, гармоничные пропорции. В нижнем ярусе было устроено просторное помещение, использовавшееся для хозяйственных нужд. Вход в него осуществлялся с улицы и был украшен богато орнаментированным порталом. Подъем на второй ярус осуществлялся через каменную лестницу, устроенную внутри северной стены колокольни, наружный вход на которую осуществлялся со стороны Никольского придела.

Третий ярус, увенчанный гребешковым карнизом, предназначался для колоколов «большого звона», четвертый мог использоваться для колоколов «малого звона». А.Ф. Можаровский, обследовавший чебоксарские колокольни летом 1880 г., отмечал, что «в Николаевском соборе или у Предтечи 12 колоколов»[9]. На тот момент это их наибольшее количество из всех городских храмов. Пятый ярус и поставленная над сводом изящная луковичная главка, утраченные в середине XVIII столетия и восстановленные вновь, придавали колокольне тектоническую выразительность и композиционную завершенность.

Внешний вид Никольского придела, судя по обмерному чертежу начала XIX в., претерпел существенные изменения, хотя и остался в прежних своих размерах. Сравнивая этот старинный план с фотографиями рубежа XIX–XX столетий, можно увидеть ту же узкую железную дверь и маленькое оконце подкета, что дает основание полагать о неизменности фундаментов, стен и, возможно, сводов склепа. Количество и расположение окон верхней части придела показывают, что ремонтные работы, проводившиеся в первой трети XIX в., заключались в разборке с последующим возобновлением стен и сводов самого придела и его новой укороченной паперти.

Таким образом, древний храм с небольшими поновлениями благополучно простоял два с половиной столетия. Его посещали многие известные особы и высшие церковные иерархи, высказывавшие свое мнение о его художественных достоинствах и необходимости поддержания сохранившихся древностей в надлежащем виде. Такого же мнения придерживались видные представители науки. «Предтеченская церковь заслуживает всемерной охраны»[10], – призывал в своем очерке-отчете по материалам научной экспедиции по изучению художественно-археологических памятников Чебоксар известный московский специалист в области древнерусской архитектуры А.И. Некрасов, заставший храм уже без колокольни.

Спустя четыре года и о самом Николаевском соборе стали говорить в прошедшем времени. К сожалению, далеко не все утраченные архитектурные памятники возможно восстановить в камне на их прежних местах, но можно и нужно на строго научной основе создавать их изобразительные реконструкции в виде рисунков, макетов, трёхмерных компьютерных моделей и т. д.

А.И. Мордвинова

2. ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО НИКОЛАЕВСКОГО СОБОРА

Каменный храм с главным престолом во имя Владимирской иконы Божией Матери с приделами святителя Николая и Усекновения главы Иоанна Предтечи, построенный около 1690 г. на месте сгоревшего, «заслуживает всемерной охраны», как писал известный искусствовед, профессор Московского университета А.И. Некрасов в 1930 г., высоко оценивая его архитектуру и внутреннее обустройство[1]. В это время интерьер храма, в народе часто именуемого Николаевским собором или Предтеченской церковью, оставался еще не разрушенным, хотя в течение веков он претерпел изменения – много раз ремонтировался и обновлялся.

О внутреннем убранстве раннего периода (конец XVII – середина XVIII в.) судить сложно, так как сведений об этом очень мало. В тексте священника Андрея Кроковского, опубликованном в «Казанских губернских ведомостях», упоминается доска, «на коей записано, что в 1710 году был поновлен иконостас», который, очевидно, был поставлен сразу после строительства каменного собора[2]. Он также пишет: «…от древних времен остались еще следующие вещи: а) Евангелие, изданное при патриархе Иоакиме 1685 года, б) серебряный под золотом, украшенный жемчугом крест, с частию древа Креста Христова и мощами разных угодников Божиих, в) серебряная в 5 фунт. дарохранительница и г) несколько местных и малых икон, низанных жемчугом, что было рукоделием монахинь сей обители»[3]. Сохранились ли эти предметы до нашего времени, неизвестно, т.к. их подробных описаний нет.

После Октябрьской революции интерьер Николаевского собора сохранялся нетронутым до 1922 г., когда Комиссией по изъятию церковных ценностей почти все изделия из серебра и золота – серебряные и позолоченные сосуды, оклады и венцы – были конфискованы. По данным Комиссии, было изъято 95 предметов[4]. Это свидетельствует о богатом внутреннем убранстве храма: такое же примерно количество было изъято только из Свято-Троицкого монастыря, Введенского собора и Вознесенской церкви, отличающихся богатым оформлением. Большая часть икон после работы Комиссии по изъятию церковных ценностей осталась в храме, но уже без драгоценных уборов, некоторые иконы попали в Центральный чувашский музей. Так, в списке поступивших сюда предметов от 15 ноября 1923 г. числятся Евангелие и восемнад-

Члены экспедиции по изучению церковного искусства г. Чебоксары (1930) А.И. Некрасов и Е.А. Некрасова

цать икон этого храма. Из них несколько икон, датируемых XVII–XIX вв., были переданы в 1951 г. в Чувашский государственный художественный музей.

Известно также, что в Николаевском соборе пол везде был чугунный, престолы каменные. Об основательности постройки свидетельствуют такие архитектурные детали, как голосники, помещенные в толще сводов. В церковных описях упоминается, что их было восемнадцать[5]. Они хорошо видны на фотографиях некрасовских альбомов под изображением Успения Богородицы в верхней части северной стены[6].

Формирование интерьера Николаевского собора, каким он дошел до XX в., начинается в конце XVIII столетия после двух крупных пожаров в Чебоксарах – в 1753 и 1775 гг. Именно к этому времени относятся стенные росписи и высокий иконостас, о которых можно судить по сохранившимся документам, нескольким публикациям в периодической печати дореволюционного времени, вновь открытым нами архивным свидетельствам, а также материалам московской экспедиции 1930 г. профессора А.И. Некрасова, который кратко описал и охарактеризовал его интерьер, датировал описываемые произведения. Членами экспедиции были составлены три альбома с фотографиями М.М. Беляева, запечатлевшего на снимках фрагменты росписей собора, иконостаса и некоторые иконы. Однако на фотографиях изображен лишь главный Владимирский храм, и почти все упоминания касаются его, как наиболее древнего и сохранившего первоначальный облик.

О теплых приделах сведений мало, но известно, что оба придела, обветшавшие к началу XIX в., были перестроены в 1826 г. на средства чебоксарского купца Петра Никифоровича Жукова[7]. Также в архивных документах есть несколько упоминаний о построении новых придельных иконостасов, настенных росписях и мастерах, их создавших.

Таким образом, почти все имеющиеся материалы относятся к XIX – началу XX в.

И, хотя пишут о бедности чебоксарских церквей в этот период, в них уже были сложившиеся в течение одного-двух столетий интерьеры со стенными росписями, позолоченными иконостасами, иконами и драгоценной утварью[8].

Стенная живопись

Главный Владимирский храм принадлежал к редкому архитектурному типу, когда своды опирались не на четыре, а на два столба. Это «дает менее сложностей, но более единства и света, для которого достаточно лишь одного сквозного барабана»[9]. Такая конструкция была удобна и для обзора стенной живописи, которой во Владимирской церкви были украшены стены, своды и столбы. Надпись над южной дверью сообщала о том, что росписи были созданы в 1781 г.[10] В архивных документах раскрывается также их содержание. Изображение «на северной стороне заимствовано из Апокалипсиса, а по южной и западной – из жизни Христа и изображение чудес святителя и чудотворца Николая»[11]. Речь идет о росписях стен главного Владимирского храма, а не его приделов, т.к. на фотографиях некрасовской экспедиции 1930 г. зафиксированы именно фрагменты северной стены главного холодного храма с изображениями Апокалипсиса и часть сводов.

Содержание стенной живописи главного храма более подробно описано в «Известиях по Казанской епархии» за 1898 г. Среди хроники епархиальной жизни есть большая статья «Пребывание высокопреосвященнейшего Арсения, архиепископа Казанского, в городе Чебоксарах». Автор сообщает: «В главной части храма обращает на себя главное внимание древняя стенная живопись. На северной стене имеется до 17 изображений, содержание которых взято из Апокалипсиса: 7 гл. 2 ст.; 8 гл. 13 ст.; 9 гл. 3 ст.; 10 гл. 1 ст.; 12; 14, 4; 15, 2; 16, 13; 18, 2 и 3; 19, 11; 21; 22.

Роспись северной стены и свода Владимирского храма. Фото М.М. Беляева. 1930 г. ЧГХМ

Роспись северной стены Владимирского храма. Фото М.М. Беляева. 1930 г. ЧГХМ

На противоположной южной стене изображены в семи картинах чудеса святителя Николая Чудотворца. На западной стене изображения из евангельской истории: Усекновение головы Иоанна Предтечи, Положение во гроб Господа нашего Иисуса Христа, Предательство Иуды и Иисус Христос на суде у Пилата, а также изображение Обретения главы Иоанна Предтечи...»[12] Возникновение сюжетов из жизни Николая Чудотворца на одной стене и Иоанна Предтечи на другой объясняется наименованием придельных храмов. Однако фотографий с изображением южной и западной стен нет. Только незначительный фрагмент верхней части западной стены дает нам представление о том, что они были исполнены одновременно в одном стиле с живописью северной стены.

Несколько странным кажется то, что изображение сцен Апокалипсиса расположено на северной стене. Во-первых, престол главного храма посвящен иконе Владимирской Богоматери, и, казалось бы, богородичная тематика здесь должна была быть главенствующей. Во-вторых, сцены Апокалипсиса, которые особенно распространились начиная с XVII столетия, изображались традиционно на западной стене храма, иногда заполняли стены папертей, приделов или закрытых галерей. Так они присутствуют в Успенском, Благовещенском и Архангельском соборах Московского Кремля, церкви Воскресения Христова на Дебре в Костроме, Введенском соборе Толгского монастыря в Ярославле и других, созданных в середине XVII в. В начале XVIII в. события Книги Откровения появились и на западной стене чебоксарского Введенского собора. Во Владимирском же храме они занимали всю северную стену. Программа росписей Вла-

димирской церкви создавалась, видимо, с учетом требований политической жизни государства. Последняя четверть XVIII столетия ознаменована трагическими событиями, связанными с крестьянской войной под предводительством Емельяна Пугачева, которая охватила в 1774 г. огромную территорию, в том числе и земли Чувашского края. В память об этом и в назидание жителям города появилось множество икон и монументальных росписей на эсхатологическую тематику. Живопись северной стены храма несла едва ли не основную смысловую и эмоциональную нагрузку.

Программа стенописи главного храма со сценами Апокалипсиса носит избирательный характер. Судя по перечислению глав в «Известиях по Казанской епархии», живописцы проиллюстрировали в росписях лишь события второй части Апокалипсиса, начиная с 7 главы, собственно Откровения, в котором символически воплощены события грядущего: пророчества и вся история борьбы между Церковью и миром, все беды, предшествующие Судному дню. Первые же главы, посвященные семи великим церквам Малой Азии, опущены. Однако на фотографиях некрасовской экспедиции мы видим в верхнем ряду иллюстрации некоторых стихов 1, 2 и 4 глав Апокалипсиса, в котором Иоанн пишет: «Я обратился, чтобы увидеть, чей голос, говоривший со мною, и, обратившись, увидел семь золотых светильников и, посреди семи светильников, подобного Сыну Человеческому, облечённого в подир и по персям опоясанного золотым поясом…» (Откр. 1: 12–17). Объяснить такую ошибку сегодня трудно. К сожалению, из-за фрагментарности изображения стен на фотографиях невозможно видеть все названные автором сцены Апокалипсиса. А очень плохое качество не позволяет атрибутировать их в полной мере. Но если верить автору статьи, то в программу стенописи Владимирского храма не включены сцены Страшного суда.

Роспись сводов и северного столба Владимирского храма. Фото М.М. Беляева. 1930 г. ЧГХМ

На пяти фотографиях из некрасовского альбома запечатлены: восточная часть центрального свода над иконостасом, верхняя часть северного столба с фрагментом свода, три значительных фрагмента северной стены (верхней ее части) Владимирской церкви. Видно, что росписи на стене разделены на четыре яруса, в каждом из которых изображения помещены в квадратные, с овальными углами, плоскости, обрамленные декоративной рамой-картушем. Места их соединения закреплены декоративной деталью в виде цветка. Такое оформление изображений-клейм отвечает барочному в целом характеру интерьера храма, который А.И. Некрасов определяет как «буйную радость жизни», «вихревое движение, где вращаются, переплетаются и тонут все формы и линии...»[13]. При этом замечательно решена проблема синтеза ис-

Роспись восточной части северной стены и верхняя часть иконостаса. Фото М.М. Беляева. 1930 г. ЧГХМ

кусств, когда живопись и скульптура подчинены архитектонике сооружения. Ряды изображений-клейм как будто получают продолжение в четкой конструкции четырех рядов иконостаса с резными позолоченными пилястрами и Распятием над иконостасом, которое также помещено в пышный картуш-раму. Высота каждого живописного клейма практически равна высоте иконостасного ряда, что привносит определенный порядок в целом барочного по характеру интерьера храма.

В рукописи А.И. Некрасова есть описание цветового решения росписей. Это важно, так как других описаний об этом не сохранилось. Он пишет: «Первоначальная изысканность голубого с золотом и увядших бледных тонов превратилась здесь в массивы пышных обрамлений, голубизна в обилии неба и воздуха, в захвате бесконечного пространства…»[14]

Своды, вероятно, иллюстрировали праздники. Это хорошо видно на тех же фотографиях, где вверху северной стены на своде запечатлена сцена «Успение Богородицы». Другие фрагменты свода представляют «Благовещение» и «Бегство в Египет». Восточная часть сводов, видимо, раскрывала содержание Страстной недели, ибо здесь можно разглядеть сцену «Моление о чаше» с коленопреклоненным Иисусом Христом, спящими в отдалении апостолами и летящим ангелом с чашей в руках. Надо отметить, что стенная живопись Владимирского храма находилась в послереволюционные годы в довольно плачевном состоянии. «Она гибнет, так как местами отвалилась», – писал известный краевед М.П. Петров (Тинехпи) в 1920-х гг.[15]

Что касается росписей стен теплых приделов, то сведений о них чрезвычайно мало и все они позднего происхождения. Так, в 1898 г. «в июне месяце Николаевский собор был посещен 3 числа высокопреосвященнейшим Арсением, архиепископом Казанским и Свияжским… Владыка обозревал главный холодный во имя Владимирской Божией Матери храм, а также два храма придельных, теплых: с южной стороны – во имя святителя Николая Мирликийского Чудотворца, с северной стороны – во имя Иоанна Крестителя. В теплом храме (подчеркнуто мной. – *А.М.*) было обращено особое внимание его высокопреосвященством на древнее иконописание на стенах храма; осматривая стены, владыка назвал изображения на них древними и выразил желание, чтобы они оставались в таком виде неизменно»[16]. Однако мы считаем, что речь шла о росписях главного Владимирского храма, а не придельного. Эта ошибка очевидна, так как в летописи Николаевского собора за тот же 1898 г. упоминается ремонт: «С 1 числа июня месяца включительно по сентябрь месяц в теплом придельном храме с северной стороны во имя святого пророка Предтечи Крестителя Иоанна был произведен

внутри храма ремонт – окраска масляными красками потолка, стен и пола. <…> На потолке в передней части храма вновь написано живописное изображение Господа Саваофа; в арке также вновь написаны три изображения: вверху Иоанна Предтечи, на северной стороне образ святителя Феодосия Черниговского, и на южной святителя Николая Чудотворца…»[17] Таким образом, дата посещения храма архиепископом Казанским и Свияжским Арсением (3 июня 1898 г.) совпадает со временем ремонта теплого Иоанно-Предтеченского придела и росписей его стен и потолка. Ни о нахождении в нем древних росписей, ни хотя бы об их поновлении в летописи не упоминается. Вероятно, древними названы именно росписи главного храма, датируемые 1781 г. Перестроенные заново в 1826 г. приделы вряд ли могли иметь «древние» росписи[18]. Кроме того, в 1846 г. в расходной книге появляется запись о том, что «заплачено маляру Андрею Александрову за окраску стен внутри теплой церкви, с его материалом двадцать пять рублей»[19]. Настенные росписи в приделе (в каком не обозначено) вновь не упоминаются. Не упоминаются они и в рукописи А.И. Некрасова, который не преминул бы их отметить, в случае существования таковых, в своей рукописи.

Иконостас и круглая скульптура

Иконостас главного храма во имя иконы Владимирской Божией Матери представлен в фотоальбомах А.И. Некрасова тремя крупными фрагментами, которые дают полное представление о его конструкции и резном украшении. Кроме того, его описание находим в нескольких документах XIX в. «Иконостас деревянный, столярной работы, в три яруса, окрашен краскою с резными в при-

Верхняя часть иконостаса Владимирского храма. Фото М.М. Беляева. 1930 г. ЧГХМ

Царские врата иконостаса. Церковь Казанской Божией Матери с. Альгешево Чебоксарского района. Фото Е. Гараниной. 2004 г.

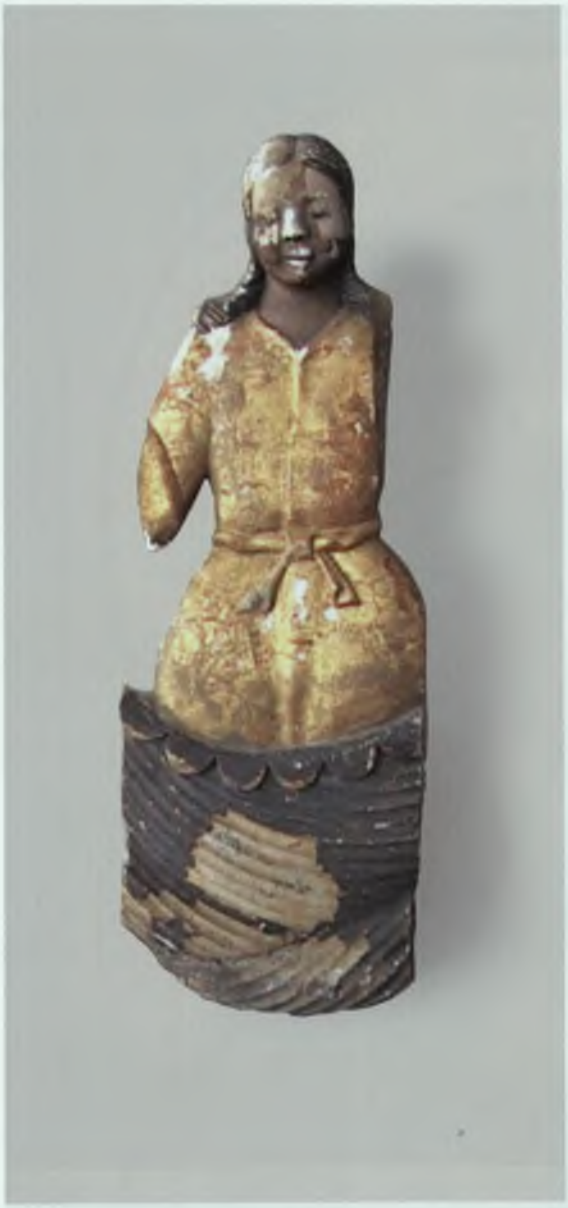
Скульптура ангела (плоская). XVIII в. Дерево, резьба, роспись. Современное фото. ЧГХМ

личных местах пилястрами, кои вызолочены на полименте»[20]. Можно предположить, что он был поставлен на рубеже XVIII–XIX вв. Резьба с растительным орнаментом и Царские врата этого иконостаса, более ранние, по предположению А.И. Некрасова, сохранились от старого иконостаса XVIII столетия[21].

В 1848 г. его, видимо, поновили «на пожертвованную для сего прихожанами сумму 150 руб. серебром»[22]. Сохранилась также метрика за 1887 г., где, кроме упоминания о позолоченной резьбе, говорится, что «тело иконостаса покрыто краскою бирюзового цвета»[23].

Наиболее древней частью этого иконостаса являются Царские врата. Они сохранились до сегодняшнего дня, попав после закрытия Николаевского собора в Краеведческий музей г. Чебоксары, а затем были переданы в церковь Казанской Божией Матери с. Альгешево (Вомбукасы)[24]. Состоящие из двух створок, врата «резные, позолоченные на полименте с резными иконами: в средней части дверей – Благовещения Пресвятой Богородицы, а в нижней – четырех евангелистов, с изображением вверху сих дверей Духа Святого в виде голубя, также резного, окруженного лучезарным сиянием…»[25] Ясность и строгость композиции, пластическая выразительность фигур, повторяемость упругих линий складок и облаков, составляющих самые цельные и крупные формы Царских врат, позволяют вратам главенствовать в большом пространстве алтарной преграды.

Богатое скульптурное оформление верхней части иконостаса также можно отнести к XVIII столетию, как их датирует А.И. Некрасов. Конструкция иконостаса, его оформление резьбой с растительным орнаментом, наложенной на пилястры, профилированные карнизы довольно просты и действительно отсылают нас к более позднему времени, нежели богатые по пластике плоскорельефные фигуры Царских врат и фигуры, изображенные на верхнем ярусе иконостаса: ангелов, распятого Иисуса Христа, предстоящих ему Богоматери и Иоанна Богослова. Две сохранившиеся фигуры ангелов этого иконостаса находятся ныне в собрании Чувашского государственного художественного музея. Характер их исполнения близок по стилю к фигурам Царских врат. Уложенный мелкими складками балдахин над верхней централь-



Скульптура ангела (плоская). XVIII в. Дерево, резьба, роспись. Современное фото. ЧГХМ

Распятие. XVIII в. Дерево, резьба. Фото М.М. Беляева. 1930 г. ЧГХМ

Голова Иоанна Предтечи. XVIII в. Дерево, резьба. Фото М.М. Беляева. 1930 г. ЧГХМ

ной иконой – точно такой же, как и под сенью Царских врат.

Все фигуры выполнены в низком рельефе. Некоторая распластанность форм, пропорции фигур, разворот широких плеч, небольшая голова ангелов на крепкой шее есть выражение демократических черт в церковном искусстве того времени. А.И. Некрасов пишет о рельефных фигурах Предтеченского храма: «Скульптура имеет примитивно-чувственный характер. Коренастые приземистые фигуры довольно сочно моделированы, но как бы зажаты между двумя параллельными плоскостями, отчего сохраняется общий характер распластанности, несколько разбухший, но пока неспособный к движению»[26].

Богоматерь Корсунская. XVII в. Дерево, левкас, темпера. Современное фото. ЧГХМ

Иконостасы придельных храмов были обновлены во второй половине XIX столетия, а в 1910 г. заново позолочены и окрашены мастером иконостасных дел мещанином Егором Ивановым Козловым за двести рублей[27]. Однако ни их описаний, ни изображений до наших дней не сохранилось.

Наряду со стенной живописью и иконами, в интерьер включена скульптура, которая располагалась в разных местах иконостаса. А.И. Некрасов писал: «Проследить историю развития скульптуры на памятниках Чебоксар затруднительно вследствие того, что скульптурные произведения XVII в. до нас не дошли. Только в одном памятнике XVIII в. мы имеем черты стиля XVII в. Этот обломок деревянного резного Распятия в Предтеченской церкви. Некоторая припухлость форм говорит за его происхождение в XVIII в., но схематичность построения, линейная расчерченность и сухость трактовки – черты того же консервативного порядка, о котором говорилось выше в связи со станковой живописью. Из серии голов Иоанна Предтечи отметим одну, резанную из дерева, хранящуюся в той же церкви и носящую еще более мелочный графический характер»[28].

Из документов начала XIX в. известно, что в соборе находилась резная икона Спасителя. Она не была прославлена так, как скульптура Николая Чудотворца из Свято-Троицкого монастыря. В 1825 г. из Казанской консистории поступил указ об отправлении всех резных образов в Казань: «Из Чебоксарского духовного правления Чебоксарского Троицкого монастыря о. архимандриту Нафанаилу сообщение.

Указом Каз. дух. консистории от 21 минувшего августа за № 6052 сему Правлению предписала о представлении во оную резного образа из 2-го Николаевского собора… Спасителя. <…> Как Правлению сему известно уже, что из 2-го Николаевского собора резной образ Спасителя отобран и представлен с прочими таковыми же в Духовную консисторию; то об оном и донесен Консистории…»[29]

Как видим, церковная скульптура представлена главным образом иконостасной плоскорельефной резьбой. Богатое оформление иконостаса традиционно приветствовалось православной церковью. Круглая же скульптура вызывала некоторое отторжение и часто запрещалась указами патриарха, а позднее Синода. Однако она продолжала существовать в образах древних, особо почитаемых, или созданных по их образцам.

Иконы

Состав икон в Николаевском соборе был также весьма богат. Об этом свидетельствует запись в метрике церкви за 1887 г.: «В иконостасе иконы старого письма, писанных в византийском стиле, в прочных деревянных с резьбою рамах, покрытых позолотой. Старописные иконы в иконостасе обновляемы никогда не были, а сохраняются в своем первобытном виде»[30]. О составе икон, как иконостасных, так и находящихся в пристенных и пристолпных киотах, можно судить по церковным описям Николаевского собора. Также уделили внимание наиболее значимым иконам в своем труде А.И. Некрасов и Е.А. Некрасова, описав и датируя их. Кроме того, в альбомах некрасовской экспедиции есть фотографии фрагментов иконостаса главного Владимирского храма, на которых можно разглядеть иконы его верхнего ряда, а также фотографии икон, которые были частично раскрыты реставратором экспедиции В.О. Кириковым. Он же оставил рукописный дневник, хранящийся ныне в отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи.

Из исторически значимых и почитаемых икон в Николаевском соборе упоминается икона Владимирской Богоматери – фамильная икона Болтиных и Каховских, завещанная Болтиной Марфой Осиповной Николаевскому монастырю[31]. Однако ее размеры

Св. Николай Чудотворец. Икона XVII в. Дерево, левкас, темпера. Фото М.М. Беляева. 1930 г. ЧГХМ

Св. Николай Чудотворец. Икона XVII в. Современное состояние. ЧГХМ

и местонахождение в храме не указаны, а в церковной описи мы находим несколько Владимирских икон. Из них только фрагмент одной воспроизведен на фотографии в местном ряду иконостаса. Её размер (124 x 97 см) говорит о том, что она не могла быть домашней иконой. Фамильная икона могла быть помещена и в настенном киоте, где «помещены также пожертвованные разными лицами и в разное время двенадцать икон, изображающих Богоматерь и расположенных… в четырех рядах…»[32].

Учитывая то, что только в местном ряду иконостаса Владимирской церкви находилось пять икон Божией Матери – наряду с Владимирской, Казанская, Смоленская, Корсунская и Тихвинская, можно утверждать, что богородичная тематика была усилена именно в иконостасе, замещая ее отсутствие на северной стене, традиционно отдаваемой богородичным сюжетам.

Из более ранних икон храма сохранился образ св. Николая Чудотворца, датированный А.И. Некрасовым XVI в. и относимый сегодня специалистами к XVII в.[33] Реставратором В.О. Кириковым были удалены три слоя поздних записей, под которыми обнаружилось прекрасное письмо московской школы[34]. Кириковым также были сделаны пробные расчистки двух икон местного ряда иконостаса – Иоанна Крестителя и Корсунской Божией Матери, обе XVII в. Первая из них не воспроизведена в альбомах некрасовской экспедиции. Возможно (судя по совпадающим размерам), речь идет об иконе, хранившейся в собрании Чувашского государственного художественного музея. Икона имеет большой размер, находилась в местном ряду иконостаса главного храма. Креститель изображен в нечасто встречающемся изводе «Ангел пустыни» – с большими крыльями за спиной. Он держит в руке

Иоанн Предтеча. XVII–XVIII вв. Икона. Дерево, левкас, темпера. Современное состояние. ЧГХМ

чашу с усеченной головой, символизирующей его жертвенную смерть. Живописная поверхность иконы, выполненная в тревожных красно-оранжевых тонах в сочетании с оливково-зелеными, заметно потерта. Но значительные утраты есть только на нижнем ее поле. Икона была реставрирована в Москве, в Государственных центральных реставрационно-художественных мастерских им. И.Э. Грабаря, и ныне украшает постоянную экспозицию музея. Там же находится икона Богоматери Корсунской.

Из Николаевского собора происходят редкие произведения живописи – так называемые панели, расположенные под местным рядом иконостаса. Одна из них – «Сотворение Адама» – воспроизведена в альбоме некрасовской экспедиции, на фотографии с изображением кресла елизаветинской эпохи на фоне иконостаса. Такие панели были обычно элементом декоративного оформления и составляли нижнюю часть резного иконостаса. Иногда посередине панелей вставляли в овальные или круглые картуши с живописными изображениями. Традиционно это были сцены из Ветхого Завета. В соборных панелях также видим ветхозаветные сюжеты. Живопись невысокого художественного качества: неумелой рукой написаны пейзажные фоны, деревья, дикие и домашние животные, введенные в композицию, и особенно человеческие фигуры. Пышные картуши, обрамляющие сцены, также написаны темперой, а не вырезаны из дерева, однако их розовато-охристый цвет имитирует золото. Сколько их было, неизвестно, сохранилось пять.

Кресло середины XVIII в. у иконостаса Николаевского собора. Видна панель «Сотворение Адама». Фото М.М. Беляева. 1930 г. ЧГХМ

Как и все православные храмы, Николаевский собор был снабжен церковной утварью, алтарными облачениями и всеми необходимыми для богослужения предметами, которые, несомненно, имели высокую художественную ценность. К произведениям прикладного искусства можно отнести плащаницу и три воздуха (все XVIII в.), зафиксированные фотографом М.М. Беляевым – членом экспедиции А.И. Некрасова. Видно, что мастерицы использовали традиционную комбинированную технику золотного шитья по декоративной тканевой основе. Плащаница не очень хорошей сохранности содержит многофигурную композицию «Положение во гроб» с изображением вокруг лежащего тела Иисуса Христа Богородицы, учеников и двух ангелов по сторонам. Сохранность воздухов лучше. Один из них представляет в среднике Распятие, два других – изображение жертвенной чаши с лежащим на ней Иисусом Христом и склонив-

Сотворение Адама. Панель иконостаса. Середина XVIII в. Дерево, левкас, темпера. ЧГХМ

Изгнание из рая. Панель иконостаса. Середина XVIII в. Дерево, левкас, темпера. ЧГХМ

шимися с обеих сторон фигурами ангелов с рипидами в руках.

Из поздних произведений, созданных для Николаевского собора, необходимо назвать работы известного в Чебоксарах иконописца из династии Рукавишниковых – Евлампия Александровича. Он упоминается как создатель нескольких живописных образов в теплом приделе во имя Иоанна Предтечи, в притворе храма и на западной стороне над входом в церковь образа Владимирской Божией Матери. «Все означенные живописные изображения написаны бесплатно художником-прихожанином, чебоксарским мещащанином Евлампием Александровым Рукавишниковым из усердия к церкви как его жертва»[35].

Замечательный памятник православного зодчества – Николаевский собор, или Предтеченский храм, под каким названием он сохранился во многих документах, не дошел до нашего времени.

Особую историю, по легенде связанную с Никольским монастырем, имеет живописный образ св. царевича Димитрия. Предполагается, что он был написан по заказу инокини Марии Шестовой, которая была сослана в Чебоксары царем Борисом Годуновым. Именно с ее именем связывают происхождение этого уникального памятника ранней станковой живописи, хранящегося в Чебоксарском художественном музее. Образ представляет собой святого благоверного царевича Дмитрия с подробным, не имеющим аналогов текстовым описанием событий в Угличе и изобразительными сюжетами убиения наследника престола.

Архитектура Николаевского собора запечатлена на фотографиях, планах и описана в архивных документах. Сложнее реконструировать его интерьер, однако сохранившиеся материалы позволяют это сделать по отношению к главному храму, посвященному иконе Владимирской Божией Матери. Внутреннее убранство, частично запечатленное на фотографиях экспедиции А.И. Некрасова, осуществленной в 1930 г., представляет нам фрагменты стенных росписей, иконостаса и некоторых икон и скульптуры. В этот период храм претерпел множество печальных событий, имел множество утрат, но основные элементы убранства еще сохранял. Надо помнить, что XIX столетие, хотя и не столь благополучное для экономического развития города, не оказалось разрушительным для чебоксарских церквей. Созданные в предыдущем веке росписи, замечательная иконостасная резьба и большинство икон сохранялись причтом и прихожанами, а во многих случаях благолепно украшались вплоть до первых послереволюционных десятилетий.

Каин убивает Авеля. Панель иконостаса.
Середина XVIII в. Дерево, левкас, темпера. ЧГХМ

Илья Пророк в пустыне.
Панель иконостаса. Середина XVIII в.
Дерево, левкас, темпера. ЧГХМ

Николаевский собор. Воздух. Шитье.
XVIII в. Фото М.М. Беляева. 1930 г. ЧГХМ

Николаевский собор. Воздух. Шитье.
XVIII в. Фото М.М. Беляева. 1930 г. ЧГХМ

Николаевский собор. Воздух. Шитье.
XVIII в. Фото М.М. Беляева. 1930 г. ЧГХМ

Николаевский собор. Плащаница. Шитье.
XVIII в. Фото М.М. Беляева. 1930 г. ЧГХМ

Церковь Михаила Архангела с колокольней. На заднем плане Николаевский собор с колокольней. Фото А.В. Лядова. 1920-е гг.

Город Чебоксары. Вид с Волги. На заднем плане, справа, Николаевский собор без колокольни. Фото рубежа 1920-1930-х гг.

Центральная часть города Чебоксары. Самая старая из известных фотографий города. Фото 1882 г.

Глава 3

Результаты научных исследований материалов раскопок 2013 года в городе Чебоксары и современные страницы памяти о Марии Шестовой

Н.С. Березина

1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МЕСТЕ НИКОЛАЕВСКОГО СОБОРА И ПОИСКИ МОГИЛЫ МАРИИ ШЕСТОВОЙ

В августе – октябре 2013 г. экспедицией Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) были проведены археологические раскопки исторического культурного слоя города Чебоксары на пересечении улиц П. Бондарева и К. Иванова, на территории, некогда занятой Николаевским женским монастырем и Николаевским собором (ныне территория сквера К. Иванова)[1].

Раскопки производились по Открытому листу № 1297, выданному Министерством культуры РФ на имя Березиной Наталии Степановны, зав. отделом археологии ЧГИГН. В работе экспедиции принимали участие научные сотрудники отдела археологии ЧГИГН Е.П. Михайлов, Н.С. Мясников, А.Ю. Березин, а также добровольцы И.Н. Михайлов, А.Н. Пояндаев, Д.В. Поганев, студенты историко-географического факультета Чувашского государственного университета и исторического факультета Чувашского государственного педагогического университета.

Место для археологических раскопок было выбрано не случайно. Исследования 2013 г. проводились в средней части Западного косогора, к востоку от бывшего Чебоксарского кремля, на месте, где ранее располагался Николаевский женский монастырь, основанный при Иване Грозном, около 1584 г. В XVI в. здесь были построены деревянная церковь Николая Чудотворца, кельи для монахинь и ограда; существовал подземный ход, соединявший Николаевский и Троицкий монастыри, а также Введенский собор. В середине XVII в. деревянный монастырь сгорел, и к 1680 гг. был отстроен и восстановлен как Иоанно-Предтеченский (с середины XVIII в. вновь стал называться Николаевским). Каменный собор Владимирской Богоматери (построен около 1690 г.) по названию одного из приделов сохранил имя «Николаевский»[2].

По историческим документам известно, что в 1601 г. в г. Чебоксары в Николаевский женский монастырь была сослана Мария Шестова (бабушка Михаила Федоровича, первого русского царя из рода Романовых), где была пострижена в монахини и отбывала пожизненную ссылку. Она была похоронена в Чебоксарах, на территории Николаевского женского монастыря, в Николаевском со-

Город Чебоксары. Общий вид на сквер, ул. К. Иванова и место проведения раскопок с запада. Фото Н.И. Орловой. 2016 г.

Сквер К. Иванова. Рабочий момент геомагнитных исследований, проведенных В.Г. Бездудным на месте раскопок. Вид с севера. Фото 2013 г.

боре, в склепе под алтарём южного придела святителя Николая Чудотворца.

Целью археологических исследований 2013 г. стало изучение культурного слоя этого уникального для Чебоксар исторического места. Одной из основных задач археологических исследований 2013 г. стали поиски могилы Марии Шестовой. Эти исследования были посвящены широко отмечаемому в России историческому юбилею – 400-летию дома Романовых. Эта тема вызвала живой отклик у горожан и жителей республики, ученых, представителей чебоксарской интеллигенции и митрополии. Хочется поблагодарить всех, кто словом и делом помогал в проведении этих исследований.

Следует отметить, что археологические исследования Западного косогора, места, где ранее располагался Чебоксарский кремль – укрепленная административная часть древнего города, предпринимались чувашскими археологами и раньше. В 1966 г. под руководством В.Ф. Каховского были проведены охранные раскопки около Михаило-Архангельской церкви. В результате был обнаружен могильник XVIII в., изучено 11 погребений, совершенных по христианскому обряду. В 1968–1970 гг. на углу ул. Бондарева и ул. Чернышевского были проведены раскопки на площади около 300 кв. м. Был выявлен культурный слой мощностью до 4,7 м, изучены остатки деревянных построек, в т.ч. ремесленных мастерских, а также мостовых, найдены многочисленные изделия XIII–XIX вв. В 1971–1972 гг. раскопки велись около стен и на территории самого Троицкого монастыря. На площади около 800 кв. м обнаружен культурный слой, мощность которого здесь достигала 6 м. Изучены остатки нескольких десятков жилых, хозяйственных построек, деревянных мостовых, заборов, усадьбы и др. Полученный материал (более 120 тыс. находок) изменил имевшиеся до этого представления о ранней истории города. Археологи убедительно доказали, что на месте Чебоксар не позднее рубежа XIII–XIV вв., задолго до первого летописного упоминания 1469 г., был город, жители которого в основном были заняты ремеслом. Город имел развитое для того времени хозяйство[3].

В 2003–2006, 2009–2010 гг. археологические исследования были продолжены.

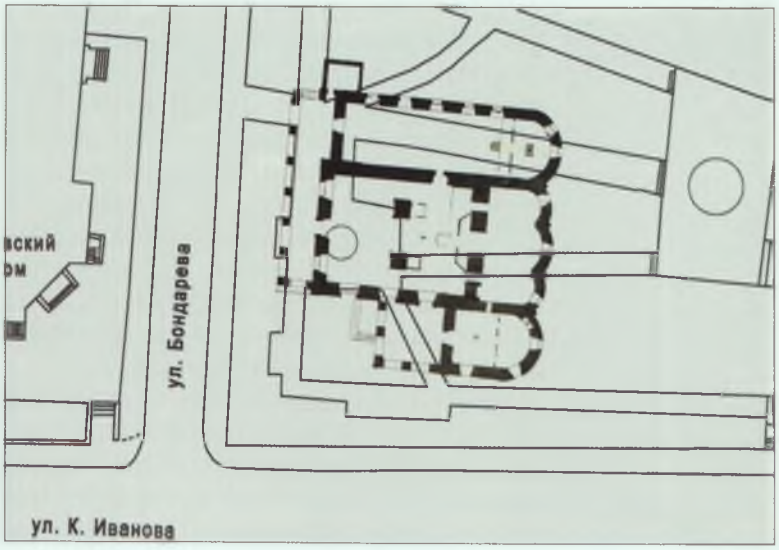
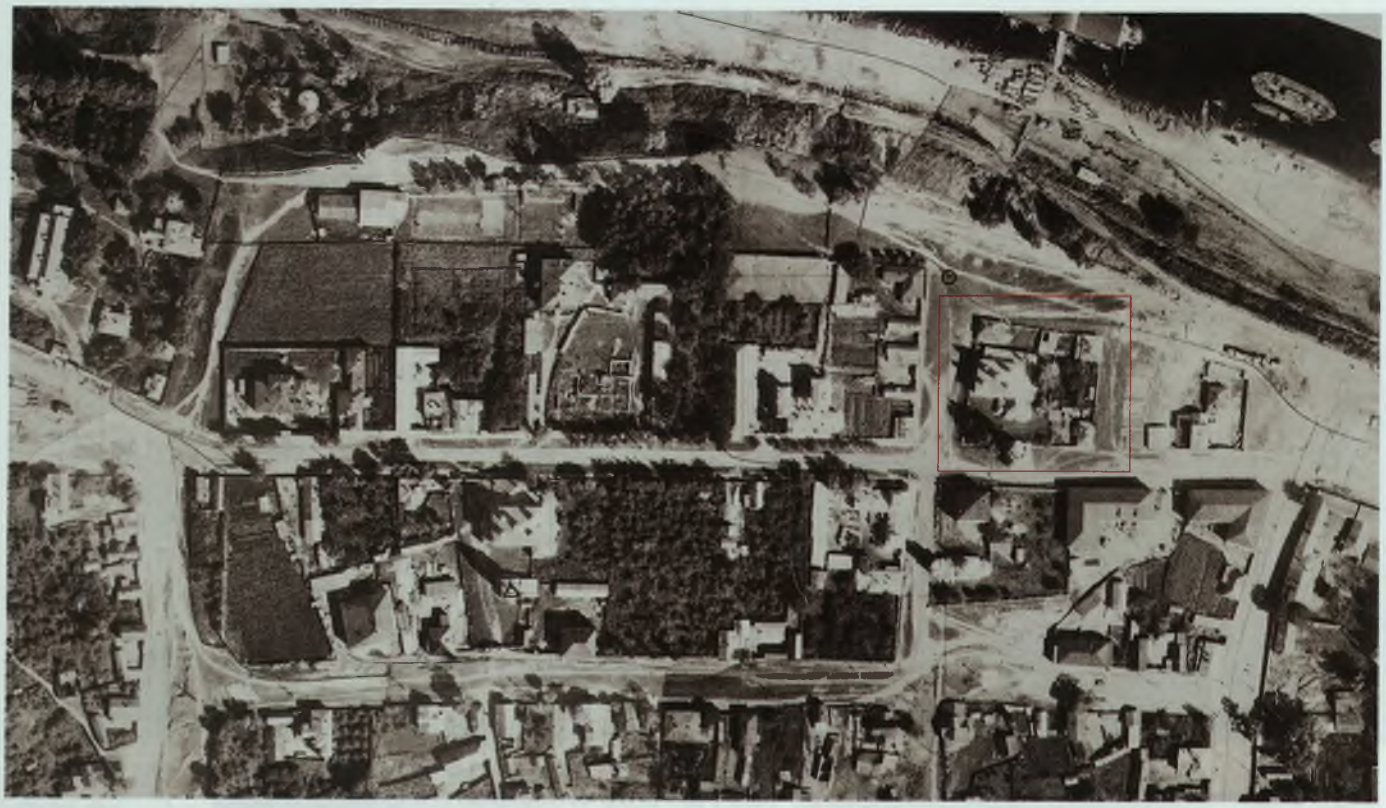


Схема сквера К. Иванова на пересечении ул. Бондарева и ул. К. Иванова с наложением плана Никольского собора начала XIX в.



Аэрофото Западного косогора. В рамке – Николаевский собор. 1926 г. Из личного архива И.К. Кугуракова

Совместными исследованиями археологов Чувашского государственного института гуманитарных наук, Поволжской археологической экспедиции Марийского государственного университета, Чувашского государственного педагогического университета, историко-географического факультета ЧГУ и Чувашского национального музея были проведены раскопки в районе Введенского собора и на прилегающих территориях, на территории существовавшей в XVI – начале XVIII в. деревянной крепости (кремля) по ул. М. Сеспеля. Эти исследования заложили основу и сформировали наше представление о времени возникновения и этапах развития древних Чебоксар.

Перед началом археологических раскопок в 2013 г. мы провели сбор архивных источников, которые бы смогли уточнить местоположение Николаевского собора. В этом деле большую роль сыграли ведущие ученые ЧГИГН И.К. Кугураков, А.И. Мордвинова и Ю.В. Гусаров. Нам удалось обнаружить фотографии этого места конца XIX – начала XX в. На них изображен Николаевский собор в окружении других зданий и улиц.

В архиве Чувашского государственного художественного музея хранится альбом известного искусствоведа А.И. Некрасова, где представлены фотографии и чертежи Николаевского собора, в том числе план, который исследователь датирует примерно 1815 г.

Важным источником стала аэрофотография центральной части города, сделанная в 1926 г. На этой фотографии хорошо заметны Николаевский собор и расположенные вокруг здания и улицы. Мы наложили на этот снимок современные границы улиц и сохранившихся с тех времен зданий. Таким образом мы смогли более детально представить место, где располагался Николаевский собор до 1936 г.

Археологические раскопки 2013 г. были предварены неразрушающими методами геофизической разведки. Геофизиком В.Г. Бездудным (г. Ростов-на-Дону) были осуществлены научно-исследовательские комплексные геофизические (георадарные и магнитометрические) исследования на месте проведения археологических раскопок – предполагаемом месте расположения Николаевского собора в сквере К. Иванова г. Чебоксары. Георадарное исследование выявило несколько достаточно локализованных аномалий, четких геометрических форм, локальных по глубине, что позволило нам предположить нахождение в месте аномалий остатков стен фундамента южного придела храма.

Исследования проводились двумя раскопами. В соответствии с принятой с 1968 г. нумерацией раскопов в Чебоксарах, раскопы 2013 г. были обозначены как раскопы XIII-1 и XIII-2.

Раскоп XIII-1 был заложен на месте, где георадар показал самые большие и четкие геоаномалии. Он имел прямоугольную форму в 4 х 6 м, площадь 24 кв. м, ориентирован по сторонам света. На месте предполагаемого раскопа располагалась асфальтовая площадка. По нашей просьбе городские коммунальные службы сняли асфальтовое покрытие.

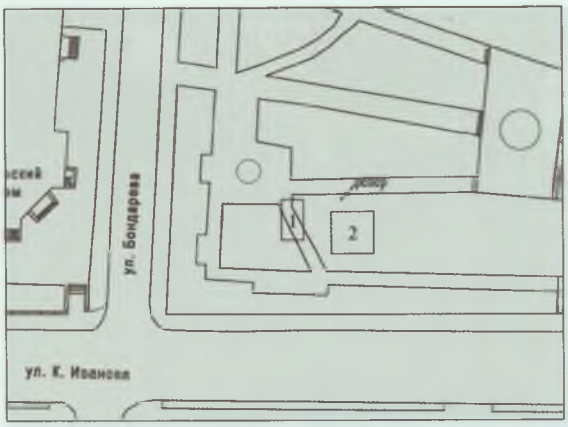


Схема сквера К. Иванова с наложением раскопов: 1 – XIII-1, и 2 – XIII-2

На глубине 21–64 см сразу под снятым слоем асфальта обнажилась вымостка большеразмерным кирпичом (XVII в.) пола Николаевского собора. Очевидно, большая часть этой вымостки была разрушена в 1936 г. В квадратах А/1, 2, Б/1 сохранились 17 рядов кирпичей, уложенных на песчаную подсыпку в два яруса (вероятно, следы ремонта местами провалившегося первого настила). Кирпичную вымостку зачистили, зафиксировали. Разбирать ее не стали, законсервировали (засыпали песком) для возможной будущей музеефикации этого участка. Это предложение было поддержано и главой республики М.В. Игнатьевым и главой города

Раскоп XIII-1. Разбивка раскопа. Вид с северо-запада

Зачистка первого слоя

Раскоп XIII-2. Разбивка раскопа. Вид с северо-запада

Раскоп XIII-2. Зачистка третьего слоя. Вид с юго-востока

Л.И. Черкесовым во время посещения ими 18 сентября 2013 г. места археологических раскопок.

Раскоп XIII-2 был разбит восточнее раскопа XIII-1, на месте предполагаемой алтарной части южного придела Николаевского собора. Он имел квадратную форму 6 х 6 м, площадь 36 кв. м, ориентирован по сторонам света. На выбор места раскопа также повлияли расположенные в парке старые деревья. Однако совсем обойти их не удалось, и одно из деревьев попало практически в центр раскопа.

В южной части раскопа сразу под дерном обнаружился участок с многочисленными обломками кирпича и известковой крошки. В дальнейшем выяснилось, что это остатки кирпичной стены. При разборе было выявлено несколько рядов кирпичной кладки in situ, уходящих в южную стенку раскопа и имеющих закругление общей линии. Вероятно, это остатки южной стены апсиды южного придела. Остальная часть стены, видимо, была разобрана, о чем свидетельствуют пятна кирпичной крошки. Между кирпичами была обнаружена русская монета 1734 г., вероятно, она попала туда при реставрации Николаевского собора в 1753 г.

На остальной части раскопа до глубины 310 см был зафиксирован слой перемешанной глины. Всего собрано 1376 единиц находок. Среди них фрагменты гончарной керамики, изделия из металла, стекла, фарфора, фаянса, слюды, штукатурки, кости и зубы животных.

Так как весь вещевой материал был получен из перемещённых слоев, то стратиграфически он никак не расчленяется и представлен по комплексам, выделенным типологически. Наиболее массовым материалом, полученным в ходе раскопок 2013 г. в городе Чебоксары, являются фрагменты гончарных глиняных сосудов, насчитывающих 931 единицу. Из них определена культурная принадлежность для 693 фрагментов, 238 определить представляется затруднительным в силу сильной фрагментированности. Наибольшее количество определимых фрагментов керамики относится к черной (315 ед.) и чернолощенной (69 ед.) керамике (41,2 %), далее следует красная керамика Нового времени (76 ед.) – 8 %. Остальные типы керамики присутствуют в небольшом количестве: бурая (67 ед.) – 7,1 %, серая (50 ед.) – 5,3 %, краснолощенная средневековая керамика золотоордынского времени (41 ед.) – 4,2 %, также присутствует белая керамика (34) – 3,5 %. Все фрагменты керамики небольшие, реконструировать целые формы сосудов затруднительно.

Среди находок большую группу составляют металлические изделия. Одно изделие из бронзы неясного назначения. Найдено несколько монет, в основном советского периода (1986 г. «1 копейка», 1957 г. «20 копеек»), серебряная «чешуйка» и медная «полушка» 1734 г. Многие монеты плохо читаются.

Многочисленны предметы из железа, в том числе трехлучевой светец с закругляющимися концами, всего 93 предмета. Среди них самая распространенная категория – кованые гвозди, а также скобы, дверная петля, светец.

Отметим находку железного стержня размером 120 х 18 х 5 мм, имеющего прямоугольный профиль в поперечном сечении, в широкой части – остатки берестяной (?) обмотки. Он был найден на полу могильной ямы погребения № 1. Его связь с гробовищем не установлена.

Интересен фрагмент металлической (железной) решетки, выполненной в растительном орнаменте. Вероятно, это деталь металлической ограды алтаря Николаевского храма.

Многочисленны находки костей и зубов животных (117 ед.) – это целые кости и их фрагменты. Интересны находки первых фаланг свиней с просверленными отверстиями (3 экз.). Они использовались как игральные кости.

Фрагмент изделия из кости с орнаментом

Находки изделий из стекла составили 59 экз. В основном это фрагменты бутылок и штофов, пузырьков, а также оконных стекол. Найдены фрагменты фарфоровых (17 ед.) и фаянсовых (1 ед.) изделий. Многочисленны находки фрагментов слюды, вероятно использовавшейся в окнах. В большинстве это мелкие фрагменты от 2–5 мм до 5–7 см.

В раскопе на глубине 118 см был обнаружен фрагмент костяной пластины размером 3 х 3,5 см. Он имеет орнамент – лучи восходящего солнца (?) – обрамленный растительным рисунком. Вероятно, это деталь

Расчистка находки фрагмента глиняной крышки сосуда

Раскоп XIII-2. Зачистка десятого слоя

1 – монета 1734 г.; 2 – монеты «чешуйки»;

Гильзы от огнестрельного оружия

костяной накладки на трость или какое-то изделие.

Среди находок отметим несколько обломков квадратных кирпичей. Удалось установить размеры одного из них: 22,5 х 22,5 х 5,7 см. Кирпичи таких размеров характерны для построек XIII–XIV вв.[4] Кроме этого, найдены фрагменты гончарной керамики XIV в. Очевидно, что на территории Чебоксарского кремля в XIII–XIV вв. имелись кирпичные постройки. Однако все находки имеют переотложенное состояние, и необходимо расширить раскопки, чтобы обнаружить нетронутые древние слои.

Все находки из раскопа имеют широкую датировку – от XIV в. до начала XX в. По нашему мнению, такая ситуация могла возникнуть после разрушения Николаевского собора в 1934 г., когда храм был разобран на кирпичи для нужд строительства многоэтажного правительственного здания. Образовавшийся на месте южного придела собора котлован был впоследствии засыпан.

В раскопе зафиксированы следы разрушения Николаевского собора. Обнаружены обломки лемехов – глиняных плиток, покрытых зеленой и желтой глазурью, со ступенчатыми краями. Этими плитками, по свидетельству А.И. Некрасова, была покрыта глава северного придела собора. Найдены многочисленные фрагменты цветных штукатурок. Очевидно, это детали росписей стен Николаевского собора. К сожалению, восстановить изображение на них невозможно, но на некоторых сохранились пигментные пятна и полосы.

Ниже отметки 310 см зафиксирован материковый слой, в котором обнаружилось несколько погребений. При разборе погребений присутствовали специалисты: В.В. Яковлев – судмедэксперт Чебоксарского межрайонного отделения КУ «Республиканское бюро судмедэкспертизы», П.Г. Яковлев – судмедэксперт ЭКЦ МВД по Чувашской Республике, а также Р.А. Егоров – следователь-криминалист следственного управления Следственного комитета РФ по ЧР.

Нами были исследованы 4 безынвентарных погребения, по комплексу признаков схожих с погребениями раскопок 2006 г., они могут быть датированы XVI–XVII вв. Одно из погребений (№ 1) выделяется по уровню (выше остальных на 60–74 см) и форме гробовища – колоды антропоморфной формы. Погребения № 2–4 залегают соответственно глубже.

Остановимся подробнее на погребении №1. Границы могильной ямы просматривались отчетливо. Могильная яма имела подпрямоугольные очертания, размеры 195 х 63 см. Ориентирована в направлении З–В, головой на З, лицом вверх. Гробовище представляло собой колоду антропоморфной формы – с резными плечиками и сужением к ногам и голове, с округлыми стенками, сохранилось в виде тлена и отдельных кусков истлевшей древесины. Толщина сохранившихся стенок колоды 1–1,5 см, размеры: по длинной оси 174 см, в самой широкой части в области плеч 43 см, в нижней части 30 см, в верхней – 27 см.

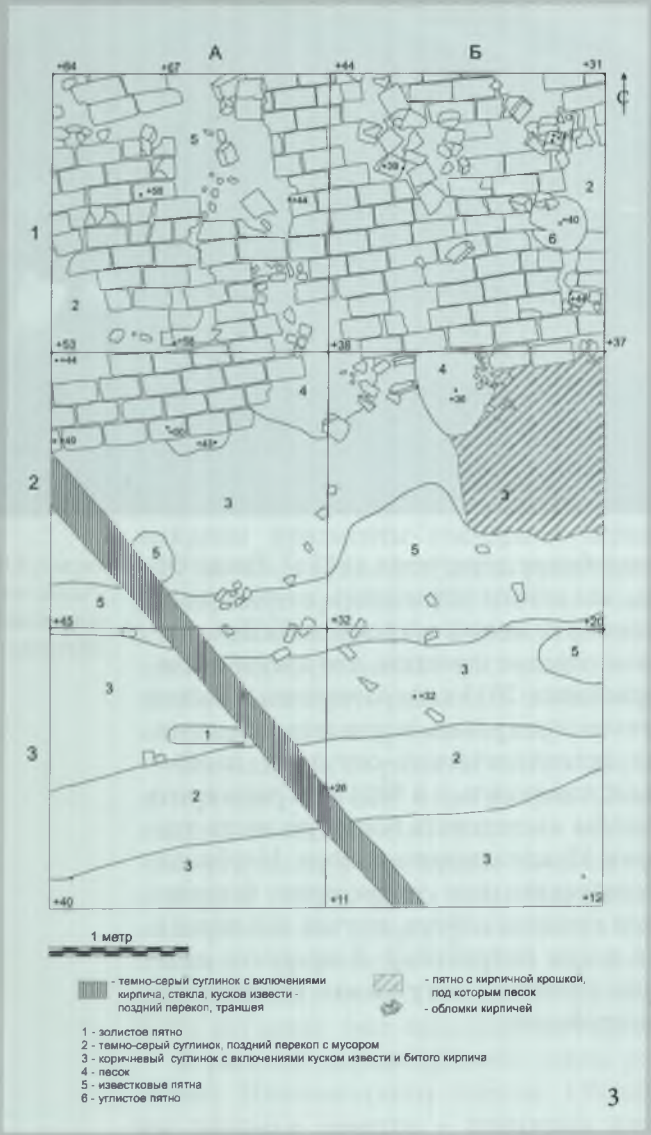
В колоде обнаружены останки женщины. Кости относительно хорошей сохранности находились в целом в анатомическом по-

Раскоп XIII-1. Расчистка погребений в материке

рядке, но отдельные кости сильно смещены и перевернуты. Череп целый, хорошей сохранности, лежал вертикально. Сопроводительного погребального инвентаря обнаружено не было. Лишь в области черепа на лобной поверхности обнаружены мелкие обломки слюды.

Исследователь погребальных сооружений средневековой Руси Т.Д. Панова отмечает, что деревянные колоды антропоморфной формы (имеющие сходство с человеческой фигурой) подобны белокаменным саркофагам и датируются XV–XVII вв. Они имели распространение в средневековых усыпальницах Москвы и Подмосковья. Самое позднее такое погребение датируется 1647 г.[5] Таким образом, мы можем определить возраст этого погребения не позднее середины XVII в.

В заключение отметим, что археологические раскопки 2013 г. не завершены. Раскоп был законсервирован, и для полного понимания археологической ситуации необходимо его завершить и в будущем расширить так, чтобы исследовать большую часть территории Николаевского собора. Необходимо исследовать всю территорию бывшего южного придела собора, изучив все находящиеся в нем погребения. В процессе дальнейших раскопок могут быть обнаружены еще погребения.

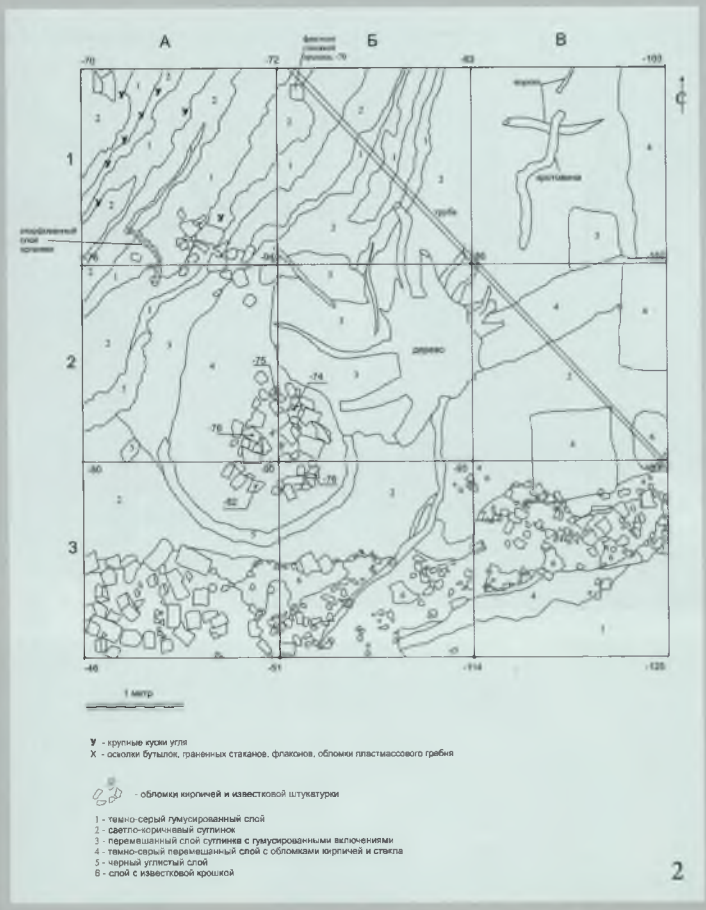


1. Раскоп XIII-1. Разбивка раскопа. Вид с севера.

2. Раскоп XIII-1. Фото участка 1-го слоя, квадраты 1, 2

3. Раскоп XIII-1. План зачистки 1-го слоя.

4. Студенты и преподаватели ЧГПУ и ЧГУ за работой



1. Раскоп XIII-2. Зачистка 2-го слоя. Вид с севера

2. Раскоп XIII-2. План зачистки 3-го слоя

3. Раскоп XIII-2. Зачистка 3-го слоя

Разбор слоя.
Ю.В. Гусаров,
Н.С. Березина и А.Ю. Березин
на XIII-2 раскопе.
Фото А.С. Шипилевского

Раскоп XIII-2.
Зачистка 4-го слоя

Раскоп XIII-2.
Расчистка плиты из цветных
цементов

Фото участка пола в здании Художественного музея,
расположенного по ул. К. Иванова, 4
(1911 г. постройки)

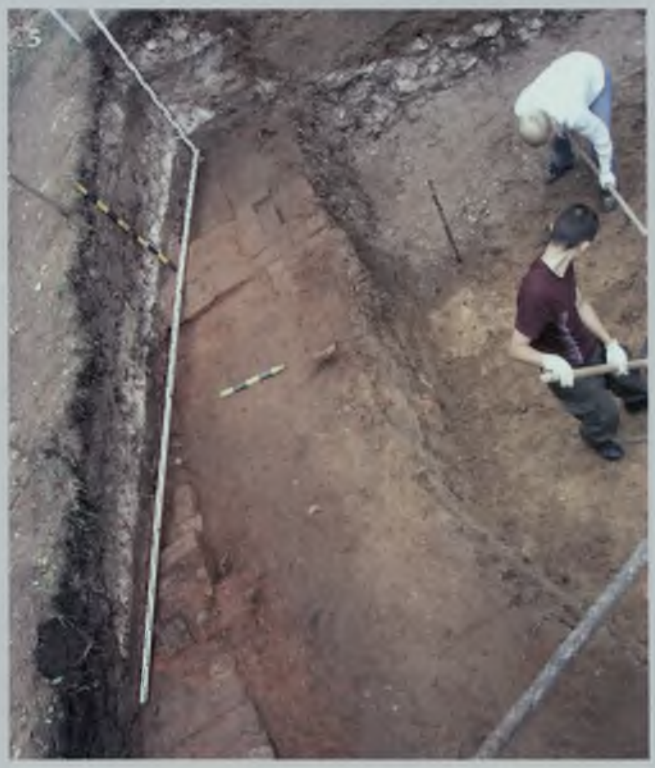
1. Раскоп XIII-2. Зачистка 5-го слоя

2. Раскоп XIII-2. Зачистка 7-го слоя

3. Раскоп XIII-2. Зачистка 8-го слоя

4. Раскоп XIII-2. Расчистка участка кирпичной кладки, квадрат В3

5. Раскоп XIII-2. Зачистка 8-го слоя, квадраты АБВ/3



1

3

2

4

5

1. Раскоп XIII-2. Зачистка 9-го слоя

2. Раскоп XIII-2. Зачистка 10-го слоя, квадраты АБВ/3

3. Раскоп XIII-2. Зачистка 10-го слоя. Вид с юга

4. Раскоп XIII-2. Зачистка 11-го слоя

5. Раскоп XIII-2. Зачистка 11-го слоя, квадраты АБВ/1,2. Вид с юго-востока

6. Раскоп XIII-2. План зачистки 12-го слоя

7. Раскоп XIII-2. Разрез плотного скопления в 11-ом слое, квадраты АБ/2

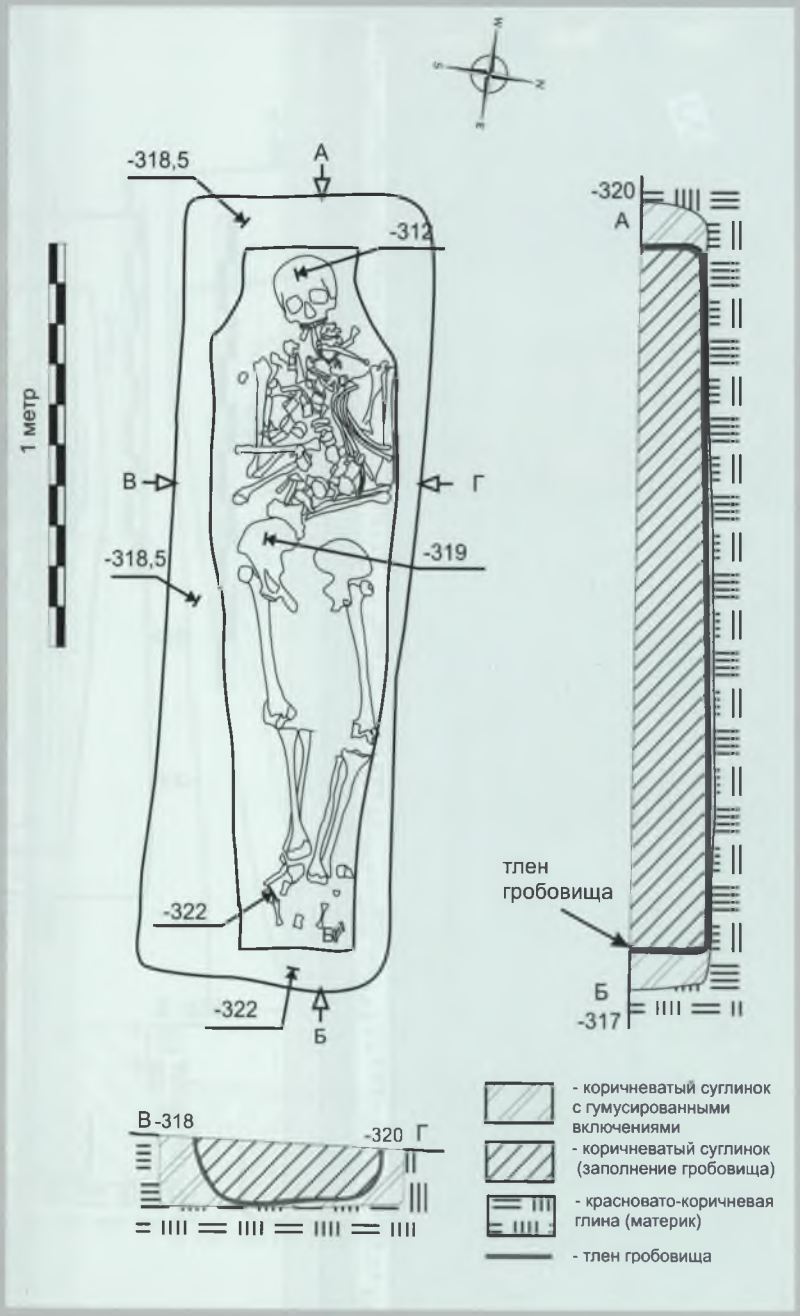
8. Раскоп XIII-2. Зачистка 12-го слоя, квадраты АБВ/1,2

9. Раскоп XIII-2. Зачистка 12-го слоя

Раскоп XIII-2.
Южная стенка раскопа

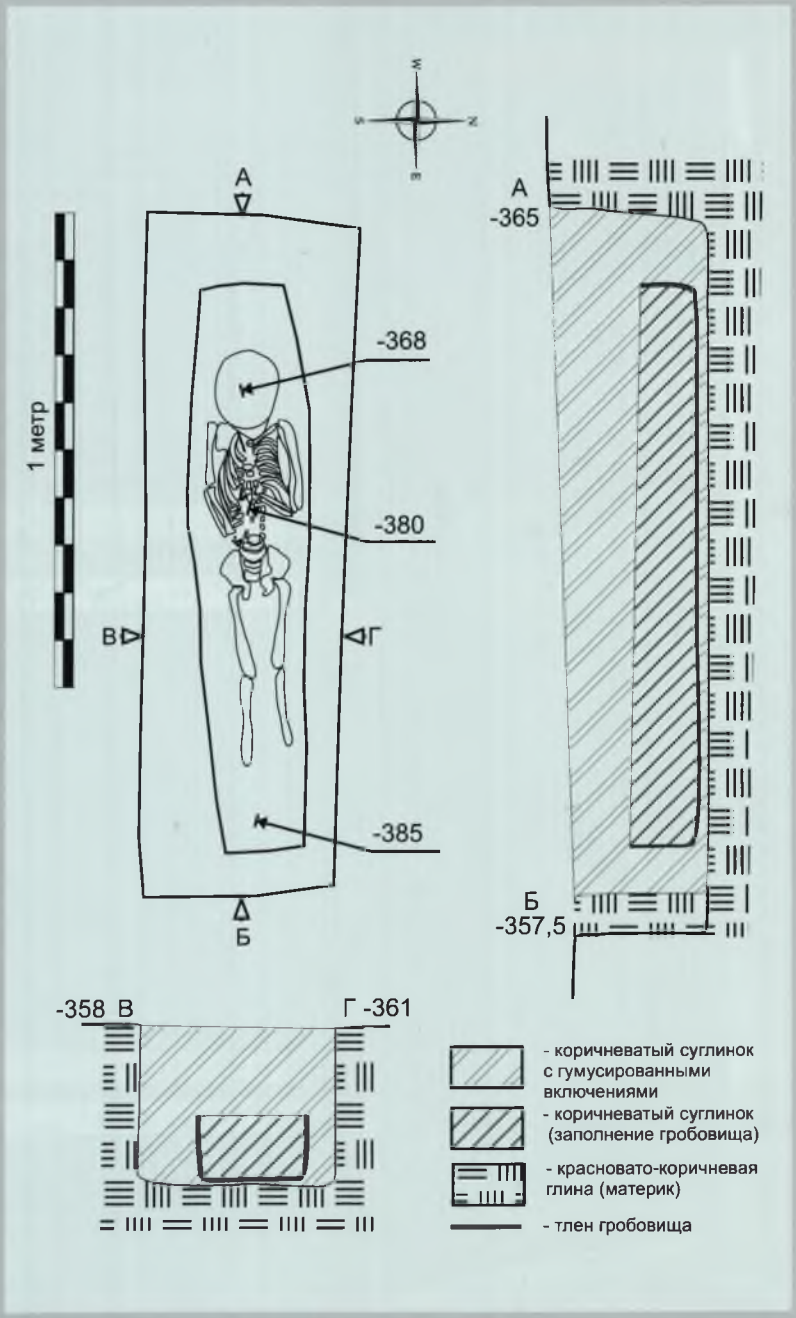
Раскоп XIII-2.
Погребение № 1:
А – на начальной стадии расчистки,
хорошо заметен тлен от гробовища;

Б – на средней стадии расчистки, видны камни, перекрывавшие погребение



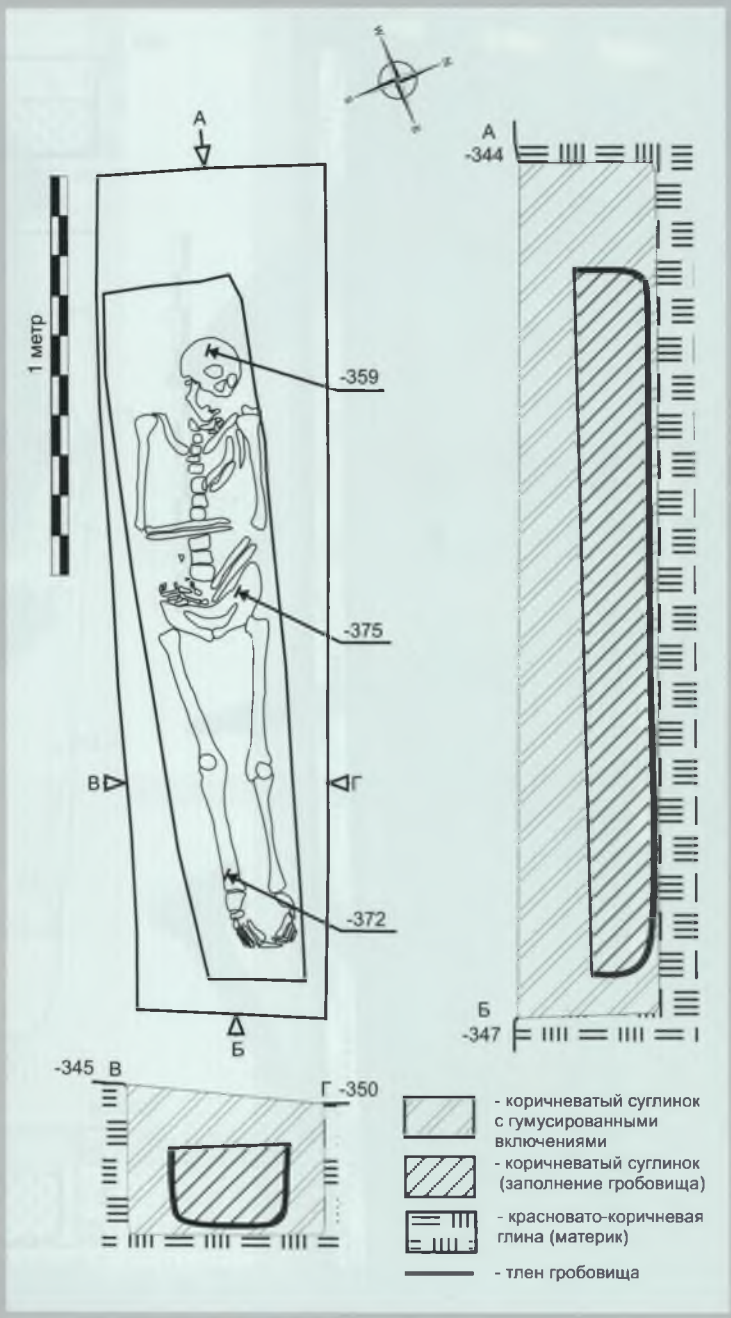
Погребение № 1 на финальной стадии расчистки, хорошо виден весь костяк

Раскоп XIII-2. План и профиль погребения № 1 с нивелировочными отметками



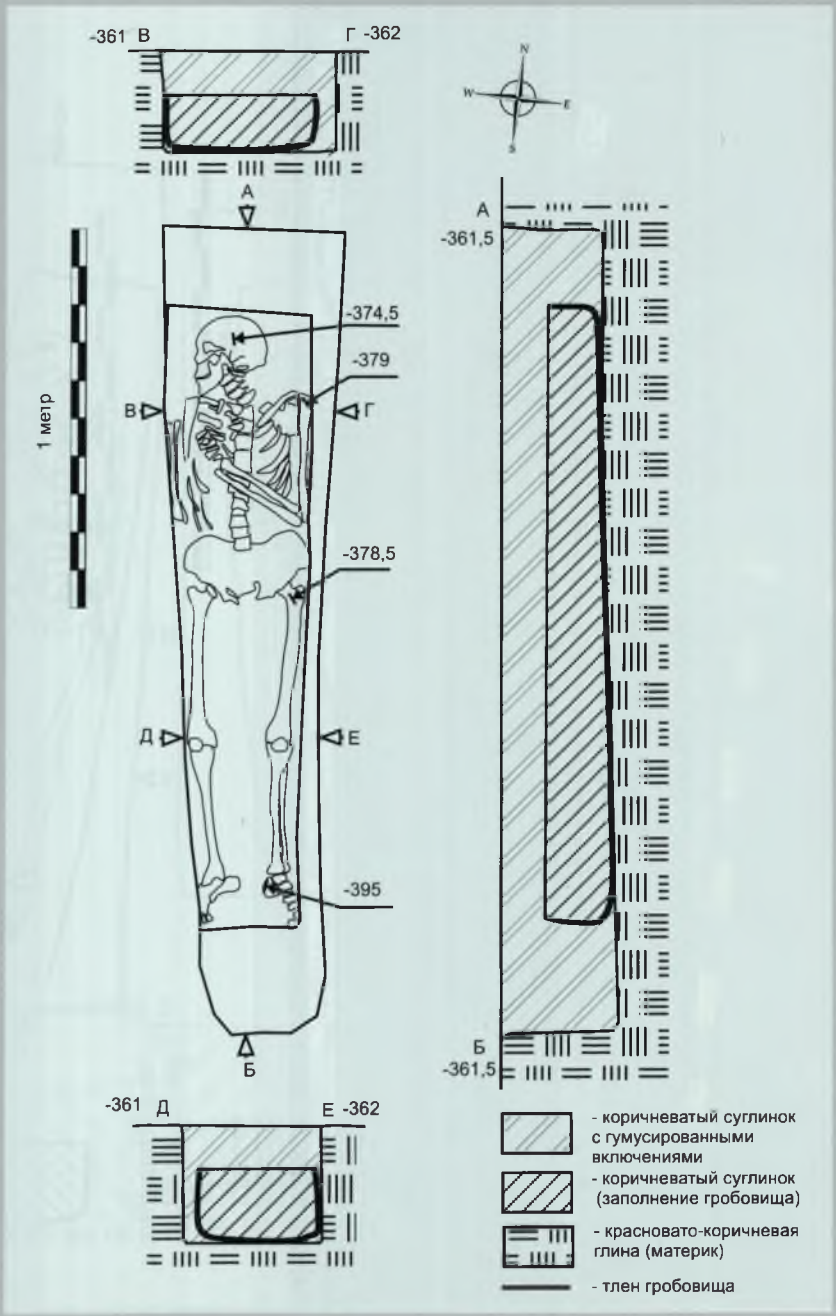
Раскоп XIII-2. Фото расчищенного погребения № 2

Раскоп XIII-2. План и профиль погребения № 2 с нивелировочными отметками



Раскоп XIII-2. Фото расчищенного погребения № 3

Раскоп XIII-2. План и профиль погребения № 3 с нивелировочными отметками



Раскоп XIII-2. Фото расчищенного погребения № 4

Раскоп XIII-2. План и профиль погребения № 4 с нивелировочными отметками

Фрагмент решетки,
выполненной в растительном орнаменте

Изделия из железа
1. Светец. 2. Замок. 3. Обувная подкова.
4 Железный стержень. Погребение № 1.
5. Строительные кованые гвозди.
6. Потолочный крюк
* Здесь и далее масштаб одного деления линейки – 1см

1

2

3

1. Фрагменты керамических глазурованных плиток, украшавших главы Николаевского собора

2. Фрагменты полихромных изразцов, побывавших в огне пожара. XVIII–XIX вв.

3. Полихромные изразцы

4, 5. Фрагменты терракотовых изразцов XVIII–XIX вв.

6. Фрагмент муравленного изразца XVII в., обгоревшего в пожаре

Фрагменты гончарной керамики. XVIII–XIX вв.
1. Гончарный чернолощеный сосуд.
2. Ручки сосудов.
3. Крышка горшка.
4. Фрагменты стенок сосудов с орнаментом

Фрагменты гончарной керамики XIV в.

Фрагменты гончарной керамики XVIII–XIX вв.

Фрагменты белоглиняной гончарной керамики, расписного стекла и стеклянных бутылок XVIII–XIX вв.

1

2

3

4

1, 4. Фрагменты венчиков и донцев гончарной керамики XVII–XIX вв.

2. Кирпич большемерный. XVII в.

3. Кирпич «плинфа». XIV в.

5. Фрагменты росписей по штукатурке Николаевского собора

6. Фрагменты изделий из слюды

Игральные кости
с просверленными отверстиями

Кости рыб, птиц
и млекопитающих
(лошадь, корова, собака, свинья)

С.В. Васильев, С.Б. Боруцкая, Н.В. Харламова, Н.И. Халдеева

2. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТАНКОВ ИЗ РАСКОПОК В ГОРОДЕ ЧЕБОКСАРЫ (ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО МАРИИ ШЕСТОВОЙ)

Нами исследовался скелет, находящийся на хранении в Свято-Троицком монастыре, который, по предположению археологов, принадлежит Марии Шестовой (бабушке по женской линии Михаила Романова). По ряду морфологических характеристик на черепе и посткраниальном скелете нами был сделан вывод о принадлежности его женщине.

Краниология

Череп имеет сравнительно неплохую сохранность. По облитерации (зарастании) швов на черепе можно дать индивидуальный биологический возраст индивида в интервале от 35 до 45 лет.

Исследование проводилось по двум программам: классической краниологической программе[1] и авторской краниотригонометрической программе Васильева С.В.[2] Результаты краниологического исследования представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Краниологические характеристики (в мм)

№	Признак	Размер
1	Продольнай диаметр	180
8	Поперечный диаметр	148
17	Высотный диаметр	130
5	Длина основания черепа	97
9	Наименьшая ширина лба	99
10	Наибольшая ширина лба	127
11	Ширина основания черепа	125
12	Ширина затылка	111
29	Лобная хорда	112
30	Теменная хорда	109
31	Затылочная хорда	100
26	Лобная дуга	126
27	Теменная дуга	124

№	Признак	Размер
28	Затылочная дуга	—
45	Скуловой диаметр	127
40	Длина основания лица	87
48	Верхняя высота лица	64
47	Полная высота лица	108
43	Верхняя ширина лица	104
46	Средняя ширина лица	87
55	Высота носа	52
54	Ширина носа	21,8
51	Ширина орбиты от мф.	40,3
52	Высота орбиты	34,5
77	Назо-молярный угол	146°
<zm	Зиго-максиллярный угол	130°
SC(57)	Симотическая ширина	7
	Симотическая высота	4,5
MC(50)	Максиллофронтальная штрина	22,3
MS	Максиллофронтальная высота	10,5
	Глубина клыковой ямки (справа)	4
	Высота изгиба скуловой кости (по Ву) (справа)	9,3
	Ширина скуловой кости (по Ву) (справа)	47
71a	Наименьшая ширина ветви	28
65	Мыщелковая ширина	121
66	Угловая ширина	100
67	Передняя ширина	41
69	Высота симфиза	27
69(1)	Высота тела	24
69(3)	Толщина тела	10

Таблица 2

Указатели краниофациальных характеристик

№	Признак	Размер
8/1	Черепной указатель	82,2
17/1	Высотно-продольный указатель	72,2

№	Признак	Размер
17/8	Высотно-поперечный указатель	87,8
29/26	Указатель кривизны лобной кости	88,9
30/27	Указатель кривизны теменной кости	87,9
9/8	Лобно-поперечный указатель	66,9
12/8	Затылочно-поперечный указатель	75,0
48/17	Вертикальный краниофациальный указатель	49,2
45/8	Поперечный краниофациальный указатель	85,8
9/45	Лобно-скуловой указатель	77,9
40/5	Указатель выступания лица	89,7
48/45	Верхний лицевой указатель	50,4
48/46	Верхний среднелицевой указатель	73,6
54/55	Носовой указатель	41,9
52/51	Орбитный указатель	85,6
	Симотический указатель	64,3
	Максиллофронтальный указатель	47,1

Описание мозговой коробки

Форма черепной коробки при взгляде сверху овоидная, то есть наибольшая ширина черепа падает на заднюю треть мозговой коробки. Довольно сильно развиты лобные, в меньшей степени теменные бугры. Череп может быть описан как укороченный и относительно широкий – брахикранный. Высотно-продольный указатель очень малый свидетельствует о ортокрании. В категорию тапейнокранных черепов попадает он по высотно-поперечному указателю. Оба показателя говорят об относительно невысоком черепе.

Лоб прямой и визуально довольно широкий. Абсолютные размеры наименьшей и наибольшей ширины лба входят в категорию больших. По лобно-поперечному указателю череп мезоземный (среднелобый). По достаточно низкому указателю кривизны лобной кости можно сделать вывод о довольно сильном ее изгибе. Развитие надпереносья оценивается в два балла по шестибалльной шкале Брока. Надбровные дуги (тип II) – надбровные дуги соединяются с глабелярной областью.

Теменные бугры расположены высоко. Относительно низкий указатель кривизны теменных костей говорит о большом радиусе изогнутости их. Сосцевидные отростки довольно небольшие для женщин, оцениваются баллом 1. Затылок широкий.

Описание лицевого скелета

Лицевая часть черепа среднеширокая и относительно невысокая, по верхнелицевому указателю – мезенная (показатель средней высоты лица). Назомолярный угол входит в категорию больших, то есть в верхней части лицо несколько уплощено. Зигомаксиллярный угол малый, что говорит о хорошей горизонтальной профилированности в средней части лица. Орбиты невысокие и относительно неширокие (мезоконхные). Верхний край орбиты заостренный. Надглазничные каналы замкнуты. В абсолютных размерах нос высокий и относительно узкий (лепторинный), тоже подтверждается и носовым указателем.

Симотический и максиллофронтальный указатели входят в категорию больших и очень больших, что говорит о значительной высоте переносья. Зигомаксиллярная область узкая, грацильная. Нижний край грушевидного отверстия – anthropina, то есть боковые края грушевидного от верстия непосредственно переходят в нижний край, имеющий острую форму. Развитие передненосовой ости оценивается баллом 2.

Угловая морфометрия черепа (краниотригонометрия)

Краниотригонометрические исследования в антропологии берут начало в XIX столетии с работ Лиссауера[3] и Топинара[4]. В XX в. антропологами Клаачем[5], Имбеллони[6] и Фритотом[7] эти исследования совершенствуются и даже создаются программы краниотригонометрических признаков. Под термином «краниотригонометрия» понималось изучение сагиттальной проекции черепа с помощью угловых величин. В отечественной науке использование методик, базирующихся на измерениях в сагиттальной проекции черепа, связано с именами В.В. Бунака[8], И.И. Гохмана[9], М.И. Урысона[10], Ю.Д. Беневоленской[11], И.М. Пинчуковой[12].

Несмотря на разработанность целой программы угловых признаков в сагиттальном контуре черепа, ряд исследователей делал вполне успешные попытки изучать угловые размеры независимо от сагиттальной плоскости[13]. В основном эти работы были связаны с исследованием угловых размеров лицевого скелета черепа. Поскольку именно угловые размеры для решения антропологических задач, вероятно, являются наиболее показательными в силу их малой трансгрессивности, назрела необходимость создания новой краниотригонометрической программы, необязательно связанной с сагиттальной плоскостью. Логичней было бы разделить такую программу на две части: лицевой скелет и мозговую коробку.

Исследование краниотригонометрии сунгирских останков[14] позволило нам предположить, что угловые признаки могут быть использованы для определения родства. Нами было убедительно доказано родство между двумя захороненными детьми в Сунгире по формообразующим характеристикам черепа, затем это было подтверждено при исследовании ДНК из костных останков этих индивидов.

К сожалению, применение данного метода в палеоантропологии исторического времени пока невелико. Существует единственная работа по угловой морфометрии черепов членов семьи императора Николая II и близкой прислуги[15]. Однако даже здесь метод позволил нам доказать близкородственные связи по формообразующим параметрам черепа между членами семьи Романовых.

Для сравнения исследуемого индивида на предмет родства с ближайшими родственниками мы взяли собственные неопубликованные данные по краниотригонометрии дочери Михаила Романова – царевны Татьяны Михайловны Романовой.

Таблица 3

Краниотригонометрические характеристики в градусах

Угол	Значение угла в градусах	
	Предполагаемая Мария Шестова (?)	Татьяна Романова
Мозговая коробка		
ast-l-ast	82	82
l-ast(пр)-ast(лев)	49	49

l-ast(лев)-ast(пр)	49	49
au-b-au	58	65
b-au(пр)-au(лев)	61	57
b-au(лев)-au(пр)	61	58
au-ba-au	156	160
ba-au(пр)-au(лев)	12	10
ba-au(лев)-au(пр)	12	10
b-au-l	52	54
l-b-au	59	62
b-l-au	69	64
n-au-b	55	54
n-b-au	55	56
au-n-b	70	70
g-au-b	53	50
g-b-au	56	60
au-g-b	71	70
ast-n-ast	45	45
n-ast(пр)-ast(л)	68	67
n-ast(л)-ast(пр)	67	68
n-l-b	39	37
b-n-l	38	38
n-b-l	103	105
ast-b-l	38	41
ast-l-b	88	80
b-ast-l	54	59
n-b-ba	47	50
ba-n-b	77	71
n-ba-b	56	59
ba-l-b	71	66
b-ba-l	52	50
ba-b-l	57	54
Лицевой скелет		
go-gn-go	76	73
gn-go(пр)-go(л)	53	53
gn-go(л)-go(пр)	51	54
zm-n-zm	77	86

Угол	Значение угла в градусах	
	Предполагаемая Мария Шестова (?)	Татьяна Романова
n-zm(пр)-zm(л)	52	46
n-zm(л)-zm(пр)	52	48
zm-pr-infor	37	34
pr-infor-zm	87	88
pr-zm-infor	56	58
zm-pr-zm	115	119
pr-zm(пр)-zm(л)	32	31
pr-zm(л)-zm(пр)	33	30
zm-n-fmt	42	43
n-fmt-zm	86	82
n-zm-fmt	52	55
zm-nl-fmt	55	49
nl-fmt-zm	39	39
nl-zm-fmt	86	92
zm-nl-infor	40	53
nl-infor-zm	124	95
nl-zm-infor	16	32
fmt-zm-infor	55	58
zm-infor-fmt	84	80
zm-fmt-infor	41	42
fmt-n-infor	44	45
n-infor-fmt	89	90
n-fmt-infor	47	45
ns-n-nl	15	19
n-nl-ns	118	101
n-ns-nl	47	60
mf-fmo-infor	50	40
mf-infor-fmo	80	77
fmo-mf-infor	50	63
fmt-pr-fmt	80	81
pr-fmt(пр)-fmt(л)	49	49
pr-fmt(л)-fmt(пр)	51	50

Угловые параметры различных плоскостей черепа позволяют нам судить об относительности тех или иных размеров, т.е. описывают не столько размеры черепа и его частей, сколько его формообразующие элементы, трудно поддающиеся сравнению на черепах разной величины.

Тригонометрия мозговой коробки

Описывая угловые параметры мозговой коробки, мы видим из таблицы 3, что обе женщины сходны по 11 угловым характеристикам. Очевидно, что у двух индивидов треугольник ast-l-ast практически совпадает. Нет различий и в треугольнике ast-n-ast, то есть общая форма развернутости затылочной кости (ширина затылочной кости и высота чешуи) у них относительно сходна. В поперечном сечении черепа имеют небольшие отличия друг от друга. Развернутость и кривизна лобной кости также практически идентична у этих двух индивидов, что следует из практически одинаковых углов треугольника naub. Из таблицы также видно, что имеется четкая схожесть углов b-n-l в сагиттальной плоскости у черепов, а остальные два угла треугольника различаются не более чем на два градуса. Таким образом, конфигурация расположения точек назион, брегма и лямбда относительно сагиттальной плоскости у этих двух женщин одинакова.

Следовательно, основываясь на угловых параметрах мозговой коробки, можно с некоторой осторожностью говорить о родстве этих двух женщин. У них около 30 % одинаковых формообразующих параметров мозговой коробки.

Тригонометрия лицевого скелета

Исследование угловых морфометрических характеристик показало, что индивиды сходны по 11 угловым параметрам, причем практически идентичны два треугольника fmt-pr-fmt и n-fmt-infor. То есть они сходны по относительной форме верхней части лица и степени развернутости орбиты. Об одинаковой форме зигомаксиллярной области говорят углы zm-fmt-infor, nl-fmt-zm и pr-infor-zm. Практически идентичный угол у обеих женщин zm-n-fmt обусловлен относительно одинаковой высотой скуловой кости.

Таким образом, сравниваемые женщины, скорее всего, являются родственниками. У них наблюдается сходство по 11 угловым морфометрическим характеристикам лицевого скелета (около 30 %). Сходство в основном связано с формой зигомаксиллярной области лица.

Одонтология

Исследованный череп с нижней челюстью принадлежит женщине 30–40 лет. Определение возраста по стертости зубов – методика П. Брока в системе М.М. Герасимова, в модификации А.А. Зубова[16].

Описание проводилось по общепринятой в отечественной одонтологии программе А.А. Зубова[17].

Присутствуют, прорезались все зубы за исключением нижних третьих моляров (M_3 s, d) справа и слева (рис. 1, 2). Рентген нижней челюсти мог бы подтвердить предполагаемую гиподонтию – врожденное отсутствие зубов, в данном случае третьих нижних моляров. Проявления гиподонтии – современная черта. Альвеолы нижнего второго (латерального) резца (I_2s) и нижнего левого клыка (Cs) были заполнены землей, зубы находились отдельно. Предполагается их посмертное выпадение.

Прикус – прогения (PG) по Р. Мартину, нижний ряд зубов (от правого до левого клыка) выступает по отношению к верхнему (рис. 3). Форма альвеолярной дуги нижней и верхней челюсти – параболоидная.

На нижней челюсти наблюдается спейсинг (увеличенное расстояние между зубами) между передними зубами (C s-I_2 s-I_1s-I_1 d-I_2 d-Cd), включая филогенетическую диастему – между клыками и первыми премолярами.

Условные обозначения
s – sinister (лат.) – левый
d – dexter (лат.) – правый
maxilla (лат.) – верхняя челюсть
mandibular (лат.) – нижняя челюсть

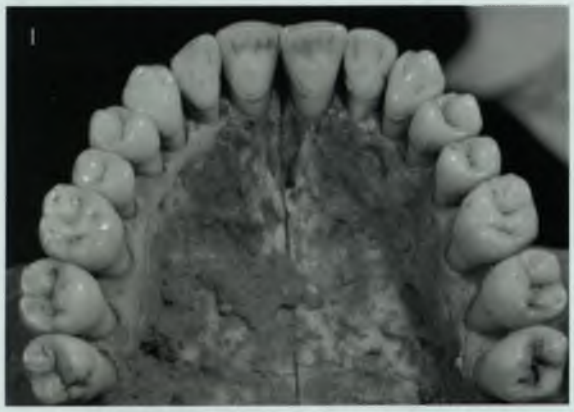


Рис. 1. Зубы верхней челюсти. Окклюзионная норма

Рис. 2. Зубы нижней челюсти. Окклюзионная норма

Рис. 3. Прикус. Фронтальная норма

Рис. 4. Патология прорезывания нижнего первого левого премоляра. Костный карман под кариозным зубом M_{2S}

Нижний левый первый премоляр (P_1s) не смыкается с зубами верхней челюсти (рис. 4), что позволяет предположить задержку в его прорезывании.

Стертость больше отмечается справа.

Локализация foramen mentale (подбородочного отверстия): с левой стороны – под P_1s справа – между P_1d и P_2d является характерной для современного населения. Мы не можем оценить ретромолярное пространство (пространство между третьим коренным зубом и восходящей ветвью нижней челюсти, наличие которого рассматривается как архаичный признак), т.к. третьи нижние моляры не прорезались, но между вторыми молярами и восходящей ветвью нижней челюсти пространства практически нет. Под архаичными признаками здесь и далее понимаются исторически более древние одонтологические признаки, наблюдаемые уже в древних популяциях и подверженные эпохальной изменчивости.

Верхняя челюсть

Резцы. Не редуцированные. Лингвальный бугорок первых резцов – балл 1 – округлое вздутие, вторых – балл 0.

Форма вестибулярной поверхности резцов по Уильямсу: первых (центральных) – треугольная, вторых (латеральных) – треугольная.

Форма лингвальной поверхности резцов (лопатообразная форма резцов) – хорошо выраженные краевые гребни на медиальных и латеральных резцах – балл 2. На медиальных резцах краевые гребни доходят до середины коронки, т.к. половину коронки занимает плоский лингвальный бугорок. Такая форма лингвальной поверхности рассматривается как архаичный признак.

Кроме того, на лингвальной поверхности центральных резцов видно несколько центральных гребней.

На вторых резцах – коронорадикулярная борозда, с мезиальной стороны – на левом, с дистальной – на правом.

Клыки. Ребра образуют тупой угол, выделяются мезо- и дистостили, на лингвальной поверхности – краевые гребни, балл 2, оканчивающиеся на середине коронки, упираясь в лингвальный бугорок.

Премоляры. Форма – тип 2, вестибулярный бугорок несколько больше лингвального. На первом выделяется мезостиль. Вторые меньше первых по вестибуло-лингвальному диаметру, более округлые.

Моляры. Соотношение размеров $M^1 > M^2 > M^3$. Форма по Дальбергу 4, 3+,3+. Дистальный маргинальный бугорок зафиксирован на левом M^1, правом и левом M^2. Редукция метаконуса (Me) – баллы 1, 2, 2–3 на первом, втором и третьем молярах соответственно. Бугорок Карабелли – балл 1 – встретился только на первых верхних молярах, на вторых и третьих признак отсутствует – балл 0. Косой гребень присутствует на первых верхних молярах, на вторых он пересечен, на третьих отсутствует. Затек эмали: 4; 5–6; 5–6. Четвертый (эволюционно самый молодой) бугорок верхних моляров – гипоконус Ну – ниже уровня окклюзивной поверхности остальных бугорков (параконуса, метаконуса, простоконуса), что рассматривается как архаичный признак.

Из-за стертости форму борозды 1pa удалось оценить только на верхнем втором правом моляре – 2.

Нижняя челюсть

Резцы. Треугольной формы, высокие коронки, концы корней загнуты.

Клыки. Ребра образуют тупой угол, выделяются дисто- и мезостилиды (архаическая черта), на лингвальной поверхности – краевые гребни, балл 2, оканчивающиеся на середине коронки, упираясь в лингвальный бугорок.

Премоляры. У первых – ассимметричная форма коронки со скошенным мезиально-лингвальным углом и выступом в дистальном направлении. В результате легкой, но заметной асимметрии коронок (архаичный признак) контуры первых близки к треугольной форме, напоминают первый молочный моляр. Степень дифференциации – балл 4. Выпуклость вестибулярной поверхности выражена умеренно – балл 2 (оценка по шкале: Зубов, 2006, с. 59).

Вторые – ближе к квадратной форме; дифференциация – балл 5–6, отражает тенденцию к моляризации (сходство морфологии зубов другого класса с молярами), рассматриваемой как архаичный признак. Выпуклость вестибулярной поверхности вторых нижних премоляров – балл 3, усиление выпуклости – архаический признак, так же как и наблюдаемый наклон вершины вестибулярного бугорка к центру.

Моляры. Межбугорковые борозды умеренной глубины, тенденция к усилению складчатости и гребнеобразования (архаичные черты).

Первые: форма коронки близка к прямоугольной с выступанием дистального отдела за счет гипоконулида (hld – пятого, дистального бугорка), который слегка смещен вестибулярно. Все углы коронки скошены. На первых молярах из-за стертости сложно определить форму контакта бугорков, поскольку мезиальный гребень end переходит в главный гребень протоконида (prd), предполагается – контакт X (современный признак). Количество бугорков – 5. Талонид больше тригонида – современная черта для первых моляров (для правого моляра 9,5 vs 9,7, для левого 9,3 vs 9,5).

На левом первом моляре – по краю лингвальных бугорков (метаконида med и энтоконида end) проходит краевой гребень, соединяющийся с мезиальным краевым гребнем (древняя черта). На end выделяются три гребня – мезиальный, главный и дистальный. В центре коронки левого моляра

со стороны гипоконида (hyd) – tuberculum centrale (центральный бугорок) – архаичная черта. На первом правом – гребень между prd и hyd.

Стертость не позволяет с уверенностью говорить о наличии на первом правом моляре дистального гребня тригонида. На остальных зубах он отсутствует, как и эпикристид, и tami и коленчатая складки метаконида. На первых нижних молярах присутствует ямка протостилида.

Формы борозд на M_1d: 2end(III), 2 prd(fc); на M_1s: 2end(fc), 1 end (IV), форму борозды 2 med удалось определить только на нижнем первом левом моляре – III.

Вторые моляры: предполагаемый на вторых молярах контакт и количество бугорков – X 4. Коронка слегка вытянута в мезио-дистальном направлении, со скошенными углами – тенденция к бочковидной форме. Ни ямки, ни самого протостилида нет. Эпикристид отсутствует, хотя на вторых молярах – явное возвышение на бугорках тригонида, пересекаемое бороздой. Такая морфология согласуется с наличием в мезиальном отделе на этих зубах точечных передних ямок обычной морфологии, отсутствующих на первых нижних молярах. На оставшемся дистальном участке end левого второго нижнего моляра – элементы fossa posterior – задней ямки. Талонид больше тригонида – архаичная черта для вторых моляров (для правого – 9,3 vs 9,4).

Затек эмали на первых и вторых молярах: 4 и 5 соответственно.

Размеры

Размерные характеристики зубов – вестибуло-лингвальный (VL) и мезио-дистальный (MD) диаметры представлены в таблице 4. Размеры моляров попадают в категории от очень маленьких до средних, характерные для современного человека. Все вычисленные на основе данных таблицы 4 индексы коронок моляров и степиндексы[18] также укладываются в пределы вариаций современного человека.

In (3) $M^в$(MD) = 98,9; In (3) $M^в$(VL) = 101,1; In cor M^1 = 114,3; In cor M^2 = 117,8; In cor M^1 = 87,1; In cor M^2 = 87,7.

Таблица 4

Вестибуло-лингвальный (VL) и мезио-дистальный (MD) диаметры зубов

Обозначения зубов	maxilla				mandibula			
	dexter		sinister		dexter		sinister	
	VL	MD	VL	MD	VL	MD	VL	MD
I1	6,8	8,2	6,6	8,3	*	4,7	*	5,1
I2	5,9	6,3	5,7	6,5	*	5,8	5,5	5,5
C	7,5	7,0	7,4	7,0	7,1	6,4	6,7	6,3
P1	8,6	6,9	8,6	7,0	7,1	7,5	6,8	7,5
P2	7,8	6,2	8,1	6,3	7,8	7,2	7,4	6,5
M1	10,4	9,1	10,3	9,2	9,7	10,9	9,5	10,8
M2	10,6	9,0	10,3	9,3	9,4	10,6	9,3	10,3
M3	9,8	8,6	10,2	9,6	-	-	-	-

* Размеры не брались из-за отложений зубного камня. Резцы измерялись изолированно, остальные зубы – в челюсти.

Патологии зубной системы

Сильное выступание корней всего ряда передних зубов на нижней челюсти может рассматриваться как проявление пародонтита – воспаления пародонта (комплекса тканей, удерживающих зуб в альвеоле).

Изменение окраски коронки нижних резцов, в особенности латеральных (в верхней трети), может быть следствием флюороза. Это эндемическое или профессиональное хроническое заболевание, которое развивается при длительном избыточном поступлении фтора в организм, как правило с водой. Проявляется на зубах в изменении цвета эмали: она теряет прозрачность, приобретает матовость, и на её поверхности появляются пятна, вначале молочно-белого, а затем и желто-коричневого цвета. На коронке всех верхних моляров и вторых нижних молярах отмечается потемнение эмали – через желтый до светло-бурого цвета, которое тоже может быть вызвано флюорозом. Корни левого нижнего второго резца и левого нижнего клыка – красно-бурого цвета.

Сколы: на стыке верхних первого и второго резцов, нижний первый правый резец I_1d на режущей поверхности, нижний правый клык, внутренняя поверхность end M_1d.

Гипоплазия. Здесь рассматривается как недоразвитие именно эмали зуба, возникает при нарушении метаболических процессов при формировании зубов под влиянием нарушения минерального и белкового обмена в организме плода или ребенка. Такое недоразвитие эмали необратимо. Фиксируется на резцах: верхних – медиальных – в возрасте 4, 5 лет, латеральных – 4 лет; нижних – латеральных – 5 лет; верхних клыках – 5 лет, нижних – 4–6. Оценка возраста проявления гипоплазии дается по схеме окостенения постоянных зубов Н.В. Алтухова.

Фиксируются отложения зубного камня. Сильное – снаружи и изнутри на зубах нижней челюсти (поддесневой зубной камень), на окклюзивной поверхности P_1s.

Кариес: глубокий на M_2s, с разрушением эмали на всей поверхности энтоконида (end), проникновением в пульпарную полость и, возможно, в корневую. Образование большого костного кармана (рис. 4) подразумевает далеко зашедший пародонтит с возможным переходом воспалительного процесса в периодонтальую область (комплекс тканей, находящихся в пространстве между цементом корня зуба и альвеолой). На этом же зубе – кариес на мезиальной, контактной с впереди стоящим зубом поверхности. Пришеечный кариес с вестибулярной стороны на корнях правых моляров нижней челюсти (рис. 5). Окклюзивный фиссурный кариес на M^3s (рис. 1).

Рис. 5. Пришеечный кариес на нижних молярах

В заключение стоит отметить, что на зубах исследованного индивида фиксируются современные и архаичные одонтологические особенности (специфическая форма лопатообразности, филогенетическая диастема и т.д.). Как было показано ранее проведенными исследованиями[19], примерно к рубежу XVI–XVIII вв. начинается более динамичное проявление процессов редукционного характера и постепенное ослабление влияния архаичных признаков, постепенное уменьшение частоты их появления в изучаемых одонтологических комплексах, что к XVIII в. и далее становится основной тенденцией одонтологических процессов современности. Наблюдаемая морфология вполне согласуется с предполагаемой датировкой находки – XVI–XVII вв.

Сравнительный одонтологический анализ

Описание строения зубов Татьяны Михайловны Романовой

Верхняя челюсть. Сохранились с правой стороны верхней челюсти: второй/латеральный верхний резец (I^2), верхний клык(C), первый верхний премоляр (P^1), первый верхний моляр (M^1). С левой стороны верхней челюсти сохранились: первый/центральный/медиальный верхний резец (I^1), верхний левый клык (C), второй верхний левый премоляр (P^2), третий верхний моляр/зуб мудрости (M^3). *Потеряны при жизни:* правые верхние второй и третий моляры (M^2, M^3) и левые первый и второй верхние моляры (M^1, M^2) задолго до кончины, т.к. альвеолярные ячейки полностью облитерированы. *Потеряны посмертно:* первый верхний правый резец (I^1), правый верхний второй премоляр (P^2), второй левый верхний резец (I^2) и второй левый верхний премоляр (P^2).

Режущий край верхних резцов (левого I^1 и правого I^2) стерт до появления широкой полосы дентина. На первом левом центральном резце (I^1) два боковых гребня лингвальной поверхности окаймляют коронку с переходом на режущий край, заканчиваясь примерно на уровне $^1/_2$ высоты коронки зуба в области лингвального бугорка, представленного в виде невысокого эмалевого возвышения. От области эмалевого возвышения начинается главный гребень, проходящий в центре лингвальной поверхности коронки почти до режущего края, постепенно истончаясь. Параллельно главному гребню проходят два дополнительных гребня (мезиальный и дистальный) меньшего размера, постепенно полностью истончаясь недалеко от режущего края. Форма коронки подтреугольная. Прикус – лабидодонтный/прямой/губной(?). Балл лопатообразной формы лингвальной поверхности на первом центральном левом резце,

С.Б. Боруцкая и С.В. Васильев во время исследования костных останков в 2014 г.

скорее всего, не менее 1 (ближе к баллу 2), окончательная диагностика затруднена стертостью. Второй/латеральный правый резец (I^2) имеет подтреугольную форму, тип лопатообразности аналогичен описанному для левого I^1, соответствует баллу 1, в области лингвального бугорка, представленного в виде плосковатого эмалевого возвышения, проходят два относительно широких и плоских гребня, истончающихся примерно к центру лингвальной поверхности зуба. Коронки обоих верхних первых правого и левого премоляров в высокой степени стерты, линия стертости близка к эмалево-цементной границе. В меньшей степени этот процесс затронул левый верхний клык, на котором фиксируется тонкая полоса стертости по линии режущего края. Ниже линии стертости находится темный участок лингвальной поверхности со сколотой эмалью, видимо, пораженный кариесом. Первый правый верхний моляр (M^1) имеет четырехбугорковую, близкую к квадратной форму, гипконус не редуцирован (тип 4), метаконус не редуцирован (балл 1), его вестибуло-дистальный угол не скошен. На оставшейся третьего левого верхнего моляра (M^3) можно предположить тип 3+ редукции гипоконуса (Ну) и некоторую вестибуло-лингвальную скошенность начавшего редуцироваться метаконуса (балл 2; Зубов, 1968, с. 160). Силовой акцент стертости эмали на окклюзивной поверхности правого М1 приходится на область бассейна I–III межбугорковых фиссур. Большая часть поверхности параконуса (Ра), метаконуса и области центральной ямки на левом M^3 представляет заметное углубление с частично сколотым поверхностным слоем эмали, в качестве причин которого можно предположить начальную стертость и последующий межфиссурный кариес, локализованный в одной из зон наибольшего риска его развития[20]. По степени стертости на всех сохранившихся в челюсти зубов возраст ПН-52 определяется 45/50+[21].

На нижней челюсти с правой стороны сохранились первый/медиальный и второй/латеральный резцы (I_1 и I_2), нижний правый клык (С), первый нижний премоляр (P_1), на месте второго нижнего премоляра можно предположить сохранение/персистенцию второго молочного моляра (m_2), оставшегося от молочного прикуса (окончательная диагностика затруднена стертостью). С левой стороны нижней челюсти сохранились нижний клык (с), первый и второй нижние левые премоляры (P_1 и P_2). На втором левом премоляре отмечается высокая степень моляризации, судя по контуру коронки и оставшемуся лингвальному фрагменту.

Лингвальная поверхность обоих правых резцов гладкая, заметно вогнутая, с предельно слабо намеченными боковыми гребнями. Режущий край слегка направлен в лингвальную сторону и слабо стерт до появления тонкой полосы дентина. Форма лингвальной поверхности коронок резцов подобна вытянутому треугольнику. Второй нижний резец выдвинут несколько лингвально по отношению к первому резцу, что приводит к появлению краудинга или смещенному положению зуба относительно других зубов и всего зубного ряда. На нижнем правом клыке в центре лингвальной поверхности находятся главный гребень и плоско приподнятые эмалевые возвышения как одна из форм лингвального бугорка. Нижние I_2-С-P_1 располагаются в челюсти свободно, между ними обнаружены промежутки, особенно заметные с правой стороны и известные как тремы, или спейсинг.

Совпадающие особенности строения на зубах верхней челюсти у предполагаемой Марии Шестовой и Татьяны Михайловны Романовой

1. Треугольная форма коронок центральных резцов (I^1);

2. В высокой степени сходная фенотипическая форма лопатообразности (см. описание), включая количество гребней на лингвальной поверхности и формы линг-

Череп из погребения № 1. Фото А.С. Шипилевского. 2013 г.

вального бугорка в виде плоского эмалевого возвышения;

3. Форма правого верхнего моляра (М3) с некоторой скошенностью вестибуло-лингвального угла метаконуса, его заметной редукцией (балл 3), редукцией гипоконуса (тип 3+); дробление в области гипоконуса и краевого дистального гребня; наличие дистального маргинального бугорка; глубокий кариес в точке контакта и бассейне всех межбугорковых фиссур окклюзивной поверхности коронки этого зуба;

Совпадающие особенности строения на зубах нижней челюсти у предполагаемой Марии Шестовой и Татьяны Михайловны Романовой

1. Краудинг (crowding), или смещение одного зуба по отношению к другому в лингвальном или вестибулярном направлении. У Татьяны Михайловны отмечается краудинг нижнего правого латерального резца, у Марии Шестовой – легкий краудинг нижнего клыка.

2. Свободное расположение всех передних зубов в челюсти с промежутками между ними, включая клыки. Кроме первых резцов у Т.М. Романовой из-за их отсутствия с левой стороны;

3. Наклон режущего края центральных нижних резцов в лингвальную сторону;

Остеология

Скелет имел довольно хорошую сохранность, небольшое количество костей было фрагментарным. Нам удалось провести полноценное измерение скелета, рассчитать индексы пропорций тела и конечностей, прочности костей и степени укрепленности отдельных участков длинных костей рук и ног. Кроме того, мы рассчитали прижизненную длину тела индивида, провели остеоскопическое и палеопатологическое исследование скелета.

Определение биологического возраста мы проводили по некоторым показателям морфологического развития посткраниального скелета, по степени облитерации швов черепа и по степени стертости зубов[22]. В случае фрагментарности костей их исходная длина рассчитывалась по формулам Н.Н. Мамоновой[23].

По состоянию ушковидных и симфизиальных поверхностей тазовых костей, суставов и позвонков можно сделать заключение о биологическом возрасте на момент смерти – 40–45 лет.

В таблице 5 представлены результаты измерения длин некоторых костей конечностей.

Таблица 5

Результаты измерений длин костей конечностей (основной бланк) (в мм)

Кость	правая	левая
Ключица		
1. Наибольшая длина	127	128
Плечевая кость		
1.Наибольшая длина	290	286
2. Вся длина	285	281

Лучевая кость		
1. Наибольшая длина	210	210,5
Локтевая кость		
1. Наибольшая длина	229,5	227,5
2. Физиологическая длина	201	200
Бедренная кость		
1. Наибольшая длина	402	399
2. Длина в естественном положении	400	397
Большеберцовая кость		
1. Наибольшая длина	329	334
2. Полная длина	326	329

По результатам измерений скелета были рассчитаны следующие варианты индексов: индексы пропорций конечностей, индексы массивности и степени укрепленности костей, некоторые показатели таза и плеч, рассчитана прижизненная длина тела, определены и некоторые другие показатели телосложения и размеров частей тела. Для сравнительного анализа были привлечены данные по размаху вариаций значений индексов и градаций индексов для современного человека из работ Е.Н. Хрисанфовой[24], Я.Я. Рогинского и М.Г. Левина[25], В.П. Алексеева[26]. Индексы пропорций конечностей приведены в таблице 6.

Таблица 6

Индексы пропорций конечностей, показателей таза и плеч, прижизненная длина тела

Индекс	Правая сторона	Левая сторона
Интермембральный индекс	68,87	68,39
Плече-бедренный индекс	72,50	72,04
Луче-большеберцовый индекс	64,42	63,98
Луче-плечевой индекс	72,41	73,60
Берцово-бедренный индекс	81,50	82,87
Ключично-плечевой индекс (1/2)	44,56	45,55
Ширина плеч (см)	30,8 (см)	
Плече-ростовой индекс	20,10	
Ширина таза (см)	26,0 (см)	
Тазовый индекс (1/2)	75,77	
Тазо-ростовой индекс	16,97	
Тазо-плечевой индекс	84,42	
Индекс степени изогнутости крестца (2/1)	88,28	
Прижизненная длина тела	153,2 (см)	

Пропорции конечностей

Интермембральный индекс по величине оказался ниже среднего, что соответствует относительно укороченным верхним конечностям. При этом плече-бедренный индекс оказался довольно велик и соответствует относительно удлиненным плечевым отделам верхних конечностей относительно бедренных отделов ног. При этом рассчитанный луче-берцовый индекс, как и предполагалось, оказался крайне низок, что соответствует значительно укороченным предплечьям, отчего величина интермембрального индекса и оказалась ниже среднего.

Луче-плечевой индекс показывает отношение длины предплечья к плечу. Этот индекс имеет очень низкие значения, согласно размаху вариаций значений этого индекса для человека современного типа. Таким образом, были сильно укороченные предплечья.

Берцово-бедренный индекс показывает соотношение длин голени и бедра. Полученные величины индексов имеют средние значения, согласно имеющимся данным о размахе вариаций данного индекса у человека.

В целом пропорции конечностей соответствуют таковому для человека среднеконтинентального адаптивного типа, возможно, даже с некоторой адаптацией к северным условиям существования, на что указывает относительная укороченность предплечий.

Относительная и абсолютная ширина плеч – ниже среднего, что типично для женщин.

Согласно тазовому индексу, у изучаемого индивида был таз низкий и довольно широкий, что вполне адекватно для женщин. Степень изогнутости крестца – средняя.

Прижизненная длина тела, определенная по формулам Пирсона и Ли, Дюпертюи и Хеддена, а также Бунака, составила 153,2 см, то есть рост был ниже среднего.

В таблице 7 приведены результаты вычисления индексов массивности, или прочности длинных костей конечностей, а также укрепленности этих костей в определенных участках.

Таблица 7

Индексы массивности и укрепленности костей конечностей

Индекс	Правая сторона	Левая сторона
массивности ключицы (6/1)	24,10	23,75
прочности плечевой кости (7/1)	21,03	19,93
поперечного сечения диафиза плеча (6/5)	69,57	76,14
массивности лучевой кости (3/1)	19,29	19,24
сечения лучевой кости (5/4)	59,38	52,78
массивности локтевой кости (3/2)	16,42	16,00
поперечного сечения диафиза локтевой кости (11/12)	79,31	73,33
сечения верхней части диафиза локтевой кости (платолении) (13/14)	90,09	88,10
массивности бедренной кости (8/2)	21,50	19,90
пилястрии бедра (6/7)	97,14	107,0
прочности бедра (6+7 / 2)	13,80	12,67
платимерии бедра (10/9)	92,59	96,30
массивности большеберцовой кости (10/1)	21,78	21,58

массивности большеберцовой кости (10в/1)	20,55	20,06
расширенности середины диафиза (9/8)	70,37	73,85
платикнемии большеберцовой кости (9а/8а)	82,08	66,55

Массивность скелета. Степень укрепленности костей

Скелет верхних конечностей

Массивность ключиц оказалась немного ниже среднего. Прочность плечевых костей можно в целом описать как среднюю, однако правая кость была несколько более массивной. Прочность лучевых костей оказалась очень высокой. Вычисленные индексы отношения окружности диафиза к наибольшей длине кости оказались больше максимальных значений для современного человека вообще, то есть лучевые кости были очень массивными. Локтевые кости можно охарактеризовать как среднемассивные или немного ниже среднего.

Степень уплощенности середины диафиза плечевых костей довольно велика, одновременно это не было связано с каким-то особо сильным развитием дельтовидной шероховатости. Крайне сильно выражены уплощенность диафиза лучевых костей и соответственно выступание межкостного края. Локтевые кости в средней части диафиза уплощены несильно, а в верхней части диафиза – умеренно. По этому показателю их можно назвать эуроленичными.

Скелет нижних конечностей

Массивность бедренных костей оказалась выше среднего, так же как и большеберцовых костей, если ориентироваться на среднюю часть диафиза. В нижней части диафиза прочность большеберцовых костей средняя.

Бедренные кости этой женщины в средней части диафиза развиты по-разному в поперечном и сагиттальном направлении. Так, правая кость характеризуется лучшим развитием в ширину, а левая кость лучше развита в сагиттальном направлении. При этом у обеих костей шероховатая линия бедра выражена довольно слабо. В верхней части диафиза бедренные кости почти одинаково развиты и в ширину, и сагиттально (в ширину несколько лучше), что говорит о достаточной прочности костей в верхнем ярусе. По данному признаку бедренные кости можно описать как эуримеричные. Большеберцовые кости в середине диафиза и в верхней части диафиза (на уровне питательного отверстия) развиты по-разному. Степень расширенности диафиза посередине у обеих костей немного ниже средней. По индексу платикнемии (расширенности верхней области диафиза) правая кость оказалась выраженно эурикнемичной, то есть сильно развитой в ширину, левая кость – мезокнемичной, то есть средне развитой в ширину. Виной тому – дополнительный, вертикальный гребень, более выраженный у левой кости, и ее более слабое развитие в ширину в соответствующей области диафиза.

С.Б. Боруцкая (справа) и Н.С. Березина во время антропологических исследований в 2014 г.

Остеоскопия

В таблице 8 приведены результаты остеоскопии, то есть описания степени развития костного рельефа для прикрепления некоторых, наиболее важных мышц. Для описания развития мышечного рельефа мы использовали схему В.И Федосовой[27]. В данную схему нами были добавлены некоторые признаки, которые, по нашему мнению, также интересны и информативны. Некоторое описание структур костей базировалось на схемах, предложенных в работе В.П. Алексеева «Остеометрия»[28].

Таблица 8

Оценка степени развития мышечного рельефа (в баллах, по трехбалльной шкале). Форма некоторых структур костей посткраниального скелета

Кости и структуры	Правая сторона	Левая сторона
Ключица		
Трапециевидная линия (форма)	круг	круг
Конусовидный бугорок	2+	2
Рельеф ключично-реберной связки	1	1
Лопатка		
Лопаточная вырезка	3	-
Верхний край	-	-
Латеральный край	дорзо-маргинальный	дорзо-маргинальный
Форма нижнего угла	округлый	
Подсуставная область	уплощенная	
Сочленовная впадина	2	2
Лопаточная ость	2	2
Плечевая кость		
Малый бугорок	2	2-
Межбугорковая борозда	2-	2-
Дельтовидная шероховатость	2-	2-
Гребень большого бугорка	2-	2-
Гребень малого бугорка	2-	2-
Гребень супинатора	2	2-
Лучевая кость		
Лучевая шероховатость	1+	1+
Межкостный край Форма межкостного края	1 вогнутый	1 вогнутый
Бугорки и бороздки на задней поверхности нижнего конца	2	2

Локтевая кость		
Локтевая бугристость	2-	2-
Гребень супинатора	2	1
Гребень пронатора	2	2
Задний край	1	1
Межкостный край	2	2
Бедренная кость		
Большой вертел	1+	1+
Малый вертел	1	1
Межвертельный гребень	2-	2-
Межвертельная линия	2	2
Шероховатая линия (Linea aspera)	1	1
Ягодичная шероховатость	1	1
Развитие надмыщелков (медиального / латерального)	-	1+ / 1+
Большеберцовая кость		
Большеберцовая бугристость	1	1
Передний край	2	2
Межкостный край	1+	2
Линия камбаловидной мышцы	1+	1
Бугорки и бороздки на задней поверхности нижнего конца	-	1

Практически весь мышечный рельеф плечевых, лучевых и локтевых костей имеет среднюю и слабую степень развития, что вполне характерно для женщин, не занимающихся тяжелым физическим трудом. Интересно отметить округлую форму трапециевидной линии на обеих ключицах. На правой ключице заметно сильно развит конусовидный бугорок. На лопатках можно отметить особо грацильную лопаточную ость.

Мышечный рельеф на костях ног также развит чаще всего слабо, что для женщин можно считать вполне нормальным. Никаких остеоскопических особенностей замечено не было.

Палеопатологический анализ

Позвоночник. Позвонки – без заметных патологий. Иногда на отдельных структурах наблюдается мелкоячеистый пороз. На крестце (фрагментарном) можно отметить заостренное спереди крыло, по крайней мере, с правой стороны (слева эта часть крестца отсутствовала).

Ключицы. У обеих ключиц на стернальной суставной поверхности замечен небольшой остеопороз, который, вероятно, указывает на начало воспалительного процесса в левом грудинно-ключичном суставе (артрит).

Передача костных останков московским коллегам. 29 января 2015 г. Слева направо: Е.П. Михайлов, С.В. Васильев, Ю.В. Гусаров, Н.С. Мясников, архимандрит Василий (Паскье), Н.С. Березина. Фото А.Ю. Березина

Лопатки. Можно отметить некоторое утолщение края сочленовных впадин, который в задней части еще и заворачивается назад. Имеется небольшой краевой гиперостоз сочленовных впадин. А примерно в середине сочленовных впадин обеих лопаток имеется слабо выраженный, уплощенный костный бугорок. У левой лопатки наблюдается остеопороз (крибра) на латеральном крае пониже подсуставного бугорка.

Плечевые кости. Имеется незначительный краевой гиперостоз головок плечевых костей, указывающий на начало развития артроза плечевых суставов. Медиально под головкой каждой кости имеются участки, поврежденные остеопорозом (мелкоячеистым, типа крибры). Можно отметить очень глубокие локтевые ямки, в каждой из них сверху имеется еще одно углубление – небольшая ямка. У левой кости можно отметить поражение остеопорозом (криброй) латерального надмыщелка.

Лучевые кости. Имеется небольшой краевой гиперостоз суставной окружности (на головке) снизу и значительный краевой гиперостоз запястной суставной поверхности на обеих костях. Также в области нижнего конца костей наблюдаются признаки остеопороза. У костей, кроме того, имеется остеопороз на шейке, особенно спереди. У левой кости – и краевой гиперостоз локтевой вырезки. Диафиз правой и левой лучевых костей скручен таким образом, что лучевая бугристость располагается строго медиально, а не медиально-спереди. Возможно, это генетическая особенность рода Марии Шестовой. На диафизе правой кости снизу сзади имеется опухоль и небольшая пористость поверхности. Вероятно, это следствие сильного ушиба кости. Задняя поверхность нижнего конца этой кости – вся в крупных порах и остеолизе (в виде желобков). Воспалительный процесс, вероятнее всего, был связан с имевшей место травмой кости – ушибом.

Локтевые кости. У обеих костей имеется гиперостоз по краю блоковой и лучевой вырезок, а также деформирована суставная окружность на головке. Все это, скорее, возрастные изменения, отражающие начало развития артроза суставов. У правой кости имеется мелкий пороз возле блоковой вырезки, у нее же можно отметить удлиненный шиловидный отросток. У этой же кости сильно изогнуто назад тело. Возможно, в детстве женщина болела рахитом.

Тазовые кости. Имеется краевой порозистый гиперостоз вертлужных впадин, деформация полулунных поверхностей, остеопороз в ямках вертлужных впадин. Остеопороз (мелкоячеистый, типа крибры)

был заметен и вокруг вертлужных впадин, а также на седалищных буграх обеих тазовых костей, спереди – латерально на крыльях подвздошных костей и даже немного на симфизиальных поверхностях.

Бедренные кости. Имеется локальный остеопороз (крупноячеистый и даже сетчатый) шейки обеих костей, сверху и спереди. Наблюдается небольшой краевой гиперостоз мыщелков бедренных костей, свидетельствующий о начале развития остеоартроза коленных суставов (гонартроза). На правой кости присутствуют признаки ушиба тела. Первая опухоль кости находится повыше середины спереди и немного медиально (довольно протяженная, около 70 мм), вторая припухлость кости находится в нижней трети диафиза, также спереди (меньшего размера, около 45 мм в высоту).

Надколенник. Верхушка надколенников поражена остеопорозом. Имеется гиперостоз на передней поверхности. Вероятно, имело место частичное окостенение сухожилия четырехглавой мышцы бедра. Присутствуют признаки несильного гонартроза (гиперостоз по краю суставной поверхности).

Большеберцовые кости. Наблюдается периостит в малоберцовой вырезке обеих костей, а кроме того, небольшой краевой гиперостоз всех суставных поверхностей.

Малоберцовые кости. У левой кости можно отметить признаки периостита в области латеральной лодыжки, а также – пороз в ямке лодыжки.

Как видно, большинство патологий скелета связано с возрастом исследуемого индивида – 40–45 лет. Из патологий, не связанных с возрастом, следует отметить признаки ушибов на правых лучевой и бедренной костях.

Выводы

1. Исследуемые нами останки принадлежали женщине, чей возраст был в интервале 40–45 лет.

2. Краниологические характеристики женщины следующие: череп брахикранный, мозговая коробка невысокая, лоб широкий, лицо относительно широкое, невысокое, горизонтальная профилировка в верхней части несколько уплощенная, нос высокий и узкий, орбиты средней величины.

3. Краниотригонометрические исследования показали, что исследуемый индивид имеет 22 сходных формообразующих параметра как в мозговой коробке, так и в лицевом скелете с таковыми у Татьяны Романовой, дочери царя Михаила Романова. Особенно ярко выражено сходство в форме затылочной области и скуловой области лицевого скелета. Такое сходство может говорить о родстве между этими двумя индивидами. А если предположить, что исследуемые останки принадлежали Марии Шестовой – прабабушке Татьяны Романовой, и между ними было три поколения, то данный результат может служить хоть и не стопроцентным, но доказательством их родства.

4. На зубах исследованного индивида фиксируются современные и архаичные одонтологические особенности (специфическая форма лопатообразности, филогенетическая диастема и т.д.). Как было показано ранее проведенными исследованиями, примерно к рубежу XVI–XVIII вв. начинается более динамичное проявление процессов редукционного характера и постепенное ослабление влияния архаичных признаков, постепенное уменьшение частоты их появления в изучаемых одонтологических комплексах. Кроме того, у исследованного индивида был отмечен специфический прикус – прогения (PG) по Р. Мартину: нижний ряд зубов (от правого до левого клыка) выступает по отношению к верхнему. Подобный прикус виден на портретном изображении царя Михаила Романова. И это тоже может служить косвенным доказательством родства.

5. Из приведенного списка совпадающих особенностей строения зубов, то сеть сходных по морфологической форме проявления признаков, говорящих о родстве, особое внимание надо обратить на следующие.

На зубах верхней челюсти: 1) треугольная форма коронок верхних центральных

резцов (I^1); 2) сходный тип проявления лопатообразности на верхних центральных/медиальных резцах, включая количество гребней на лингвальной поверхности и формы лингвального бугорка в виде невысокого плавного эмалевого возвышения; 3) форма правого верхнего моляра (M^3) с некоторой скошенностью вестибуло-лингвального угла метаконуса, его заметной редукцией (балл 3), редукцией гипоконуса (тип 3+); дробление в области гипоконуса и краевого дистального гребня, наличие дистального маргинального бугорка, глубокий кариес в точке контакта и области бассейна всех межбугорковых фиссур окклюзивной поверхности коронки этого зуба;

На зубах нижней челюсти: 1) наличие трем, то есть заметных промежутков между передними зубами, включая клыки; 2) наклон режущего края центральных резцов в лингвальном направлении.

6. Исследование посткраниального скелета показало, что это была низкорослая женщина (рост около 153 см). Пропорции конечностей соответствуют таковому для человека среднеконтинентального адаптивного типа, возможно даже с некоторой адаптацией к северным условиям существования, на что указывает относительная укороченность предплечий.

7. Практически весь мышечный рельеф рук и ног имеет среднюю и слабую степень развития, характерную для женщин.

8. Отмечен ряд патологических изменений на костяке. Это и кариес на молярах, и флюороз. Хорошо выражена сильная изогнутость тела локтевой кости, что может быть признаком перенесенного в детстве рахита. Выявлен также ряд возрастных изменений на костях.

9. Таким образом, антропологическое исследование дает возможность предполагать, что останки могли принадлежать Марии Шестовой. Более полную уверенность в нашем выводе может дать сравнительное генетическое исследование.

Н.С. Березина, Ю.В. Гусаров

3. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ЧЕБОКСАРАХ В 2013 ГОДУ: ДО И ПОСЛЕ…

Чебоксарские археологические раскопки 2013 г. многим отличаются от состоявшихся за сто лет до них: сроками, составом и профессиональной подготовкой участников, уровнем и количеством научных исследований. Объединяет же их общая задача по проверке версии о могиле М. Шестовой. Как известно, губернская комиссия 1913 г. закрыла тему. Однако изучение вопроса заставило сомневаться в этом, кроме того, у историков появились новые вопросы. Но обо всём по порядку.

После 1917 г. имя Марии Шестовой исчезло из печатных работ. О её заточении в Никольский монастырь и могиле упоминалось лишь в рукописях профессора медицины, уроженца Чебоксар Н.Е. Кушева «Материалы, относящиеся к истории г. Чебоксар» (1927), искусствоведов А.И. Некрасова и Е.А. Некрасовой «Художественно-археологические памятники г. Чебоксары» (1930), архивиста П.Ф. Ермолаева «История чувашской столицы Чебоксары» (1935), краеведа Н.А. Архангельского «Населенные пункты Чувашии (церкви и приходы)» (1939), П.Г. Григорьева «Город Чебоксары – столица орденоносной Чувашии» (1949).

В 1972 г. затянувшееся молчание прервал журналист А.Н. Студенецкий, рассказав о ссылке М. Шестовой и связанной с её именем иконе царевича Дмитрия в историческом очерке «Из прошлого Чебоксар». Позже об этой истории было упомянуто в разных книгах: Г.Г. Можарова и А.С. Никитина – «Памятные места и достопримечательности города Чебоксары и Чувашской АССР» (1987), Е.А. Иванова – «Старые Чебоксары» (1994), Л.Ю. Браславского – «Православные храмы Чувашии» (1995), И.К. Кугуракова и В.Г. Ткаченко – «Древний центр города. Западный косогор» (1997) и др. В 2001 г. к 400-летию ссылки М. Шестовой один из авторов данного раздела опубликовал в «Чебоксарских новостях» статью о раскопках в склепе Николаевского собора в 1913 г. Свою лепту в популяризацию имени М. Шестовой внесли В.Д. Димитриев и А.С. Никитин, в 2003 г. опубликовавшие монографии по истории Чебоксар XIII–XVII вв. и «Мир чувашский», соответственно, с сюжетами о ней.

Начало археологических раскопок, обсуждение планов. Слева направо: Н.С. Мясников, А.И. Мордвинова, Н.С. Березина

В 2007 г. на Чувашском телевидении был снят исторический фильм «Мой город: Неизвестное об известном. Никольский монастырь» (авторы сценария – иерей С. Пушков, З.В. Паршагина, режиссер Т. Алексеева), в котором о. С. Пушков, И.К. Кутураков, В.Г. Ткаченко рассказали о Никольском монастыре и сосланной в него Марии Шестовой.

Отмечавшееся в 2013 г. 400-летие царской династии Романовых привлекло интерес к личности Марии Шестовой. В феврале 2013 г. в Чебоксарах прошла посвященная юбилею Всероссийская научная конференция «Особенности развития российской государственности: исторический опыт и перспективы», в сборнике статей по материалам которой опубликованы: работа Е.П. Ключевской о праздновании 300-летия царской династии в Чебоксарах, написанная по архивным материалам, в т.ч. о раскопках 1913 г., и статья К.В. Никифоровой, М.Л. Тимофеевой и Л.А. Ефимова с обзором литературы о ссылке М. Шестовой в Чебоксары.

Многое для возрождения памяти о Марии Шестовой сделано Общественным советом при наместнике Чебоксарского мужского Свято-Троицкого монастыря (создан в 2010 г.), объединяющим ученых-гуманитариев, деятелей искусства, духовенство, журналистов и др. (секретарь О.Ю. Сергеева). В феврале 2013 г. вышел в свет подготовленный им «Альманах Чебоксарского Свято-Троицкого православного мужского монастыря» (№ 4), в котором в числе других помещены статьи: Ю.В. Гусарова – о событиях 1601 и 1913 гг., связанных с именем М. Шестовой; Л.А. Ефимова – о публикации в 1914 г. в журнале «Нива» рисунка А.А. Александрова «Часовня Предтеченской церкви в Чебоксарах». В материалах «Альманаха» № 5 (2013) опубликована статья Ю.В. Гусарова о праздновании в Чебоксарах 300-летия царской династии, № 7 (2014) – совместная статья Ю.В. Гусарова и А.А. Чибиса к 430-летию Николаевского женского монастыря.

Исторические изыскания показали, что только раскопки способны прояснить ряд вопросов о могиле М. Шестовой, в частности – о последствиях для неё разбора фундамента храма в 1936 г. Упускать такую возможность в юбилейный год было нельзя. В начале лета 2013 г. при главе г. Чебоксары состоялось собрание представителей науки (Н.С. Березина, Б.В. Каховский), депутатов (Е.А. Слепов), краеведов (В.Н. Оньков), Чувашской митрополии (протоирей Николай) и др., на котором обсуждался вопрос о проведении археологических раскопок по поиску могилы М. Шестовой. Большинство участников, понимая его важность для города и республики, поддержало инициативу учёных.

Чувашский государственный институт гуманитарных наук сформировал археологическую экспедицию. С городской администрацией была достигнута устная договоренность о финансировании археологических работ. Все лето велась подготовка, был получен разрешительный документ на археологическое раскопки – Открытый лист. 28 августа 2013 г. они начались под руководством Н.С. Березиной.

Для координации взаимодействия археологов с разными ведомствами при городском

главе был организован оргкомитет, куда вошли представители научного сообщества (Ю.Н. Исаев, Н.С. Березина, Ю.В. Гусаров, Б.В. Каховский, О.Н. Широков), Минкультуры Чувашии (Н.И. Муратов, А.В. Ипатьев), МВД по ЧР (Ш.Ш. Касанов, А.А. Шешнев, Н.А. Чапурина), Следственного управления СК РФ по ЧР (О.Г. Дмитриев), Прокуратуры ЧР (И.Н. Столярова), судмедэксперты Минздравсоцразвития Чувашии (В.Ю. Гавричков, В.В. Яковлев), Чебоксарского горсобрания депутатов (Е.А. Слепов), городской администрации (А.Л. Павлов, А.В. Краснов, В.Ф. Борисов, Т.В. Загоскина). К разбору костных останков из захоронений были привлечены судмедэксперты Чебоксарского межрайонного отделения КУ «Республиканское бюро судмедэкспертизы» и ЭКЦ МВД по Чувашской Республике В.В. Яковлев и П.Г. Яковлев соответственно и следователь-криминалист Следственного управления СК РФ по ЧР Р.А. Егоров. В.В. Яковлевым было составлено описание человеческих останков.

Благодаря юбилейному году и веку Интернета, раскопки вызвали большой общественный резонанс. 18 сентября место

Посещение Главой Чувашской Республики М.В. Игнатьевым и главой г. Чебоксары Л.И. Черкесовым места археологических раскопок

археологических раскопок посетил Глава Чувашии М.В. Игнатьев. Он подчеркнул их огромное историческое значение для жителей республики и для будущих поколений и обещал содействие археологам.

С 8 по 11 ноября 2013 г. в Чебоксарах находилась глава Российского императорского дома великая княгиня Мария Владимировна Романова. Уже в первый день визита она посетила место законсервированного раскопа. Великая княгиня ознакомилась с археологическими находками и возложила цветы к песчаной скульптуре «Мария Шестова с внуком Михаилом». Она пообщалась со студентами, участвовавшими в раскопках, ответила на их вопросы. На следующий день в Свято-Троицком монастыре приняла участие в освящении мемориальной доски в память посещения монастыря императрицей Екатериной II в 1767 г.

В январе 2014 г. в Чебоксары приезжали специалисты Института этнологии и антропологии РАН и МГУ д.и.н. С.В. Васильев, к.б.н. С.Б. Боруцкая и Н.В. Харламова для обмеров и описания останков, предположительно принадлежащих Марии Шестовой (погребение № 1). Были исследованы морфологические характеристики черепа, посткраниального скелета и строение зубов. В 2015 г. исследования были продолжены, к исследовательской группе присоединился специалист по реконструкции лица по черепу Р.М. Галлеев из того же института. По согласованию с Н.С. Березиной и о. Василием (Паскье), принявшим останки на хранение в монастырь, в том же году материалы из погребения № 1 были переданы для исследования в ИЭиА РАН. В планах московских учёных – сравнение образцов ДНК костных материалов из Чебоксар с аналогичными

Песчаная скульптура «Мария Шестова с внуком Михаилом» на месте законсервированного раскопа. Скульптор А.П. Молоков. Фото А.Ю. Березина. 2013 г.

Великая княгиня Мария Владимировна во время посещения места раскопок знакомится с археологическими находками. 2013 г.

дочери К.И. Романовой Татьяны, хранящимися в Музее Московского Кремля, для установления достоверного родства между ними. Хорошая сохранность черепа из погребения № 1 даёт возможность реконструировать внешний облик его обладателя.

...Работа археологической экспедиции по финансовым причинам не завершена. Ответив на некоторые вопросы, мы столкнулись с рядом новых. Необходимо вскрыть восточную часть Никольского придела, где, по описанию, были вторично погребены останки, атрибутированные в 1913 г. как принадлежащие М. Шестовой, выявить фундамент, остатки полов и стен Николаевского собора, изучить оставшиеся захоронения в законсервированном раскопе. Территория парка К. Иванова – это место, где мог сохраниться культурный слой XIV–XV вв., возможно, и более древний, что представляет интерес для изучения ранней истории города.

Раскопки сформировали у участников личное отношение к теме «Мария Шестова и Чебоксары», дали импульс для дальнейших поисков. В 2015 г. был издан специальный выпуск «Альманаха» Свято-Троицкого монастыря с работами И.К. Кугуракова, Ю.В. Гусарова и Н.С. Березиной, посвященными личности М.Т. Шестовой, раскопкам 1913 и 2013 гг. Здесь же опубликовано открытое письмо общественного совета к руководству республики и города с призывом оказать помощь учёным в завершении археологических и антропологических исследований для решения вопроса о могиле «царёвой бабушки». Следующим исследовательским проектом явилась данная книга. Надеемся, что её выход поможет изучению загадочных страниц истории Чебоксар.

Археологические работы повлияли на планы по увековечению памяти М. Шестовой, которые имеют свою историю. Ещё в 2001 г. один из авторов данного раздела предложил установить на месте её предполагаемого погребения часовню. Идея запомнилась. В 2007 г. она была повторена в упомянутом телефильме, а в 2008 г. власти республики объявили о планах по строительству часовни в рамках подготовки к 400-летию царской династии Романовых. Тогда же администрацией Чебоксар был объявлен конкурс на проект часовни, который выиграла фирма «Сфера» (авторы – С.Н. Удяков, В.В. Цыпленков). В 2012 г. планы по строительству часовни Царственных Страстотерпцев в память М. Шестовой одобрило новое руководство Чувашии. Однако результаты раскопок заставили взглянуть на вопрос о часовне по-иному. Были озвучены идеи о строительстве на месте бывшего монастыря музейно-культового комплекса и даже восстановлении Николаевского собора. Своё слово здесь должны сказать православная церковь и заинтересованные ведомства при обязательном участии общественности. Но решать это следует после завершения археологических работ с учётом их итогов.

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА И КОММЕНТАРИИ

Глава 1

1. Страницы истории Николаевского женского монастыря и Николаевского собора города Чебоксары

[1] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 280. Оп. 3. Д. 367. Л. 1.

[2] Барсов И.М. Бывший Николаевский девичий монастырь в г. Чебоксарах // ИОАИЭ. Т. 14, вып. 5. Казань, 1898. С. 519–535; Кроковский А.И. Чебоксарский второй Николаевский собор // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1849. 10 января. С. 9–12.

[3] Некрасов А.И., Некрасова Е.А. Художественно-археологические памятники г. Чебоксар // Художественная культура Чувашии, 20-е годы XX века. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 214–254.

[4] Мордвинова А.И. «…Изучать судьбы русского искусства на чувашской почве в интересах самой Чувашии» // Там же. С. 213.

[5] Некрасов А.И., Некрасова Е.А. Указ. соч. С. 226. Заметим, что Никольский женский монастырь не имел военного значения.

[6] Барсов И.М. Бывший Николаевский ... С. 521.

[6a] Подсчитано по: Борисов В.Л. Некоторые данные для истории городов Казанского края в XVII веке // ИОАИЭ. Казань, 1900. Т. 16, вып. 2. С. 226–235; Его же. Город Казань по переписной книге 7154 (1646) // Там же. С. 169; Его же. Город Лаишев в XVI–XVII вв. // ИОАИЭ. Казань, 1899. Т.15, вып. 3. С. 348.

[7] Город Чебоксары: его святыни, монастыри, храмы и достопримечательности // Известия по Казанской епархии. 1906. 22 мая. С. 629.

[8] Димитриев В.Д. Чебоксары: очерки истории города конца XIII–XVII века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. С. 38.

[9] Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 165. Оп. 1. Д. 347. Л. 1–4.

[10] Приволжские города и селения в Казанской губернии. Казань: Тип. губернского правления, 1892. С. 47.

[11] Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р–22. Оп. 1. Д. 364. Л. 77 об.

[12] Димитриев В.Д., Селиванова С.А. Чебоксары: очерки истории города XVIII века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 294.

[13] Некрасов А.И., Некрасова Е.А. Указ. соч. С. 230.

[14] Димитриев В.Д. Документы по истории города Чебоксар XVII–XVIII веков // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 21. Чебоксары, 1962. С. 312.

[15] Размадзе А.С. Волга от Нижнего Новгорода до Астрахани. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1896. С. 37.

[16] Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1881. С. 229.

[17] ГИА ЧР. Ф. Р - 22. Оп. 1. Д. 364. Л. 21, 21 об.

[18] Там же. Л. 77–77 об.

[19] ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 47. Л. 56.

[20] Там же. Ф. Р–22. Оп. 1. Д. 364. Л. 95–96.

[21] ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 1. Д. 97. Л. 38.

[22] Там же. Д. 95. Л. 657.

[23] Там же. Ф. 225. Оп. 1. Д. 95. Л. 656.

[24] Борьба монастыря за свою реликвию на этом не закончилась. Казанская духовная консистория неоднократно требовала от Чебоксарского духовного правления прислать икону в Казань. В январе 1827 г. управляющий Троицким монастырем, иеромонах, казначей Феофан (ок. 1763–?) уведомил духовное правление об отказе представить в неё икону «до прибытия… на епархию» архиепископа Казанского и Симбирского Ионы. Вскоре он добился личной встречи с ним и в марте того же года сообщил духовному правлению, что Иона «в бытность его в оном монастыре изволил обещаться рассмотреть дело». После этого попытки изъятия иконы из монастыря прекратились. Вероятно, с личностью Феофана, страдавшего болезнью ног (в 1826 г. писал: «Чувствую в ногах большую ломоту»), связана легенда о настоятеле Троицкого монастыря, который, спасая икону, поместил ее в отдаленную часовню. Согласно преданию, образ не проходил в её низкую дверь и тогда «настоятель распорядился обрубить [его] нижнюю часть», после чего у него «навсегда отнялись ноги». Из-за этой особенности икону называли «Никола – пилёны ноги» (ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 2. Д. 80. Л. 18, 64 об. – 65; Ф. 298. Оп. 1. Д. 73. Л. 225 об.; Демьянов Г.П., Зеленин Д.К. Путеводитель. Волга. Кама. С приложением карты Волги. Н. Новгород, 1910. С. 107; Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. С. 229).

[25] ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 2. Д. 28. Л. 9 об.

[26] Барсов И.М. Бывший Николаевский ... С. 522.

[27] Там же. С. 528; Покровский И.М. К истории казанских монастырей до 1764 г. // ИОАИЭ. Казань, 1902. Т. 18, вып. 1–3. С. XXIV (приложение).

[28] ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 3. Д. 2. Л. 2.

[29] Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 10. Оп. 5. Д. 513. Л. 9.

[30] Кроковский А.И. Указ. соч. С. 10.

[31] Российский государственный исторический архив. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 414. Л. 1; ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 2. Д. 5. Л. 67.

[32] Кроковский А.И. Указ. соч. С. 10; Барсов И.М. Бывший Николаевский ... С. 527.

[33] Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 2340. Л. 27.

[34] ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 3. Д. 3. Л. 20, 21.

[35] Например, в 1729 г. в приход входила также д. Усадки, в 1737 г. – деревни Троицкого мужского монастыря Гремячево, Завражная, Соляная, Набережная, Банново, Якимово.

[36] ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 36. Л. 49.

[37] Там же. Ф. 225. Оп. 3. Д. 3. Л. 22; Д. 10. Л. 6.

[38] Барсов И.М. Бывший Николаевский ... С. 524, 535.

[39] ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 3. Д. 11. Л. 3; Д. 18. Л. 7; Д. 21. Л. 2.

[40] Там же. Д. 23. Л. 2.

[41] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2340. Л. 27 об.

[42] Памятники старины, взятые под покровительство Императорской археологической комиссией // Нива. 1914. № 20. С. 396.

[43] Некрасов А.И., Некрасова Е.А. Указ. соч. С. 235, 240.

[44] Браславский Л.Ю. Православные храмы Чувашии: справ. изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. С. 179.

[45] ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1 Д. 19. Л. 1 об.

[46] Некрасов А.И., Некрасова Е.А. Указ. соч. С. 237.

[47] Магницкий В.К. Город «Чебоксар» по 2-й народной переписи в 1742–1748 годах // ИОАИЭ. Казань, 1898. Т. 14, вып. 5. С. 547.

[48] РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 367. Л. 4.

[49] Покровский И.М. Указ. соч. С. XXIV (приложение).

[50] Димитриев В.Д., Селиванова С.А. Указ. соч. С. 181.
[51] Чебоксары: исторический очерк / Бойко И.И. [и др.]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. С. 109.
[52] Кроковский А.И. Указ. соч. С. 10.
[53] Димитриев В.Д. Документы по истории города Чебоксар… С. 314.
[54] Кроковский А.И. Указ. соч. С. 10; Барсов И.М. Бывший Николаевский ... С. 522.
[55] Барсов И.М. Бывший Николаевский ... С. 528, 529.
[56] Барсов И.М. Бывший Николаевский ... С. 522, 523.
[57] Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье (XVII в. – первая четверть XVIII в.) / сост.: А.А. Чибис, Б.М. Пудалов. Чебоксары: Пегас, 2006. С. 71.
[58] ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 3. Д. 2. Д. 12 и др.
[59] Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1905. С. 16.
[60] Областные правители России, 1719–1739 гг. / сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М.: РОССПЭН, 2008. С. 219.
[61] ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 141. Л. 94.
[62] Магницкий В.К. Город «Чебоксар» ... С. 541.
[63] ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 3. Д. 1. Л. 4 об.; Магницкий В.К. Город «Чебоксар» по 2-й народной переписи в 1742–1748 годах. С. 541.
[64] Покровский И.Н. Указ. соч. С. 29–30, 33, 39, 43, 45, 56.
[65] ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 37. Л. 767.
[66] Там же. Ф. 244. Оп. 1. Д. 2. Л. 65. Документ указан А.А. Чибисом.
[67] Покровский И.Н. Указ. соч. С. 59.
[68] ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 37. Л. 767 об.
[69] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 94. Л. 190.
[70] РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 367. Л. 1.
[71] Там же. Л. 1 об. – 2.
[72] Там же. Л. 3–4.
[73] Хронусов М. История Свияжского Иоанно-Предтеченского девичьего монастыря // Известия по Казанской епархии. 1870. 15 октября. С. 627, 630, 631.
[73a] Барсов И.М. Летопись Благовещенской церкви города Чебоксар // Известия по Казанской епархии. 1888. 1 декабря. С. 542.
[74] ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 36. Л. 48.
[75] РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 367. Л. 2 об. – 3 об.
[76] Хронусов М. Указ соч. С. 631; Барсов И.М. Бывший Николаевский ... С. 535.
[77] Димитриев В.Д., Селиванова С.А. Указ соч. С. 128.
[78] Барсов И.М. Бывший Николаевский ... С. 530–534.
[79] Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877. Стб. 307, 308.
[80] Фукс А.А., Фукс К.Ф. Поездка к чувашам // Заволжский муравей. 1834. № 1. С. 47–48.
[81] Димитриев В.Д., Селиванова С.А. Указ. соч. С. 62; Кроковский А.И. Указ. соч. С. 12.
[82] ГИА ЧР. Ф. 298. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.
[83] Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 3, 9 об.
[84] Составлено по: ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 2. Д. 21. Л. 245 об.; Д. 41. Л. 16–18; Ф. 325. Оп. 1, Д. 47. Л. 5 об., 121, 128 об., 135; Кроковский А.И. Указ. соч. С. 9; Справочная книга Казанской епархии. Казань: Тип. А.М. Петрова, 1904. С. 534.
[85] Можаровский А.Ф. Казанская старина: Нечто из церковной археологии города Чебоксар. Отд. отт. из: Казанские губернские ведомости. 1881. № 11. С. 10.
[86] Барсов И.М. Бывший Николаевский ... С. 522.
[87] ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 48. Л. 4–4 об.
[88] Можаровский А.Ф. Указ. соч. С. 9.
[89] А.Ф. Можаровский ошибочно называет его дьяконом Вознесенской церкви (Можаровский А.Ф. Указ. соч. С. 4).

[90] Соколов А.И. Из истории кирпичного ремесла в Чебоксарах в XVIII–XIX вв. // Вопросы истории и этнографии города: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 47.

[91] ГИА ЧР. Ф. 94. Оп. 2. Д. 739. Л. 84.

[92] Там же. Ф. 225. Оп. 2. Д. 16. Л. 368, 375; Спицын А.А. Старинные колокола вятских церквей // Календарь Вятской губернии на 1893 г. Вятка, 1892. С. 385.

[93] ГИА ЧР. Ф. 324. Оп. 1. Д. 5. Л. 2 об.

[94] Можаровский А.Ф. Указ. соч. С. 4.

[95] ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19 (Летопись Николаевского собора, 1867–1916 гг.). Л. 3 об. – 4.

[96] Там же. Л. 46 об.

[97] Там же. Л. 25 об.

[98] Кроковский А.И. Указ. соч. С. 12.

[99] ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 1. Д. 328. Л. не нум.; Ф. 325. Оп. 1. Д. 48. Л. 17; Барсов И.М. Бывший Николаевский ... С. 523.

[100] Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 1 об., 6 об.

[101] Там же. Л. 13 об. – 14.

[102] Там же. Л. 6 об., 21.

[103] Там же. Ф. 225. Оп. 1. Д. 328. Л. не нум.

[104] Там же. Оп. 2. Д. 41. Л. 16 об.

[105] Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 3 об., 4 об.

[106] Там же. Ф. 225. Оп. 11. Д. 4. Л. 709.

[107] Там же. Д. 328. Л. не нум.

[108] Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 2 об. – 5 об., 47; Д. 47, Л. 1; Д. 51. Л. 3, 5; Ф. 225. Оп. 1. Д. 328. Л. не нум.; Оп. 2. Д. 41. Л. 15 об.; Оп. 11. Д. 4. Л. 711; Синодик Чебоксарско-Чувашской епархии. Чебоксары: Тип. Брындиных, 2012. С. 124; Справочная книга Казанской епархии. Казань: Тип. А.М. Петрова, 1904. С. 535; Н.А. Пономарев [Электронный ресурс]. URL: http://www.harlamp.ru/encyclopaedia/duhovenstvo/svyashenniki.php? ELEMENT _ID=1231 (дата обращения: 19.07.2015); Настоятели Введенского кафедрального собора [Электронный ресурс]. URL: http://www. nbchr.ru/arh/vved_sob/Pril1/pril1_ch2.htm (дата обращения: 19.07.2015); Гусаров Ю.В. История Чебоксарского духовного училища (1816–1918) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: сб. ст. / Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. Вып. 4. Казань: Изд-во «ЯЗ». С. 44.

[109] ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 11. Д. 4. Л. 709 об.

[110] Барсов И.М. Бывший Николаевский ... С. 527.

[111] Сидоров В.М. Волга: Путевые заметки от Валдая до Каспия. [Электронный ресурс]. URL: http://old-ri-ver.ru/Page.php?quest=&qstart=&PID=198&MID=112& start= (дата обращения: 11.12.2013).

[112] Город Чебоксары: его святыни, монастыри, храмы и достопримечательности // Известия по Казанской епархии. 1906. 22 мая. С. 632.

[113] Кроковский А.И. Указ. соч. С. 11–12.

[114] Приволжские города и селения в Казанской губернии. С. 46.

[115] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2340. Л. 30 об.

[116] ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 48. Л. 10 об.–12.

[117] Там же. Л. 16.

[118] Мордвинова А.И. Церковное искусство Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. С. 45, 46, 107.

[119] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2340. Л. 27 об. В одном из краеведческих изданий начала XX в. утверждается, что живопись и фрески Николаевского собора относятся к XVII в., подтверждения чему нет (Спасский Н.А. Очерки по родиноведению. Казанская губерния. Изд. 2-е, испр. и доп. Казань: Типолитогр. Императ. ун-та, 1912. С. 159).

[120] ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 2. Д. 9. Л. 62–64, 84.

[121] Пребывание высокопреосвященнейшего Арсения, архиепископа Казанского, в городе Чебоксарах // Известия по Казанской епархии. 1898. 1 ноября. С. 911.

[122] Некрасов А.И., Некрасова Е.А. Указ. соч. С. 244.

[123] ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 13, 13 об., 24.

[124] ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.
[125] Там же. Д. 15. Л. не нум.
[126] Там же. Д. 47. Л. 3, 16, 18–18 об., 57–57 об., 98.
[127] Там же. Д. 52. Л. 6 об., Д. 48. Л. 28 об., 29; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1050. Л. 1056.
[128] Филиппов. Сколько изъято цер[ковных] ценностей в Чебоксарах // Чувашский край. 1922. № 49.
[129] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 25 (Ермолаев П.Ф. Чебоксары – центр христианского просвещения: монастыри, церкви и часовни. Рукопись. 1931 г.). Л. 111.
[130] Там же. Ед. хр. 1048. Л. 343.
[131] ГИА ЧР. Ф. Р – 427. Оп. 1. Д. 195. Л. 123, 123 об.
[132] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2340. Л. 27 об.
[133] Некрасов А.И., Некрасова Е.А. Указ. соч. С. 235.
[134] ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 51. Л. 8.
[135] Там же. Л. 7.
[136] Козлов Ф.Н. «Изъять колокола со всех церквей…»: Русская православная церковь в условиях форсированной модернизации советского общества (по материалам Чувашии) // Центр и периферия. 2010. № 1. С. 77.

2. Опальная дворянка Смутного времени М.Т. Шестова

[1] Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб.: Наука, 1992. С. 73, 74; Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 25, 26.
[2] Щербатов М.М. История российская с древнейших времен. Т. 7, ч. 1. СПб.: иждивением АН, 1790. С. 74–75, прим.
[3] Карамзин Н.М. История государства Российского. Репр. воспр. изд. 5, выпущенного в трёх книгах с приложением «Ключа» П.М. Строева. М.: Книга, 1989. Кн. 3, т. 11. Прим. 150, 151.
[4] Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. 2. Изд. 2-е. СПб.: изд. А.С. Суворина, 1895. С. 392.
[5] История родов русского дворянства: в 2 кн. / авт.-сост. П.Н. Петров. М.: Современник: Лексика, 1991. Кн. 1. С. 172.
[6] Иванчин-Писарев Д.Н. Утро в Новоспасском. М.: Тип. А. Семена, 1841. С. 72.
[7] Там же. С. 73; Корсакова В.Д. Романов-Юрьев Д.Р. // Русский биографический словарь. Т. 17. Романова – Рясовский. Пг.: Тип. акцион. об-ва «Кадима», 1918. С. 31; Павлов А.П. Указ. соч. С. 73.
[8] Павлов А.П. Указ. соч. С. 75, 136.
[9] Беляков А.В. История семьи на фоне эпохи: рец. на кн.: Рабинович Я.Н. Братья Коробьины на службе России (1603–1639) / под ред. С.А. Мезина. Саратов: ИЦ «Наука», 2014. 198 с. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Межвузовские отношения». 2014. №. 3 (Т. 14). С. 124.
[10] Шокарев С.Ю. Переписка Ивана IV Грозного с Василием Грязным и русско-крымские взаимоотношения второй четверти XVI в. [Электронный ресурс]. URL: http://kro-tov.info/acts/16/3/krym.htm (дата обращения: 5.09.2015).
[11] Мартынюк А.В. Лихие люди Московской Руси. Три исторических портрета // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2008. Вып. 3. С. 153.
[12] Мартынюк А.В. Указ. соч. С. 155; Павлов А.П. Указ. соч. С. 649.
[13] Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 216.
[14] Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн. 3, т. 11. Стб. 14. Прим 54.
[15] Павлов А.П. Указ. соч. С. 75.
[16] Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.) М.: Императ. об-во истории и древностей российских, 1907. С. 43, 143, 194, 216.
[17] Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 216.
[18] Там же. С. 216.
[19] Селифонтов Н.Н. Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. Ч. 2. СПб., 1898. С. 78; Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. 2. С. 392.

[20] Селифонтов Н.Н. Указ. соч. С. 81; Корсакова В.Д. К.И. Романова-Юрьева // Русский биографический словарь. Т. 17. С. 1.

[21] Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 154; Корсакова В.Д. Указ. соч. С. 1.

[22] Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. С. 50.

[23] Макаров А.И. Представители боярского рода Салтыковых и самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе (1628–1629 гг.)» // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2012. № 3. С. 94. В ряде публикаций Е.А. Михалкова ошибочно называется родной сестрой К.И. Романовой, что ввело в заблуждение и нас. См.: Резепин Е.Е. Романовы и Салтыковы [Электронный ресурс]. URL: http://sazonow.ru/stati/340-romanovy-i-saltikovi (дата обращения 1.04.2015).

[24] Макаров А.И. Указ. соч. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2012. № 3. С. 92.

[25] Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / сост. А.В. Антонов. Т. 2. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 255–259; Макаров А.И. Указ. соч. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2012. № 4. С. 47–48, 51–54.

[26] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб.: В тип. II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1841. С. 36–37. Известно, что Жданко Зиновьев был «приказной человек», то есть гражданский служащий неродовитого происхождения. Вероятно, в 1601 г. он замещал воеводу, потому что в 1602/03 г. занимал должность дьяка Чебоксарской воеводской канцелярии (Корсакова В.Д. Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии с 1553 г. до образования Казанской губернии в 1708 г. ...// ИОАИЭ. Казань, 1908. Т. 24, вып. 4. С. 13; Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI– начало XIX в.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 344).

[27] Акты исторические ... Т. 2. С. 41.

[28] Там же. С. 46.

[29] Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. С. 163; Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877. Стб. 308.

[30] ГИА ЧР. Ф. 94. Оп. 2. Д. 739. Л. 75 об.; Ф. 225. Оп. 11. Д. 4. Л. 764.

[31] Осокин Н.А. Каталог Казанской научно-промышленной выставки 1890 г., состоящей под покровительством его императорского высочества государя наследника цесаревича. Историко-этнографическое отделение (научного отдела). 2-е изд., доп. Казань: Тип. Ильяшенко, 1890. Приложение № 1. [С. 48–49].

[32] Редкая историческая картина // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1890. № 40.

[33] Приволжские города и селения Казанской губернии. Казань: Тип. губернского правления, 1892. С. 48–49.

[34] Барсов И.М. Бывший Николаевский девичий монастырь в г. Чебоксарах // ИОАИЭ. Казань, 1898. Т. 14, вып. 5. С. 525–527.

[35] Спасский Н.А. Благословенный дом Романовых и участие Казанского края в избрании боярина Михаила Федоровича Романова на Московское государство. Казань, 1913. С. 61–62.

[36] Барсов И.М. Бывший Николаевский ... С. 525.

[37] [Прошение чебоксарского купца Ф.М. Дряблова императору Николаю II об оказании помощи Чебоксарам в содержании городских церквей и открытии мужской гимназии в год 300-летия царствования династии Романовых. 26 мая 1913 г. Документ предоставлен И.К. Кугураковым] // Альманах Чебоксарского Свято-Троицкого православного мужского монастыря. Специальный выпуск. 2015. Май. С. 5.

[38] Барсов И.М. Бывший Николаевский ... С. 525.

[39] Сапунов Б.В. Неопубликованный памятник станковой живописи с изображением угличской драмы 1591 г. (Этюд из истории парсунного письма) // От Средневековья к Новому времени: Материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первой половине XIX века. М.: Наука, 1984. С. 153.

[40] Приволжские города и селения Казанской губернии. С. 203.

[41] ГИА ЧР. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 488. Л. 30.

[42] Сообщено автору искусствоведом И.К. Кугураковым 25 августа 2015 г.

[43] Сообщено автору искусствоведом А.И. Мордвиновой 20 января 2015 г.

[44] URL: http://chuvashia.news-city.info/docs/sistemsh/dok_oeyfei.htm (дата обращения: 18.09.2015).

[45] Сапунов Б.В. Указ. соч. С. 152.

[46] Там же. С. 155, 156.

[47] Там же. С. 156.

[48] Там же. С. 155.

[49] Там же. С. 158.

[50] Некрасов А.И., Некрасова Е.А. Художественно-археологические памятники г.Чебоксар // Художественная культура Чувашии, 20-е годы XX века. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 247.

[51] Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 33; Уткин С.А. Белозерская ссылка бояр Романовых в 1601–1602 годах [Электронный ресурс]. URL: http://www.kirmuseum.ru/is-sue/article. php?ID=2793 (дата обращения 20.06.2015).

[52] Иванчин-Писарев Н.Д. Указ. соч. С. 33, 35, 36; Донской Г.Г. Роль надписей на надгробиях Александра, Михаила и Василия Никитичей Романовых в политической борьбе начала XVII века [Электронный ресурс]. URL: http://refdb.ru/look/1713436.html (дата обращения: 5.09.2015).

[53] В.В. Смутное время // Школьная энциклопедия. История России IX–XVII вв. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003. С. 609.

[54] Димитриев В.Д. Чебоксары: очерки истории города конца XIII–XVII веков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. С. 69.

[55] Барсов И.М. Бывший Николаевский ... С. 523.

[56] Там же. С. 523, прим.

[57] Барсов И.М. Бывший Николаевский ... С. 523; ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 48. Л. 17.

[58] Кроковский А.И. Чебоксарский второй Николаевский собор // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1849. 10 января. С. 11.

[59] ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 48 об.–49.

[60] Там же. Л. 24 об.

[61] Кроковский А.И. Указ. соч. С. 10, 11.

[62] Там же. С. 10.

[63] Там же. С. 11, 12.

[64] Барсов И.М. Бывший Николаевский ... С. 519.

[65] Кроковский А.И. Указ. соч. С. 11.

[66] Приволжские города и селения в Казанской губернии. С. 46.

[67] Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Университетская тип., 1877. С. 512.

[68] Д.М. Меншикова скончалась 10 мая 1728 г. по пути в ссылку с семьёй в г. Березов Тобольской губернии и была похоронена в с. Верхний Услон Свияжского уезда Казанской губернии.

[69] Кроковский А.И. Указ. соч. С. 12.

[70] Спасский Н.А. Очерки по родиноведению. Казанская губерния. Изд. 2-е, испр. и доп. Казань: Типолитогр. Императ. ун-та, 1912. С. 159.

[71] ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 842. Л. 7 об.

[72] Васильев М. Празднование трехсотлетия царствования дома Романовых в среднеучебных заведениях Казанского учебного округа // Циркуляр по Казанскому учебному округу. Приложения. 1913. № 12. С. 149, 159).

3. «Необыкновенное событие», или Раскопки по поиску «забытой исторической могилы» в Чебоксарах в 1913 году

[1] Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 24 об.

[2] Анастасий (Александров А.И.). Инокиня Мария, бабушка царя Михаила Феодоровича Романова // Православный собеседник. 1913. [Март]. С. 360–370.

[3] Ключевская Е.П. О праздновании 300-летия дома Романовых в г. Чебоксары в 1913 году (по документам Национального архива Республики Татарстан) // Особенности развития российской государственности: исторический опыт и перспективы: (к 400-летию воцарения династии Романовых):

материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 28 февраля 2013 г.). Чебоксары, 2013. С. 142–150; Латыпова Г.М. О праздновании 300-летия дома Романовых в г. Чебоксары Чебоксарского уезда Казанской губернии // Исторический вестник: научно-документальный журнал Государственного исторического архива Чувашской Республики. 2013. № 1 (2). С. 140–154; Гусаров Ю.В. Загадка, которой 400 лет (О могиле бабушки царя Михаила Федоровича Романова в Чебоксарах) // Альманах Чебоксарского Свято-Троицкого мужского монастыря: В память 400-летия воцарения дома Романовых. Вып. 4. 2013. Февраль. С. 6–9; [Прошение чебоксарского купца Ф.М. Дряблова императору Николаю II об оказании помощи Чебоксарам в содержании городских церквей и открытии мужской гимназии в год 300-летия царствования династии Романовых. 26 мая 1913 г. Документ предоставлен И.К. Кугураковым] // Альманах Чебоксарского Свято-Троицкого православного мужского монастыря. Специальный выпуск. 2015. Май. С. 5.

[4] Чебоксары. Забытая историческая могила // Камско-волжская речь. 1912. 11 декабря. С. 3–4.

[5] Из периодической печати // Известия по Казанской епархии. 1912. 15 декабря. С. 1451–1452.

[6] Гусаров Ю.В. Барсов Иван Михайлович // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. Чебоксары, 2006. С. 183.

[7] Гусаров Ю.В. Дрябловы // Чувашская энциклопедия Т. 1. С. 542.

[8] Гусаров Ю.В. О книжной торговле в Чувашском крае во второй половине XIX – начале XX века // Поволжье в системе всероссийского рынка: история и современность: Материалы научной конференции (Чебоксары, 5–6 октября 1999 г.). Чебоксары: Изд-во «Чувашия», 2000. С. 147; Учитель. Среди чуваш // Хыпар. 1907. № 5. 25 февраля. С. 39.

[9] Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 199. Оп. 1. Д. 499. Л. 3-4.

[10] Калинина И.Г., Сорвачева В.Н. Коллекции личных собраний в фондах Республиканской научно-медицинской библиотеки Чувашии // Здравоохранение Чувашии. 2013. № 2. С. 79–80.

[11] ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1331. Л. 513, 514; Год трезвости в Казанской губернии. Казань: Тип. губернского правления, 1916. С. 167.

[12] Леонтьев А.П. «Хыпар»: минувшее и настоящее. Факты. События. Личности. Судьбы. Чебоксары, 2011. С. 127.

[13] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1179. Д. 264. Л. 2.

[14] Там же. Л. 2.

[15] Там же. Л. 2–3.

[16] Там же. Л. 5.

[17] Там же. Л. 3–5.

[18] Там же. Л. 5.

[19] Объявления // Известия по Казанской епархии. 1912. 1 августа. С. 868.

[20] ОР РНБ. Ф. 1179. Д. 264. Л. 5.

[21] ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 48 об.

[22] ОР РНБ. Ф. 1179. Д. 264. Л. 1.

[23] Священник Евгений Павлович Смирнов (1865–1932) служил в Николаевском соборе с назначения в 1911 г. до смерти в 1932 г. (ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 46; Д. 51. Л. 3).

[24] ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 49.

[25] ОР РНБ. Ф. 1179. Д. 264. Л. 1 об.

[26] ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 49.

[27] ОР РНБ. Ф. 1179. Д. 264. Л. 7.

[28] Анастасий. Указ. соч. С. 370.

[29] ОР РНБ. Ф. 1179. Д. 264. Л. 8.

[30] Там же. Л. 8.

[31] Там же.

[32] ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 2. Д. 16. Л. 174.

[33] Там же. Л. 177 об.

[34] Там же. Ф. 225. Оп. 1. Д. 328. Л. не нум.

[35] Анастасий. Указ. соч. С. 366.

[36] Город Чебоксары: его святыни, монастыри, храмы и достопримечательности // Известия по Казанской епархии. 1906. 22 мая. С. 630.

[37] ОР РНБ. Ф. 1179. Д. 264. Л. 7.

[38] Анастасий. Указ. соч. С. 369; ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 49 об.

[39] ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 49 об.

[40] Анастасий. Указ. соч. С. 369; ОР РНБ. Ф. 1179. Д. 264. Л. 10.

[41] ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 49 об.

[42] ОР РНБ. Ф. 1179. Д. 264. Л. 1.

[43] Чебоксары (Телеграмма от нашего корреспондента) // Казанский телеграф. 1913. 22 января.

[44] Историческая могила в г. Чебоксары // Казанский телеграф. 1913. 27 января.

[45] Из периодической печати // Известия по Казанской епархии. 1913. 15 февраля. С. 250.

[46] Покровский И.М. Казань и казанцы в истории воцарения дома Романовых на русском царском престоле // Известия по Казанской епархии. 1913. 22 января. С. 139.

[47] Проект церковного торжества 300-летия царствования дома Романовых // Известия по Казанской епархии. 1913. 22 января. С. 115, 116.

[48] Спасский Н.А. Благословенный дом Романовых и участие Казанского края в избрании боярина Михаила Федоровича Романова на Московское государство. Казань: издание редакции Циркуляра при Управлении Казанского учебного округа, 1913. С. 61.

[49] Памятники старины, взятые под покровительство Императорской археологической комиссией [Репродукции картин А.А. Александрова «Собор в г. Чебоксарах» и «Часовня Предтеченской церкви в Чебоксарах»] // Нива. 1914. № 20. С. 396.

[50] НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1397. Л. 6–6 об.

[51] Там же. Л. 10–10 об.

[52] [Прошение купца г.Чебоксар Ф.М. Дряблова императору Николаю II об оказании помощи Чебоксарам в содержании городских церквей …] // Альманах Чебоксарского Свято-Троицкого православного мужского монастыря. Специальный выпуск. 2015. Май. С. 5.

[53] Копия документа находится в личном архиве И.К. Кугуракова.

[54] ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1400. Л. 64.

[55] Ошибка Н.А. Спасского, правильно: «Марии». Марфа – монашеское имя Ксении Ивановны Шестовой.

[56] Спасский Н.А. Благословенный дом Романовых … С. 62.

[57] Гусаров Ю.В. Как в Чебоксарах праздновали 300-летие царствования династии Романовых // Альманах [Чебоксарского Свято-Троицкого мужского монастыря], посвящённый 20-летию возрождения Чебоксарского Свято-Троицкого православного мужского монастыря. Вып. 5. 2013. Июль. С. 23–25.

[58] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2340. Л. 3, 27.

[59] Там же. Ед. хр. 25. Л. 30.

[60] Никифоров. Хроника // Красная Чувашия. 1936. 8 мая. С. 4.

Глава 2

1. Графическая реконструкция этапов становления и развития Чебоксарского Николаевского девичьего монастыря и его главного храма

[1] Макарова Е.М., Галимзянов И.Р., Михайлов Е.П. Антропологический состав населения города Чебоксары в XVI–XVII веках: по материалам археологических раскопок 2006 года // Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 26 сентября 2013 г.). Чебоксары, 2013. С. 159–169.

[2] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 2. С. 36–37. Подлинники документов хранятся в РГАДА в фонде «Розыскные дела» (Ф. 146).

[3] Димитриев В.Д. Чебоксары: очерки истории города конца XIII–XVII века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. С. 38–39.

[4] Кугураков И.К. Планировка и застройка города Чебоксары: от крепости до первых регулярных планов // Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья. С. 146–155.

[5] Российский государственный исторический архив. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 414. Л.1. (План г. Чебоксары 1765 г.)

[6] Барсов И.М. Бывший Николаевский девичий монастырь в г. Чебоксарах // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1898. Т. 14, вып. 5. С. 519–535.

[7] Некрасов А.И., Некрасова Е.А. Художественно-археологические памятники г. Чебоксар // Художественная культура Чувашии, 20-е годы XX века: сб. статей. Чебоксары, 2005. С. 235.

[8] Некрасов А.И., Некрасова Е.А. Указ. соч. С. 237.

[9] Можаровский А.Ф. Казанская старина: Нечто из церковной археологии Чебоксар. Казань, 1881. Отдельный оттиск. С. 10.

[10] Некрасов А.И., Некрасова Е.А. Указ. соч. С. 235.

2. Внутреннее убранство Николаевского собора

[1] Некрасов А.И., Некрасова Е.А. Художественно-археологические памятники г. Чебоксар // Художественная культура Чувашии, 20-е годы XX века. Чебоксары, 2005. С. 235.

[2] Кроковский А.И. Чебоксарский, второй, Николаевский собор // Казанские губернские ведомости. 1849. № 2. Январь. С. 9–12.

[3] Казанские губернские ведомости, 1849. № 2. Январь. С. 9–12.

[4] ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 2. Ед. хр. 177. Л. 21. (Акты областной комиссии по изъятию церковных ценностей и описи ценностей, изъятых из церквей г. Чебоксары).

[5] Научный архив Института истории материальной культуры РАН (НА ИИМК РАН). Ф. Р-III. Ед. хр. 1711. С. 5.

[6] Голосники – небольшие глиняные кувшины, вделанные в кирпичную кладку верхних частей стен храма и открытые горловинами внутрь помещения. Они значительно облегчали давление на несущие части здания. Кроме того, благодаря пустотелости они служили резонаторами и повышали акустические свойства помещения. Благодаря голосникам создавался эффект особого объемного звучания хора.

[7] НА ИИМК РАН. Ф. Р-III. Ед. хр. 1711. С. 5.

[8] Благочинный чебоксарских храмов писал в своем отчете за 1847 г.: «Число церквей (10), построенных в Чебоксарах, несоразмерно с числом жителей. ...При малочисленности и небогатом состоянии прихожан и самыя здания церковныя приходят в разрушение, а благолепие внутри оных почти во всех никакого нет; и духовенство, довольствуясь только скудною платою за исправление треб и посещение с крестом, терпит в содержании большую нужду» (Ф. 382. Оп. 1. Д. 10. Л. 8–8 об. Дело об отчетности по Чебоксарским градским церквам за 1847 г.).

[9] Некрасов А.И., Некрасова Е.А. Указ соч. С. 235.

[10] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2340, № 8823. Л. 27 об. Фонд М.П. Петрова (Тинехпи). (Сведения об историко-художественных памятниках старины г. Чебоксары и Чув. Республики); НА ИИМК АН. Ф. Р-III. Ед. хр. 1711. Л. 5. (Метрика для получения верных сведений о древнеправославных храмах Божиих, зданиях и художественных предметах).

[11] НА ИИМК РАН. Ф. Р-III. Д. 1711. С. 5.

[12] Известия по Казанской епархии. 1898. № 21. С. 911.

[13] Некрасов А.И., Некрасова Е.А. Указ. соч. С. 244.

[14] Там же.

[15] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2340; № 8823. Л. 27 об.

[16] ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 13–14. (Летопись Николаевского собора г. Чебоксары).

[17] Там же.

[18] Барсов И.М. Бывший Николаевский девичий монастырь в г. Чебоксарах // ИОАИЭ. 1898. Т. 14, вып. 5. С. 522–523: «Придел св. Николая очень мал и построен над склепом …Придел этот перестроен в 1828 г. иждивением чеб. купца Петра Никифорова Жукова».

[19] ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 16. Л. 45. (Книга расходов Чебоксарского Николаевского собора).

[20] Там же. Д. 47. Л. 9. (Опись церковно-религиозных зданий Николаевского собора города Чебоксары и находящегося в них имущества. 1920 г.).

[21] Некрасов А.И., Некрасова Е.А.Указ. соч. С. 251.

[22] ГИА ЧР. Ф. 382. Оп. 1. Д. 10. Л. 34. (Дело об отчетности по чебоксарским градским церквам за 1847 г.).

[23] НА ИИМК РАН. Ф. Р-III. Ед. хр. 1711. С. 5. (Метрика для получения верных сведений о древне-православных храмах Божиих, зданиях и художественных предметах).

[24] До настоящего времени Царские врата дошли с некоторыми утратами: не сохранились резное над вратами облачное навершие с исходящим Святым Духом в виде голубя, четыре херувима над головами евангелистов, декоративно оформленные нижний и боковые края. Кроме того, живописные прежде лики покрыты слоем позолоты.

[25] НА ИИМК РАН. Ф. Р-III. Ед. хр. 1711. С. 5.

[26] Некрасов А.И., Некрасова Е.А. Указ. соч. С. 253.

[27] ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 43.

[28] Некрасов А.И., Некрасова Е.А. Указ. соч. С. 251.

[29] ГИА ЧР. Ф. 298. Оп. 1. Д. 72. Л. 90. (Книга входящая Чебоксарского Троицкого монастыря на записку поступаемых от разных присутственных мест и лиц, бумаг на 1825 год).

[30] НА ИИМК РАН. Ф. Р-III. Ед. хр. 1711. С. 5.

[31] Барсов И.М. Бывший Николаевский ... С. 522–523.

[32] ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 48. Л. 11. (Главная и ризничная опись церковного имущества Николаевского собора города Чебоксары. 1923 г. С описи 1892 г.).

[33] Некрасов А.И., Некрасова Е.А. Указ. соч. С. 231.

[34] ОР ГТГ. Ф. 67. Д. 374. Л. 1–2. (Кириков В.О. Дневник и отчет обследования и реставрации памятников древнерусской живописи в Чебоксарах).

[35] ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 13–14.

Глава 3

1. Археологические исследования на месте Николаевского собора и поиски могилы Марии Шестовой

[1] Березина Н.С. О раскопках в городе Чебоксары (пересечение улиц К. Иванова и П. Бондарева) Чувашской Республики в 2013 г. // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2710. Инв. № 9538.

[2] Гусаров Ю.В. Никольский женский монастырь // Чувашская энциклопедия. Т. 3. Чебоксары, 2009. С. 242.

[3] Краснов Ю.А., Каховский В.Ф. Средневековые Чебоксары: Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. М.: Наука, 1979. 192 с.

[4] Смирнов А.П. Волжские булгары. М., 1951. С. 251.

[5] Панова Т.Д. Царство смерти // Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница, 2004. С. 65–88.

2. Антропологические исследования останков из раскопок в городе Чебоксары (предположительно Марии Шестовой)

[1] Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1960. 128 с.

[2] Васильев С.В. Дифференциация плейстоценовых гоминид. М. 1999. 152 с.

[3] Lissauer A. Untersuchungen uber die sagittale Krummung des Ichades bei den Anthropoiden und den verschiedenen Menschenrassen // Arch. Anthropol. 1885. V. 15. P. 9–120.

[4] Topinard P. Elements D'Anthropologie Generale. Paris, 1885. 234 p; Idem. Anthropologia. Historia Natural. Barcelona, 1894. V. 1. P. 208–225.

[5] Klaatsch H. Kraniomorphologie und Kraniotrigonometrie // Arch. Anthropol. N.F. 1909. T. 8. P. 34–49.

[6] Imbelloni J. Introduccion a Nuevos Estudios de Craneotrigonometria // Anales del Musco Nacional de Historia Natural de Buenos Aires. 1921. T. 31. P. 31–94.

[7] Fritot H.R. Craneotrigonometria. La Habana, 1964. 198 p.

[8] Бунак В.В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас // Труды Института этнографии АН СССР. 1959. Т. 59. 284 с.

[9] Гохман И.И. Новая методика вычисления средних контуров краниологических серий // Советская этнография. 1962. № 2. С. 125–130.

[10] Урысон М.И. Соотносительная изменчивость компонентов сагиттального свода черепа у современного и ископаемого человека // Вопросы антропологии. 1970. Вып. 34. С. 76–85; Его же. Изменчивость и пропорции компонентов сагиттального свода черепа у современного и ископаемого человека // Новейшая тектоника, новейшие отложения и человек. М.: Наука,1972. Т. 3. С. 187–199.

[11] Беневоленская Ю.Д. Проблемы этнической краниологии. Л.: Наука,1976. 156 с.

[12] Пинчукова И.М. Опыт исследования краниологических серий методом краниотригонометрии // Вопросы антропологии. 1982. Вып. 70. С. 108–120.

[13] Бунак В.В. Лицевой скелет и факторы, определяющие вариации его строения // Труды Института этнографии АН СССР. 1960. Т. 60. С. 84–152; Aiello L., Dean C. Human evolutiunary anatomy. London, 1990. 608 p.; Pope G.G. Evolution of the zygomaticomaxillary region in the genus Homo and its relevance to the origin of modern humans // J. Human Evolution. 1991. V. 21. P. 189-213.

[14] Васильев С.В. Краниотригонометрия черепов из погребения 2. // Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М.: Научный мир, 2000, С. 249-251.

[15] Васильев С.В., Галеев Р.М. Угловая морфометрия черепов членов семьи императора Николая II и близкой прислуги // Вестник Московского университета. 2014. С. 80–87. (серия 23.: Антропология; № 2).

[16] Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу // Труды Института этнографии. 1955. Т. 28. 303 с. (Новая серия); Зубов А.А. Одонтология : методика антропологических исследований. М., 1968. 200 с.

[17] Зубов А.А. Одонтоглифика : расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974. С. 11–42; Его же. Одонтология : методика антропологических исследований. М., 1968. 200 с; Его же. Методологическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М., 2006. 72 с.

[18] Зубов А. А. Одонтология : методика антропологических исследований. М., 1968. С. 127–128.

[19] Халдеева Н.И. Эпохальная динамика одонтологических признаков в некоторых древних и современных популяциях на территории СССР : автореф. дис. … канд. ист. наук. М.: ИЭ АН СССР, 1969. С. 3–18.

[20] Петрикас А.Ж., Румянцев В.А. Практическая одонтология. М.: Медицинское информ. агентство, 2009. 112 с.

[21] Bass, W. Human Osteology: a Laboratory and Field Manual of the Human Skeleton. University of Missury, 1971, 272 p.; Lovejoy C.O. Dental Wear in the Libben Population: Its Functional Pattern and Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death // American Journal of Physical Anthropology. 1985. V. 68. P. 47–56.

[22] Добряк В.И. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев, 1960. 192 с.; Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963. 153 с.

[23] Мамонова Н.Н. Определение длины костей по их фрагментам // Вопросы антропологии. 1968. Вып. 29. С. 171–177.

[24] Хрисанфова Е.Н. Эволюционная морфология скелета человека. М.: МГУ, 1978. 174 с.

[25] Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М.: МГУ, 1978. 528 с.

[26] Алексеев В.П. Остеометрия. М., 1966. 250 с.

[27] Федосова В.Н. Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным (остеологическая методика) // Вопросы антропологии. 1986. Вып. 76. С. 104–116.

[28] Алексеев В.П. Указ. соч.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Архивные и литературные источники о ссылке Марии Шестовой в Чебоксары, истории Николаевского женского монастыря и Николаевского собора

1. 1601 г., июля 1 – не ранее августа 2. – Из «Дела о ссылке Романовых» 1601–1602 гг. о ссылке и пострижении Марии Шестовой в Чебоксарском Никольском девичьем монастыре

I

1601 г., июля 1. – Наказная память дьякам Афанасию Власьеву и Нечаю Федорову о ссылке и пострижении в монахини в Казанском монастыре в г. Алатыре Марии Шестовой

[С. 36:] Лета 7109 Июля в 1 день, по Государеву Цареву и Великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу, память дияком Офонасью Власьеву да Нечаю Федорову. Бояре приговорили: Федора Романова тещу, Марью Шестово, постричь в Казанском монастыре на Алатаре; и дияком Офонасью Власьеву да Нечаю Федорову велети тещу Романова, Марью Шестово, взяти у Якова Вельяминова и послати в Казанской монастырь на Алатырь, а велети ее постричь. «Диак Елизарей Вылузгин».

Подлинник, подписанный Вылузгиным, на листке.

II

1601 г., июля 3. – Наказная память приставу при Марии Шестовой Якову Вельяминову об условиях содержания опальной в пути и о пострижении ее в Никольском монастыре в г.Чебоксарах

Лета 7109 июля в 3 день, по Государеву Цареву и Великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу, память Якову Вельяминову. Ехати ему в Чебоксар для того: послана с ним в Чебоксар, в Николской в девичь монастырь, Федорова теща Романова, Марья Шестово; и Якову, едучи дорогою, везти ее бережно, чтоб она с дороги не ушла и лиха над собою никоторого не учинила, и того беречи накрепко, чтоб к ней на дороге, на станех никто не приходил и не розговаривал с нею никто ни о чем никоторыми делы; а кто придет к ней и учнет о чем розговаривать, и Якову, того человека роспрося, отписати ко Государю Царю и Великому князю Борису Федоровичу всеа Русии, к Москве, а его посадить в тюрму до Государева Царева и Великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу. А приехав в Чебоксар, вместе со Жданом Зиновьевым, велети тое Федорову тещу Марью в Николском в девиче монастыре игуменье постричи, и приказати игуменье с сестрами накрепко, чтоб ее из монастыря никуды не выпущали, и не приходил бы к ней и не розговаривал с нею никто ни о чем никоторыми делы, и грамоток ни от кого к ней не подносил; а будет кто учнет к ней приходя

розговаривать или грамотками ссылатися, и тех людей велети имати и отводити к приказным людем; а в Чебоксар к приказным людем о том от Государя Царя и Великого князя Бориса Федоровича всеа Русии писано ж. А как тое Федорову тещу Романова в девиче монастыре при нем постригут, и Якову ехати ко Государю Царю и Великому князю Борису Федоровичу всеа Русии, к Москве; а приехав к Москве, явитись ему в Казанском дворце дияком Офонасью Власьеву да Нечаю Федорову.

Черновой отпуск на двух листках со многими помарками. Таковой же отпуск грамоты в Чебоксар, воеводе Ждану Зиновьеву (от 3 июля), писан на листке.

III

1601 г., не ранее августа 2. – Отписка чебоксарского воеводы Ждана Зиновьева о пострижении Марии Шестовой в Никольском монастыре в Чебоксарах

Государю Царю и Великому князю Борису Федоровичу всеа Русии, холоп твой Жданко Зиновьев челом бьет. В нынешнем, государь, во 109 году августа в 2 день, в твоей Государеве Цареве и Великого князя Бориса Федоровича всеа Русии грамоте [С. 37:] писано ко мне, холопу твоему: по твоему Царьскому указу послана с Москвы в Чебоксар, с Яковом с Вельяминовым, Федорова теща Романова Марья Шестово, а велено, Государь, ее в Чебоксари в девиче монастыре постричь; и по твоей Государеве Цареве и Великого князя Бориса Федоровича всеа Русии грамоте Яков Вельяминов и я, холоп твой, тое Федорову тещу Марью в Чебоксари, в Николском девиче монастыре, того же дни, августа в 2 день, Троецкой игумен Ианикей да Николского девича монастыря игуменья Феодосья постригли; а для всякого, Государь, береженья приказал я, холоп твой, тое старицу в девиче монастыре беречи сыну боярскому Миките Трусову, потому что, Государь, в том девиче монастыре слуг нет.

Подлинник, писанный на листке, быв сложен пакетом, имеет на обороте надпись: Государю Царю и Великому князю Борису Федоровичу всеа Русии.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. 1598– 1613. СПб.: В тип. II–го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1841. С. 36–37.

2. 1745 г., июля 21. – Запись в журнале заседаний Чебоксарской воеводской канцелярии о выдаче руги игуменье и монахиням Чебоксарского Николаевского девичьего монастыря

[Л. 48:] По указу ея императорскаго величества Чебоксарская воеводская канцелярия, слушав выписки по доношению Чебоксарскаго Николаевскаго девичья монастыря попа Григорья Андреянова, да игуменьи Марьи с сестрами о даче на церковные потребы им жалованья, в которой написано. – Сего де 1745 году марта 18 дня в поданном в Чебоксарскую воеводскую канцелярию означенных попа Григорья, игуменьи с сестрами доношении написано: в прошлом де [1]741-м[1] году декабря 18 дня по силе присланного из Свияжской правинцыальной канцелярии в Чебоксарскую канцелярию указу выдано им ис Чебоксарской [воеводской] канцелярии на церковные потребы и в жалованье с [1]739 по [1]744[2] год, а на оной [1]744 год и сего [1]745[3] год не выдано; и тем доношением просили, чтоб де им повелено было на церковные потребы и в жалованье на прошлой [1]744 и сего [1]745 годы[4] выдать.

А сего июля 19 дня [1]745 году в указе ея императорскаго величества из Свияжской правинцыальной канцелярии, в котором объявлен указ блаженныя и вечной достойныя памяти ея императорскаго величества государыни императрицы Анны Иоанновны из государственной Штатс-канторы[5] октября 23 дня [1]740 году, в Чебоксарскую воеводскую канцелярию написано. – Велено по сообщенной ис правительствующаго Синода о ружниках ведомости показанные в той ведомости ружником[6] жалованья и наличное число денежное и за хлеб по продажным в тех городех нижним ценам бес передачи, також и на церковные потребы по объявленным окладом на [1]739 и на [1]740-й годы выдать и впредь до сочинения о ружниках штата производить по окончании каждого года безволокитно в тех городех, где кто написан, из не положенных в штатс доходов на щет колегии Экономии[7], а именно: на церковные потребы в Чебоксарскую соборную церковь[8] одиннатцать рублев, в Николаевской девичей монастырь два рубли пятьдесят копеек, в Борисоглебскую церковь[9] тож число; [Л. 48 об.:]

руги Николаевскаго девичья монастыря дву попам по два рубли, дьякону – рубль пятьдесят копеек, дьячку, пономарю, просвирнице – по рублю, игуменье – восемьдесят семь копеек с половиною, дватцати девети старицам – по штидесят по две копейки с половиною старице, итого осмнатцать рублев двенатцать копеек с половиною, им же всем ржи тритцать четвертей[10] четыре четверика[11], овса – тож число, на прошлой на [1]744 год выдать; а на нынешней [1]745 год вышеписанным ружником и на церковные потребы дачею удержать.

А по справке в Чебоксарской воеводской канцелярии на прошлой [1]744 год на церковные потребы ис присланных ис Чебоксарского магистрата, за положением на Адмиралтейство на горячее вино, гривенных денег выдано в том же [1]744-м году в декабре месяце в соборную Веденскую[12] церковь протопопу Василью Иванову одиннатцать рублев, в Борисоглебскую церковь попу Гаврилу Тимофееву – два рубли пятьдесят копеек, а Николаевскаго девичья монастыря на церковные потребы и на жалованье игуменье с сестрами не выдано.

Того ради п р и к а з а л и учинить следующее: 1) по доношению Николаевскаго девичья монастыря попа Григорья Андреянова и игуменьи Марьи с сестрами на церковные потребы и на свечи и на ладон[13], на вино церковное, по силе вышеписанного указу и сообщенной из правительствующаго Синода ведомости на [1]744 год из не положенных на Адмиралтейство и збору[14] в генварской трети[15] сего [1]745 году на горячее вино гривенных денег два рубли пятьдесят копеек денежного жалованья: игуменье одной – восемьдесят семь копеек с половиною, старицам дватцати девети – по штидесят по две копейки с половиною старице, итого осмнатцать рублев двенатцать копеек с половиною; да им же за хлеб по таможенной справке по самой нижней цене деньгами: за рожь за тритцеть четвертей за четыре четверика – шеснатцать рублев сорок семь копеек, за овес за толикое ж число – деветь рублев пятнатцать копеек, всего – сорок семь рублев двенатцать копеек выдать, записав в росход с роспискою. И о выдаче тех денег [Л. 49:] к приходчику[16], канцеляристу Констянтину Капустину послать асигнацыю[17], а в Свияжскую правинцыальную канцелярию о том в месечном репорте велеть оному приходчику объявить имянно, а на нынешней [1]745 год дачею удержать.

2) А показанному того ж монастыря попу Григорью Андреянову с причетники за показанием от Архиерейского духовнаго приказу имеющихся за ними приходских сорока дву дворов в жалованье как денежного, так и хлебного в дачу ничего не производить, ибо по указом во всех низовых[18] городех и в уездех архиереем и протчим с ними домовых их чинов людем и в монастырех черным властям[19] з братьею и игуменияи с сестрами, и в соборы и приходских церквей и пределов протопопам с причетники, и иным ружники, за которыми жилые вотчины[20] или пустые земли и рыбные ловли и перевозы и мостовщины и мельница и лавки или приходские дворы есть, жалованья денежного и хлебного и всякой руги давать не велено. Того ради оному попу с причетники, как и выше показано, что имеют они у себя приходские дворы, за вышепоказанными резоны не выдавать, а игуменье с сестрами в жалованье и на церковные потребы выдать приказали.

Подписи: Прокофей Матюшкин[21] слушал и подписал июля 21 дня 1745 году. Приписной Федор Перепечин.

Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 2. Оп. 1. Д. 36. Л. 48–49. Подлинник.

Примечания и комментарии

[1] Вероятно, описка; по контексту должно быть: «[1]744-м».

[2] В дате последняя цифра «4» исправлена из другой цифры, по-видимому: «1».

[3] Так в документе; возможно, более правильно должно быть: «на сей [1]745 год».

[4] Так в документе; по-видимому, более правильно должно быть: «за прошлый [1]744 и на сей [1]745 годы».

[5] Штатс-контора – одна из финансовых коллегий. Заведовала государственными расходами, выделяла по указанию Сената определенные суммы правительственным учреждениям и должностным лицам.

[6] Правильно: «ружникам». Здесь – монахи и причт монастырей и церквей, которые были основаны по решению государственной власти и, как не имеющие вотчинных владений, получали из казны денежное и натуральное жалованье – ругу.

[7] Коллегия экономии управляла церковными имуществами и сбором податей.

[8] Имеется в виду Введенская церковь.

[9] Приходская церковь в честь святых благоверных князей Бориса и Глеба. Предположительно – предшественница двухэтажной Успенской церкви, построенной в 1763 г.

[10] Четверть – единица объема сыпучих тел, которая в XVIII в. составляла 8 пудов; делилась на две осьмины (получетверти), четыре полуосьмины, восемь четвериков, 64 гарнеца.

[11] Четверик – единица объема сыпучих тел; составлял ¼ осьмины, $^1/_8$ четверти, 8 гарнецов.

[12] То есть: Введенскую.

[13] То есть: ладан.

[14] Так в документе; по-видимому, более правильно: «из сбору».

[15] Генварская треть – календарный период, состоял из первых четырех месяцев года (январь – апрель).

[16] Приходчик – канцелярский служащий, в чьи обязанности входили прием денег и отчетность по ним.

[17] Ассигнация – контракт, по которому одна сторона передает другой по какому-либо мотиву определенную сумму денег, ценные бумаги либо другие ценности.

[18] Низ – географическое понятие в древнерусском языке, обозначающее все Поволжье ниже г. Твери.

[19] То есть: руководителям монастырей.

[20] То есть: земли, населенные крестьянами.

[21] Матюшкин Прокофий Петрович (ок.1689 – после 1756) – чиновник, офицер. В 1714 г. поступил на военную службу солдатом лейб-гвардии Преображенского полка; в 1727 гг. – унтер-офицер, в 1727–1728 гг. – прапорщик, в 1728–1734 гг. – поручик, в 1734–1737 гг. – капитан. Участвовал в русско-турецкой войне 1735–1739 гг. Отставлен от военной службы в 1737 г. В 1740 г. получил чин коллежского асессора. Служил курьером при Кабинете ее императорского величества Екатерины I. В 1738–1740 гг. – царевококшайский воевода, в 1742–1747 гг. – чебоксарский, позднее – ржевский. В 1756 г. отставлен от службы (URL: http://marihistory.ru/2011-01-01-20-08-55/2760-2012-06-10-20-26-15.html <дата обращения: 4.10.2016>).

3. [1764 г.] – Опись Чебоксарского Николаевского женского монастыря, составленная подпоручиком Григорием Яковлевым

Опись, учинённая в силу состоявшагося ея императорскаго величества имянного в прошлом [1]763-м году высочайшаго указу, Чебоксарскому Николаевскому девичю монастырю и всякому строению, кельям и протчему всему, подпорутчиком Григорьем Яковлевым

А имянно:

[Л. 1:] Оной монастырь состоит в городе Чебоксарех близ реки Волги разстоянием от города Казани во ста дватцети пяти верстах, а по каким грамотам построен и сколько тому лет, в том монастыре известия и грамот никаких данных не имеется.

Во оном монастыре одна церковь во имя Владимерские Богоматери. На ней пять глав, четыре крыты зеленою черепицею, пятая – желтою черепицею ж, на них кресты железные позолочены.

К ней приделано два предела. Первой теплой во имя Иоанна Предтечи, второй – Николая Чюдотворца, [оба] покрыты тесом, а паперть пред оным пределом крыта ж железом черным. А деревянных церквей во оном монастыре не имеетца.

В том монастыре колокольня каменная ветхая, вверху на ней главы не имеетца. А вместо её колокола подвешены на деревянных столбах и на них колоколов больших и малых восемь, в том числе: в первом весу двести пуд, во втором сто пуд, а в протчих сколько весу за неимением подписей, не известно.

Во оном монастыре каменных келей не имеетца.

[Л. 1 об.] Деревянного строения:

Настоятельницыных две кельи, каждая о дву [а]партаментах, мерою в них длины з двоими сеньми десяти[1], в ширину – четырех сажень.

Позад[и] их два погреба; первой мерою длины дву, в ширину – одна сажень с половиною, второй длины дву, в ширину одна сажень с половиною ж.

При тех же кельях построен позади ж анбар деревянной, длины одна сажень, ширины тож число, а все оные крыты лубьём[2] и драньем[3].

На том же монастыре у настоятельницы имеетца огород мерою длины в шесть сажен, в ширину тож число. В нем яблонь две.

В том числе монахинских келей 32, каждая об одном покое и с сеньми:
1-я длины и перед нею клед[4] пяти, ширины дву сажен с половиною,
2-я длины трех с половиною, ширины дву сажен с аршином,
3-я длины четырех с половиною, ширины дву сажен с аршином,
4-я длины четырех, ширины две сажени,
5-я длины четырех, ширины две сажени,
6-я длины четырех, ширины две сажени,
7-я длины трех с половиною, ширины дву сажен с половиною,
8-я длины трех, ширины одна сажень с аршином,
9-я длины четырех, ширины две сажени,
10-я длины четырех, ширины две сажени,
[Л. 2:] 11-я длины трех без четверти, ширины дву сажен,
12-я длины трех с аршином, ширины дву без одного аршина сажен,
13-я длины четырех, ширины трех сажен,
14-я длины пять, ширины дву с четвертью,
15-я длины пять с аршином, ширины одна сажень с половиною,
16-я длины пяти с половиною, ширины дву с половиною сажен,
17-я длины пяти, ширины дву с половиною сажен,
18-я длины четырех, ширины без четверти дву сажен,
19-я длины четырех, ширины дву сажен,
20-я длины четырех, ширины дву сажен,
21-я длины пяти, ширины дву сажен,
22-я длины трех, ширины дву сажен,
23-я длины четырех, ширины дву сажен,
24-я длины четырех, ширины дву сажен,
25-я длины пять, ширины дву сажен,
26-я длины четырех с половиною, ширины дву сажен,
27-я длины четырех, ширины дву сажен,
28-я длины пяти, ширины две сажени,
29-я длины четырех, ширины дву с половиною сажен,
30-я длины пяти, ширины дву сажен,
31-я длины пяти, ширины дву сажен,
32-я длины пяти, ширины две сажени.

Все вышеписанные кельи построены собственным живущих в них монахинь коштом и крыты лубьем и драньем.

И при том монастыре могазеин[5], анбаров, погребов не имеетца.

Оной монастырь огорожен со всех четырех сторон рубленым в столбы забором, которого имеетца вкруг всего монастыря сто шездесят шесть сажен.

[Л. 2 об.:] В той ограде имеютца с полуденной стороны святыя ворота створные с прикалиткою под каменною колокольнею, мерою ширины две сажени. Вторые вороты от Волги реки въезжающие, створные, покрыты тесом, без калитки, мерою ширины дву сажен.

За оным же монастырем для посажения про манастырской обиход овощу огород огорожен со всех четырех сторон в столбы забором. Под ним земли длины шеснатцеть, ширины тринатцеть сажен. А загородных дворов и садов как в Санкт-Петербурхе и в Москве и в других городех подворьев, школ, учителей, учеников и богаделен при том манастыре не имеетца.

В том монастыре против древняго установления кому надлежит быть настоятельницею, о том в том монастыре грамот никаких данных не имеетца.

А ныне имеетца налицо: игуменья Александра из великороссиан. А им в год производится из Чебоксарской воеводской канцелярии денежного и хлебного жалованья как игуменье, так и монахинам по указу, а именно:

Игум[ен]ье 87 ½ коп.[6],
казначея Ерофея из великороссиан 62 ½ коп.
Схимонахины:
Катерина из великороссиан 62 ½ коп.,
Мария из великороссиан 62 ½ коп.;
[Л. 3:] Катерина из великороссиан 62 ½ коп.,
Елена из великороссиан 62 ½ коп.,
Онисья из великороссиан 62 ½ коп.,
Маремьяна из великороссиан 62 ½ коп.
Простые монахины:
Элисавета из великороссиан 62 ½ коп.,
Марья из великороссиан 62 ½ коп.,
Огрофена из великороссиан 62 ½ коп.,
Марья из великороссиан 62 ½ коп.,
Матрена из великороссиан 62 ½ коп.,
Ульянея из великороссиан 62 ½ коп.,
Фетинья из великороссиан 62 ½ коп.,
Пелагея из великороссиан 62 ½ коп.,
Вера из великороссиан 62 ½ коп.

Оные монахины рукоделия никакого не имеют, и в послушании при должности ни в какой не определены.

Белица просвирня Настасья Петрова 1 руб.

Да ещё за убылых по штату на двенатцеть стариц, на каждую даетца по шестидесят по две копейки с половиною, коих стариц имеет быть по штату дватцеть девять и с убылыми старицами им производитца ж от показанной же канцелярии денежного и хлебного жалованья итого имеет быть 20 руб.

Им же как игуменье с сестрами, так и священникам оного монастыря даетца хлебного жалованья от оной же канцеляри[и] по справочным ценам [Л. 3 об.:] ежегодно за тритцеть четвертей за четыре четверика за рожь за три четверти за четыре четверика за овес деньгами, которые деньги делят между собою по равным частям.

В том монастыре против древнего установления надлежит быть двум попам, а ныне налицо[7]:
протопоп Яков Иванов 2 руб.,
поп ключарь Афанасей Иванов 2 руб.,
дьякон Григорей Иванов 1 руб. 50 коп.,
дьячек Андрей Сергеев 1 руб.,
понамарь Семен Михайлов 1 руб.

Да сверх вышеписанного выдаетца в церковь на свечи, на ладан, на вино церковное 2 руб. 50 коп.

Итого оным священно- и церковно-служителем жалованья и на церковные потребы денег всего в год выдается 10 руб.

В том монастыре белиц, желающих к пострижению: Авдотья Борисова, Орина Максимова, Татьяна Петрова, Парасковья Матвеева, Авдотья Андреева, Анна Федорова, Марья Дмитриева, Марина Тимофеева, Устинья Михайлова, Анисья Максимова, Парасковья Федорова, Матрена Иванова, Федосья Максимова, [Л. 4:] Анна Федорова, Оксинья Григорьева, Орина Тимофеева, Марфа Яковлева, Анна Григорьева, Матрена Евдокимова, Авдотья Васильева, Марья Иванова, Анна Иванова, Парасковья Софронова, Анна Никифорова, Матрена Петрова.

Итого оных белиц 25. Все оные из великороссиан, а послушания никакого не отправляют и рукоделия не имеют. Оным белицам денежного и хлебного жалованья не производитца, а довольствуютца мирским подаянием.

При том монастыре приказных и всякого звания служителей также и отставных от воинской службы и приписных монастырей и данных вотчин, мельниц, соляных варниц, конских заводов, рыбных ловель, поверстных лесов и заповедных рощей ничего не имеется. А только имеется данных к тому монастырю церковно- и священно-служителям сенных покосов за Волгою рекою на

пятьдесят копен, и те покосы они, священники, для своего скота косят работными людьми своим коштом.

По сей описи собствено мною свидетельствована. Подпорутчик Григорей Яковлев.

А игуменьи в оном монастыре ныне не имеется, находится в Казани.

А сия опись обще сочинением имелась с показания в том манастыре манахини казначеи Ерофеи.

Российский государственный архив древних актов. Ф. 280. Оп. 3. Д. 367. Л. 1–4. Подлинник.

Примечания и комментарии

[1] Возможно чтение: «девяти».

[2] Лубьё – тонкая дранка.

[3] Дранка – тонкая деревянная планка для покрытия крыш и для обрешетки стен под штукатурку.

[4] Вероятно, описка вместо: «клеть».

[5] Магазейн – продуктовый склад.

[6] Здесь и далее цифровые показатели денежного и хлебного содержания монахинь и причта монастырской церкви для удобства издания публикуются не в виде таблицы, а в строку.

[7] Слова: «а ныне налицо» написаны по подчищенному тексту.

4. 1849 г. – Статья Андрея Ивановича Кроковского «Чебоксарский второй Николаевский собор»

[С. 9:] Достойно удивления, что в столь маленьком городке, каков Чебоксары, кроме мужескаго Троицкого монастыря, двух уничтоженных пустыней, одной загородной церкви и семи приходских церквей, находятся еще два собора: первый – Введенский, а другой – Николаевский. Из документов, хранящихся в библиотеках их, видно, что они имели прежде полный причт, как-то: протоиереев, двух священников, диакона и двух причетников*. Судя по малому народонаселению, ничем нельзя объяснить способы их содержания, как одним только богатством и усердием к церквам Божиим бывших граждан. Например, еще в 1784 году при Николаевском соборе были протоиерей, ключарь, диакон и два причетника, тогда как приходских домов значилось только 8**. Ныне же при сем соборе едва может содержаться и один священник с причетниками, хотя число приходских домов простирается уже до 74-х, не включая приписных к нему двух деревень***. Оставляя до времени объяснение причины бо[С. 10:]гатства и упадка жителей г. Чебоксар, ограничиваюсь ныне открытием сведений, кои мог приобрести о втором Чебоксарском Николаевском соборе; так как о Введенском сказано мною нечто в 45 № Казан. губернск. вед. 1848 года[1].

Николаевский собор построен в верхней части города на средине той самой горы, на вершине которой в великолепии красуется Введенский собор. Находясь в 80-ти саженях от оного и в 30-ти саж. от берега реки Волги, сей собор в 12-ти саженях от себя имеет церковь Михайло-Архангельскую. Из церковных ведомостей видно, что Николаевский собор построен в 1753 году, но неизвестно кем****. Старожилы чебоксарские, рассказывая о несметном богатстве здешнего купца Качалина, говорят, что, когда понадобилось железо при построении храма, он приказал брать его не сколько нужно, а сколько угодно. Строители же, вероятно, были люди благоразумные, ибо они воспользовались усердием Качалина как нельзя лучше: кроме того, что для прочности клали связи, где и не следовало бы, они сделали еще железные стропилы на храме. Колокольня же столь много имеет связей, что можно сказать, она почти связана железом*****.

Вопреки обыкновению называть храмы именем тех святых или тех празднований, в память коих они построены, второй чебоксарский собор назван Николаевским, хотя должен бы называться Вла-

*См. метрич. книги Введенского собора за 1800 и прочие годы. (*Здесь и далее подстрочные примечания автора – Ю.Г.*)

**См. ведомость Николаевского собора за 1784-й год.

***По церковной ведомости за 1848-й год значится, что в приходе Николаевского собора в городе 74 двора, в них 111 душ муж[еска] и 157 женска [пола]. В деревнях 41 двор, в них 110 {душ] мужеска и 125 – женска [пола].

****См. клиров[ые] ведом[ости] за 1848-й год.

*****Из того, что Качалин производил сильную оптовую торговлю железом, можно думать, что он был главным продавцем в Чебоксарах нижнетагильского железа г. Демидова в 1753 и 1754 годах. Смотри: Ученые записки императорского Казанского университета, книга II, стр. 41: статья Рябова[2].

димирским, потому что главный храм построен во имя Владимирския Богоматери. Во имя же святителя и чудотворца Николая находится только придел по правую сторону храма, возобновленный бывшим купцом П. Жуковым. В простом же классе народа Николаевский собор называется церковию Предтечи; говорят: «Пойдем ко обедни к Предтече» или: «Я был у Предтечи», ибо во имя св. Иоанна Предтечи устроен по левую сторону храма придел, украшенный бывшим купцом Воденисовым. А из открытых мною документов и надписей видно, что Николаевский собор был прежде женским монастырем. В первый раз, когда я захотел поверить о сем рассказ одного старца, то обращался ко многим особам с просьбою сказать что-либо о прежде бывшей обители, но, к несчастию, любознательность моя не нашла себе удовлетворения. Не останавливаясь, однако ж, в желании поверить истину с преданием, я, испросив согласия у доброго настоятеля сего храма, отца Петра, перебрать церковную библиотеку и пересмотреть вещи, более или менее относящиеся к древности. И труды мои не остались тщетными. Вот результаты моего любопытства.

1. При крайней опасности пожертвовать жизнию, удалось мне разобрать на двух колоколах следующие надписи. На среднем или полиелейном колоколе под титлами написано: «Вылит колокол сей в граде Чебоксаре во обители Усекновения честныя главы Иоанна Предтечи 1757 года майя 5-го дня. Вылил же колокол во сто пуд чебоксарин Котельников». На вседневном же видны сии слова: «Вылит колокол сей в Де[С. 11:]вичь монастырь Усекновения честныя главы августа 20 дня лета от сотворения мира 7202-го[3]».

2. В библиотеке, между служебными книгами, нашел «Пролог» издания 1677 года. Листы его внизу скреплены подписью следующего содержания: «Месяца марта 25-го дня (а года разобрать нет возможности по причине пятна) дала сию книгу «Пролог», Чебоксар города, Никольскаго Девича монастыря игумения Стефанида Петрова дочь по родителех своих освященных, иерее Стефане и схимнице Каллисте, по отце Петре Федорови, а в тот же Николаевск Девичь монастырь при священниках Симоне, сыне Дрогомилове, да при Иоанне сыне Андрееве, да при диаконе Василие Никифорове. А кто сию книгу «Пролог» продаст или заложит, и того человека судит Бог на втором своем пришествии».

3. Под приделом св. Николая сделан в виде подвала погребальный склеп, в коем видны две могилы: одна в уровень с землею – целая, а другая, немного поднявшаяся над поверхностию земли, уже несколько провалилась. Много носилось и носится слухов о сих могилах. Одни говорят, что в них погребены какие-то воеводы; другие рассказывают, что здесь похоронены строители храма. Но мне кажется, вернее допустить можно то, что в сей катакамбе покоится прах тещи Федора Никитича Романова, родоначальника благословенно царствующего императорского дома, дворянки Шестовой.

Когда честолюбивый Борис Годунов, желая упрочить свой престол, приобретенный ценою крови царевича Димитрия, старался о истреблении всех родственников царственного племени, изыскивал к сему всевозможные случаи, в то время нашелся один клеврет Семен Годунов, который, подкупивши казначея Романовых, вручил ему мешок с кореньями и приказал спрятать его в доме дворянина Александра Никитича, а потом уже донести, что господа его хотят ядом отравить царя Годунова. Сего гнусного доноса довольно было для предлога обвинить Романовых в измене. И вот в июне 1601 года в[о] исполнение боярского приговора все семейство Романовых разослано по разным обителям: Феодора Никитича, постриженного и названного Филаретом, в Сийскую Антониеву пустынь; супругу его, Ксению Ивановну, также постриженную и названную Марфою, в один заонежский погост, тещу же Феодорову, дворянку Шестову, в чебоксарский Никольский девичий монастырь, в коем она, вероятно, и скончалась, ибо из истории не видим ея освобождения из монастырского заключения*.

4. От древних времен остались еще следующие вещи: а) Евангелие, изданное при патриархе Иоакиме 1685 года, б) серебряный под золотом, украшенный жемчугом крест с частию древа Креста Христова и мощами разных угодников Божиих, в) серебряная, в 5 фунт. дарохранительница и г) несколько местных и малых икон, низанных жемчугом, что было рукоделием монахинь сей обители.

5. Месяцеслов, изображающий в [С. 12:] лицах угодников Божиих, литографированный на бумаге 1713 года Григорием Тенчадорским[4].

И 6. Сохранилась доска, на коей записано, что в 1710 году был поновлен иконостас.

---

* Смотри: Истор[ия] Рос[сийского] государ[ства] Карамзина, том XI, гл. II, стр. 60 и 61, по издан. И. Эйнерлинга.

Вот все вещи, кои остались от древней обители, которая существовала еще до 1601 года и была известна уже Годунову. Вот все древности, кои время и люди пощадили от истребления и сохранили на память потомков. Нельзя не пожалеть о том, как легко забываются предания о лицах, кои своею участию могли бы служить предметом любопытства историка. Нельзя не соболезновать, как скоро истребляются не только принадлежности какие-либо, но самые здания без всякого о них сказания, каковую участь испытал Никольский девичий монастырь. И, может быть, долго, долго еще в неизвестности скрывалось бы предание о существовании и заточении в нем несчастной узницы, коей могила, равно как и надгробный памятник супруги Меньшиковой[5], схороненной в селе Верхнем Услоне, должны служить замечательнейшими памятниками в Казанской губернии.

В настоящее время невозможно определить места келий и прочих строений Никольского монастыря. По случаю бывших в 1753 и 1775 годах[6] пожаров, в числе прочих церквей сгорел и девичий монастырь, что подтверждает Синодик Покровской церкви сими словами: «1755 года майя 6-го дня посещением Божиим грех ради наших, от живущаго в городе Чебоксар, села Алгашей от крестьянина Петра Крашенинникова последовал великий пожар, что почти весь город огнем пожжен был, все церкви, лавки и монастыри, втораго Никольскаго собора и Благовещенскаго девичьяго монастыря келии, в коих жили монахини. А по исчислении погоревших домов, лавок, келий, богаделен – всего до тысячи с прибавою. А осталась малая часть города сохранна: Лягушкина улица, да около Введенскаго собора, да Винокурская улица по малым частям домов»[7].

А о пожаре 1773 года апреля 30-го дня сказано: «Попущением Божиим бысть пожар в городе Чебоксаре зело силен, от здешняго мещанина Матвея Дмитриева, сына Винокурова, дому от небрежения ево домашних погорело много домов, лавок, анбаров, келиев при церквах а у церквей всех крыши»*. После сих двух пожаров от девичьего Николаевского монастыря остался один каменный пятиглавый**, с отдельною колокольнею храм, который благочестивым усердием здешнего купца Платона Евгр. Милавина обнесен отличною деревянною оградою.

Чебоксарского уездного училища законоучитель, Введенского собора священник Андрей Кроковский.

Газета «Казанские губернские ведомости». Часть неофициальная. 1849. № 2. 10 января. С. 9–12.

Комментарии

[1] Кроковский А.И. Древности Введенского собора // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1848. № 45. 8 ноября. С. 401–404.

[2] Имеется в виду: Рябов И.М. Былина и временность Нижнетагильских заводов, находящихся в Пермской губернии Верхотурского уезда и принадлежащих Г.А. и Н.П. Демидовым // Ученые записки Казанского университета. 1848. Кн. 2. С. 1–58.

[3] 7202 г. – 1694 г.

[4] Опечатка, правильно: «Григорием Тепчегорским».

[5] Меньшикова Дарья Михайловна (1682–1728) – княгиня, жена сподвижника Петра I А.Д. Меньшикова. Вместе с мужем и детьми была отправлена в ссылку в Гнилой Березов в Сибирь. В дороге заболела и 10 мая 1728 г. умерла. Похоронена на кладбище с. Верхний Услон.

[6] Опечатка, правильно: «1758 и 1773 годах».

[7] В Синодик Покровской церкви вкралась ошибка: большой городской пожар в Чебоксарах служился 6 мая 1758 г. (Димитриев В.Д., Селиванова С.А. Чебоксары: очерки истории города XVIII века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 62).

5. 1898 г. – Статья Ивана Михайловича Барсова «Бывший Николаевский девичий монастырь в г. Чебоксарах»

[С. 519:] Память народная не сохранила преданий о существовании в г. Чебоксарах Никольского девичьего монастыря. Старожилы указывают на Благовещенскую церковь, как бывшую когда-то девичьим монастырем. Но, как видно из летописи этой церкви (см. Изв. по Каз. епар. 1888 г. № 24), при ней существовала только община, еще не сформировавшаяся в монастырь, с начальницей во главе. Если эта община и называется иногда монастырём, то уже тогда, когда Никольский монастырь был

*О пожаре 1773 году находится в архиве Чебоксарского магистрата указ Чебоксарской воеводской канцелярии, коим приказывалось произвесть о нём строгое исследование.

**О коем сказано было выше.

упразднен. Немногочисленные местные материалы не дают подробных сведений об истории и жизни этого монастыря, но опубликование их, пока время совсем не истребило их, может внести немного света в местную историю.

Между тем, Никольский монастырь замечателен тем, что в своё время дал приют прародительнице, по женской линии, ныне благополучно царствующего дома Романовых. У Карамзина читаем, что по повелению царя Бориса Годунова бояре Романовы, за якобы умышление на его жизнь, сосланы были в разные места, и, между прочим, теща Феодора Никитича Романова, дворянка Мария Шестова, в Чебоксары, [С. 520:] в Никольский девичий монастырь, в 1601 году. (История Государства Российского Карамзина. Т. XI, гл. 11.) Если сам Феодор Никитич Романов, сосланный в Антониев Сийский монастырь, был пострижен в монахи с именем Филарета, жена его Ксения Ивановна Шестова, сосланная Обонежской пятины в Егорьевский погост, пострижена с именем Марфы (Рус. Паломник, 1888 г. № 35), то с вероятностию можно заключить, что и теща его была пострижена в монахини в Никольском монастыре, где и окончила дни свои. На это есть, хотя и не прямые, но довольно вероятные, местные указания.

В Истории России С. Соловьева то же самое событие изложено так: по доносу на Романовых их отдали под стражу вместе со всеми родственниками их и приятелями – князьями Черкасскими, Шестуновыми, Репниными, Сицкими, Карповыми. Наконец, в июле 1601 года состоялся приговор боярский: Феодора Никитича Романова постригли, и, под именем Филарета, послали в Антониев Сийский монастырь, жену его Ксению Ивановну также постригли и, под именем Марфы, сослали в один из Заонежских погостов, ея мать Шестунову – в Чебоксары в монастырь (Т. III, гл. 2, стр. 734).

Разница в изложении того и другого историка касается только фамилии тестя Феодора Никитича Романова: Шестов или Шестунов? Также: только дворянка, как названа у Карамзина теща Ф.Н. Романова, или княгиня? Вопросы эти могут быть решены только справкой в родословных книгах означенных фамилий: но, принимая во внимание знатность рода Романовых, с вероятностию можно склониться в пользу того мнения, что тёща Феодора Никитича Романова была княгиня Мария Шестунова.

Таким образом является несомненным, что в 1601 году в г. Чебоксарах девичий монастырь уже существовал под именем Николъского. Когда же он основан? Вскоре по завоевании Казани и её царства он не мог быть [С. 521:] построен потому, что край ещё не был умиротворен, в особенности в той местности, где стоят Чебоксары, окружённые со всех сторон инородцами, чувашами и черемисами, очень часто поднимавшими знамя бунта. Хотя история и представляет примеры основания монастырей как опоры воинской силы, но это может быть отнесено к мужским монастырям, а не женским. Хотя в промежуток времени 1553–1557 гг. и построена в г. Чебоксарах крепость, как для обуздания бунтовщиков, так и лучшего надзора над ними, но крепость занята была исключительно стрельцами, людьми бессемейными, поэтому основание монастыря в это время могло быть опасно для него от своих же стрельцов. Крепостью, или вернее острогом, заключался естественный гористый мыс, образуемый с одной стороны течением Волги, с другой – речки Чебоксарки, суживающийся к устью Чебоксарки. Широкое основание этого мыса, начинаясь местом, называемым Ярилом, отграничено рвом до самой Волги. В местности, занимаемой крепостью, ныне стоят: Введенский собор, Михайло-Архангельская церковь, мужской Троицкий монастырь и Вознесенская церковь. Здесь же, близ Михайло-Архангельской церкви, ближе к Волге, построился и Николаевский девичий монастырь, но не ранее 1584 года, когда край начал заселяться русскими поселенцами.

Недолгое время монастырь носил название Николаевского. С 1680 года, а может быть и ранее, он становится известным под именем Иоанно-Предтеченского. В рукописном сказании о явлении чудотворного образа Пресвятыя Богородицы и св. жен Мироносиц, иже в Царевококшайской пустыни, сказано: «Чюдо 36. Града Чебоксар девичья монастыря святаго Иоанна Предтечи старица Марина скорбяще сердечною болезнию и рукама и ногама и во всех костях ея бысть ломота и корчение велие и кричаще всякими гласы скотски и зверски 20[1] лет и проч. Сие чудо бысть в лето [С. 522:] 7188 (1680) августа 26[2] дня»*. На одном колоколе, находящемся на колокольни Николаевского собора, вырезана

* Рукописное сказание, имеющееся у меня, несколько полнее печатного, изданного Мироносицкой пустынью (Казань, 1896 г.), в котором даже не имеется годов того или другого чуда. (*Здесь и далее постраничные примечания автора. – Ю.Г.*)

следующая надпись: «7202 (1694) августа 20[3] (первое слово не разобрано) колокол в Чебоксарь девичь монастырь Усекновения честныя главы святаго Иоанна Предтечи». На другом колоколе – вверху: «Лил сей колокол мастер Чебоксарский Степан Андреев сын Колокольников», внизу: «Вылит колокол сей в городе Чебоксаре во обитель Усекновения главы Иоанна Предтечи (следующее слово не разобрано, нужно думать, что оно изображает «в нём») 100 пуд. Приложил колокол сей Чебоксарский купец Матвей Федорович сын Колокольников». Из всего этого явствует, что название Никольского монастырь уже утратил. Вероятно он был первоначально деревянный и все монастырское здание вместе с церквами, погорело в одном из, пожаров, так часто бывавших и так опустошительно действовавших в Чебоксарах, как это можно видеть, хотя несколько позднее, из Синодика Покровской церкви (Известия по Каз. епархии на 1895 г.).

На месте сгоревшего монастыря воздвигается уже каменный храм с главным престолом во имя Владимирския Божией Матери и приделами: с правой стороны во имя святителя Николая и с левой – во имя усекновения главы св. Иоанна Предтечи. Хотя в клировых ведомостях пишется неопределенно, что храм построен около 1690 года, но с вероятностию можно отнести построение его гораздо ранее, именно к восьмидесятым годам XVII века.

Причины, побудившие построить главный храм во имя Владимирския иконы Божией Матери, можно определить только по догадкам. В то время находилась в монастыре вдова Никиты Григорьевича Болтина, Марфа Осиповна, урожденная [С. 523:] Каховская, имевшая фамильную икону Владимирския Божией Матери, особо чтимую, как в фамилиях Болтиных и Каховских, так, вероятно, и в монастыре. Быв еще частной собственностию, она была поставлена в церкви для общего поклонения, и, пред концом своей жизни, г. Болтина завещала эту икону в полную собственность Николаевского девича монастыря. Самое построение каменного здания церкви, ныне существующей, вероятно не обошлось без участия фамилий Болтиных и Каховских (См. приложение 1).

С правой стороны главного храма придел во имя Святителя и Чудотворца Николая. Он настолько мал, что двадцать человек с трудом в нем могут поместиться, но он замечателен тем, что построен над склепом – единственный храм, имеющий эту особенность. В склеп ведет железная дверь и подле неё маленькое оконце. В подобных склепах под церквами обыкновенно погребались знатные особы. Это и заставляет предполагать, что здесь место упокоения тещи Феодора Никитича Романова, княгини Марии Шестуновой*. Хотя придел этот и перестроен в 1828 г. иждивением чебоксарскаго купца Петра Никифорова Жукова, но, вероятно, с соблюдением всех прежних особенностей.

Имения, принадлежавшие монастырю, неизвестны. В настоящее время Николаевский собор и Михайло-Архангельская церковь владеют 30 десятинами луговой земли за Волгой недалеко от г. Чебоксар: эта земля, несомненно, принадлежала монастырю и перешла по наследию Николаевскому собору по упразднении монастыря. А Михайло-Архангельская церковь владеет долею потому, что священник этой церкви, Иоанн Львов, в 1751 г., будучи переведен к монастырю, в то же время заведовал и Михайло-Архангельскою церковию. Генеральное межевание 1795 года утвердило такое положение навсегда.

[С. 524:] Внутренняя жизнь монастыря, имена игумений, священников, количество сестер и проч. не известны. Известен только конец монастыря из указа Казанской духовной консистории (от 17 сентября 1751 года), сохранившегося в ризнице Воскресенской церкви г. Чебоксар (см. приложение 2). Из этого указа видно, что последняя игумения была Мария, видимо, ревновавшая о строгой жизни и о благолепии и тщательном исполнении Божественной службы, но монастырские священники: Григорий Стефанов, Григорий Андрианов и Афанасий Иванов не только не удовлетворяли её справедливых требований, но и между собою не имели мира и согласия и производили всегдашния шумства. Вследствие чего, по донесению игумении Марии, Преосвященный Лука, епископ Казанский и Свияжский, отрешив тех священников от мест, перевел к монастырю Благовещенской церкви попа Димитрия Афанасьева и от церкви Архистратига Михаила попа Иоанна Львова «которому, будучи при том девиче монастыре и при оной Архангельской церкви, церковные и мирские требы, по бли-

* Нужно заметить, что склеп этот в настоящее время значительно замусорен и почва возвышена; если бы докопаться до материка, может быть, открылись бы несомненные признаки здесь могилы.

зости, исправлять без упущения». Но, к удивлению, монастырь, к концу 1751 или в начале 1752 года, упразднился, и тот же отрешенный от места иерей Афанасий Иванов на одной церковной книге, Октоихе сделал следующую надпись: «Сия глаголемая книга Октоих, города Чебоксар втораго Николаевскаго собора, что девичь монастырь, а писал того ж собора поп Афонасий Иванов своеручно. 1752 г. Февраля 6 дня». Таким образом, монастырь покончил свое существование ранее отобрания монастырских имений в казну в 1764 году, по причинам нам неизвестным, просуществовав около 170 лет, и превратился во второй Николаевский собор. Самое наименование упразднённого монастыря собором указывает на особую честь, которая приличествовала месту сему, как месту упокоения родственницы царствующего дома Романовых, ибо не все упразднённые монастыри переименовывались в соборные церкви, а просто в приходские храмы или погосты.

[С. 525:] Как памятник пребывания в монастыре княгини Шестуновой, можно считать находящееся в Кладбищенской церкви г. Чебоксар изображение св. царевича Димитрия. Это изображение, очень редкое, вероятно, служило ей келейной иконой. Может быть, подобные изображения были и у прочих членов фамилии Романовых, так как одно сходственное изображение св. царевича Димитрия находится в московском Историческом музее и получено из Ярославской губернии, и все относятся к XVII веку. По упразднении монастыря изображение это, как можно предполагать, досталось чебоксарскому купцу Алексею Семенову Арбатову, особенному ревнителю иноческого жития, который старался как о поддержке упраздняемого монастыря, так и о заведении такового при Благовещенской церкви, но, видя бесполезность своих стараний, все свои богатые средства употребил на постройку кладбищенской церкви во имя Нерукотвореннаго Спаса с приделом во имя Алексея человека Божия, освященную 1795 года ноября 28 дня, и повесил упоминаемое изображение в алтаре церкви. Это изображение писано на холсте масляными красками, в деревянной раме, вышиною 6 четвертей, шириною 5 четвертей. Св. царевич изображен во весь рост, в большом царском наряде; в правой руке он держит восьмиконечный крест, а в левой нож и финиковую ветвь, перевитую лентою, на которой надпись: «Праведник яко финик процветет и яко кедр, иже в Ливане умножится». На заднем плане изображение царских теремов, церквей, народа и в соответствующих местах следующий текст, помеченный цифрами:

1) Благочестивый царь Феодор Иоаннович вручает жезл в руку брату своему, благоверному царевичу Димитрию и посылает его в удельный град Углич с рождящею его материю Мариею Федоровною.

2) (Разобрать очень трудно – почти предположительно) Хотяй себе Борис Годунов... други дарами купити [С. 526:] иже теми … их ... указать, как бы царевича Димитрия погубити.

3) Борис Годунов посылает в Углич Василисе Волохове многие дары и еще обещаваяся ей дати большия некия дары, и еще обещаваяся сына ея Данила Волохова велика сана сподобити, да аще царевича Димитрия тайно отравою уморитъ.

4) Василиса Волохова подаваша царевичу Димитрию секретную отраву в питии, святый же невреждан бысть.

5) Возвести же Василиса тайными посланники Борису Годунову, яко царевича Димитрия никакова же вредит отрава, исполнися Борис печали и ярости.

6) Борис Годунов посылает в Углич новыя начальники и градоправители Михаила Битяговскаго да сына ево Данила Битяговскаго, да племянника ево Никиту Качалова, и, усмотря время, небоязненно бы убили царевича Димитрия.

7) (Все слова почти стерлись) ... же совещеваяся.

8) Утаишася трие исковники в тайнем месте, ждуще да сведет Василиса царевича на двор.

9) Василиса же обольсти царицу лестными словами да отпустит царевича на двор, царица же емше ей веру, отпусти царевича.

10) Василиса же ведоша царевича из полат на двор, кормителыница же его не хотяху отпустити, аки ей ведуще, Василиса же едва не нуждею его ведоша.

11) Василиса же сведе царевича Димитрия на двор.

12) Кормительница его с болезнованием последующе.

13) И ту явишася ждуще трие убийцы Никита Качалов, Данило Битяговской, Данило Волохов той и приим царевича от матере своея.

14) Данило же уязви святаго в шею ножем и не угоди перезати ему гортань.

15) Убоявжеся поверг нож и побеже.

[С. 527:] 16) Святый же паде на землю, кормительница же его притече и паде на царевича, нача вопити, Никита же Качалов и Данила Битяговской начаша ея бити, царевича же гортань перезаше.

17) Понамарь виде издалече деемое на дворе царевичеве.

18) Той же понамарь взыде на колокольню, нача в звон бити на сполох.

19) Убийцы же начаша двери колокольныя ломати, хотяху убити в звон ударяющаго, и не можаху отверсти.

20) Убийцы же побегоша вон из града и не познаша, камо бежати, и возвратишася вспять.

21) Граждане же течаху на звон ко двору царевичеву.

22) Царица Мария Феодоровна и вси граждане плакахуся неутешно над царевичевым закланным телом.

23) Убийцы же от граждан камением побиени быша*.

В настоящее время в городе Чебоксарах, на крутом берегу Волги, стоит трехпрестольный каменный храм, официально именуемый вторым Николаевским собором, а в просторечии Предтечею, и рядом же, но ближе к городу, Михайло-Архангельская церковь, уже за ветхостию закрытая, с общею между ними колокольнею. Эта колокольня перестала служить для Михайло-Архангельской церкви только со времени построения при ней теплого храма во имя св. мученицы Параскевы с особой[5] колокольней в начале текущего века. Место это очищено от жилых строений и храм стоит как бы на пустыре. Большая часть жилых строений снесена с горы и построена под горою, по течению речки Чебоксарки. Но для бывшей обители место это представляло особую прелесть: отсюда открывался прекрасный вид на Волгу и заволжские, в то время дремучие, леса. Отсюда [С. 528:] слышен был шум волн, когда буря поднимает их в своем бурном стремлении. Этот шум волн напоминает о том житейском море с его страстями и невзгодами, удаляясь от которого люди искали тихого пристанища и находили таковое в иноческих обителях. Но... та обитель, о которой шла речь, более не существует!

Приложение 1-е

Вкладная грамота или вкладное письмо М. О. Болтиной**

Лета тысяча семь сот четвертаго на десять году, октября в четвертый на десять день. Вдова господина Никитинская жена Григорьева сына Болтина Марфа Осипова дочь, написала вкладную в Чебоксаре Николаевскаго девича Монастыря и отдала по обещанию своему тое обители во церковь Владимирские Богородицы моления своего Образ Богородичен Владимирские, и в вечной поминок по родителех своих отшедших в переселение и в вечный живот, отца своего Осипа Дмитриевича Каховскаго, и матери своей схимонахини Таисии и мужа своего Никиты Григоревича Болтина, и всех своих сродников; а тот вышереченной святой образ и ныне стоит в той святой церкви на налое; устроена (икона) в кивоте створном, штилистовая, обложена, так же и кивот, серебром, венец в оной святыя иконы с коруною, риза вся выкована и поля серебрянные ж и вызолочены чеканные, около коруны и венца, ризы и ручек богородичных и предвечнаго Младенца Господа нашего Иисуса Христа и ножек обложено на серебряной проволоке в одну нить жемчугом; у того ж святаго образа пелена вишневаго бархату, на ней вынизан высоким жемчугом животворящий крест, трость и копие и слова и Адамля глава с подписьми, а около того креста на той же пелене обнизано с четырех сторон [С. 529:] шириною в четыре нити жемчугом же; на киоте, в котором тот образ Богородичен поставлен, в гладь[6] написано: образ Успения Пресвятыя Богородицы. А на створах написаны ж праздники и разных святых образы, и в том киоте по краям обложено серебром и вызолочено; да у той же святой иконы приложены три креста, в том числе один резной из древа с праздниками, обложен серебром и позолочен, и с камениями и с жемчугом; другой крест серебряной позолочен и с сканью[7], и в тех обеих крестах

* В 40 № Каз. губ. ведомостей за 1890 год напечатано извещение об этом изображении, но в таком неправильном виде приведен текст, что теряется всякий смысл[4].

** Из архива Николаевского собора города Чебоксар.

позолочены и с сканью, и в тех обеих крестах положены мощи святых по подписям; третий крест серебреной же вызолочен с сканью ж, без мощей. И тем всем трем крестам быть при том же святом образе, в той святой церкви недвижимо вечно; и до того святаго вышеимянованнаго образа и до крестов и до пелены детям моим Силе, Алексею, Петру и женам их и детям и сродникам моим и никому дела нет и не вступаться. А ежели кто впредь от детей моих, или жен их и детей, и от сродников моих сие мое вкладное письмо нарушит и станет вступаться, и им в том в челобитьи их отказывать, и быть тому святому Богородичну образу с приклады и пелены с жемчугом в той Божией церкви недвижимо, вечно. А за сей мой вышеизложенной вклад, тоя церкви священником, дондеже я, Марфа, буду жить, молить о здравии рода нашего, о мне и о детях моих, а по исходе души моей от тела, поминать вечно, и в сенадик[8] имя мое и родственников моих написать им, священником, и сей моей вкладной быть в вышеписанной Божией церкви и никому ее из церкви не выносить; а буде кто сию мою вкладную дерзнет взять и из церкви вынесть, в том судит Бог. А мою вкладную священником и церковному старосте отдавать впредь кто будет на их места священники и церковные старосты, учиня церковную казну, святым иконам с приклады, книг с росписками.

К сей вкладной Чебоксарскаго Преображенскаго монастыря иеромонах Илия вместо дочери своей духовной [С. 530:] Марфе, Осипове дочери, жены Никиты Болтина, по ее велению руку приложил в том, что она Марфа по обещанию своему и в помянок вечной по родителех своих и сродниках, моления своего святую икону Богородичну в окладе и с прикладом с пеленою и с жемчугом, что есть на ней, в церковь святую девича монастыря отдала вкладу, и тою вкладную отдала при свидетелех. При сей вкладной свидетель Чебоксарской канцелярии подьячей Иван Борисов руку приложил. При сей вкладной чебоксарской посадцкой человек Петр Михайлов сын Арзамасцев во свидетельстве руку приложил. При сей вкладной свидетель Чебоксарской посадцкой человек Лука Федоров сын Синцов руку приложил. Вкладную сию писал в Чебоксарех у крепостных дел подъячей Иван Михайлов.

Приложение 2-е

Копия с указа Каз[анской] консистории от 17 сент. 1751 г.*

Указ ея императорскаго величества самодержицы всероссийской, из Казанской духовной консистории Чебоксарских духовных дел правителю Архимандриту Антонию. Сего 1751 года сентября 9 дня Преосвященному Луке, епископу Казанскому и Свияжскому, Чебоксарскаго Николаевскаго девича монастыря игумения Мария с сестрами доношением того ж монастыря на священников: Григория Стефанова, Григория Андрианова, Афонасия Иванова представляла: оные де священнослужители всегда находятся в слабом житии и лености и во время божественныя службы, кроме чредоваго, прочие священники, уже и в церковь, до чреды своей, не приходят; а и во время де чреды своей употребляют служение непорядочно, чтение и пение производят не единогласно на три голоса или более, полунощницу, шестопсалмие и кафизмы, каноны и стихиры, ектении и прочее и при том же де и [С. 531:] правило свое читают все вдруг, что де не можно ничего предстоящим, и слышать; да и самую де Божественную литургию служат со всяким поспешением богопротивно и весьма с небрежением, совершают по скору; а когда же де в Господские праздники они, священнослужители, и соберутся в церковь Божию и в то де время еще найболее чинят между собою многие раздоры, и, считаяся между собою, ставятся один другаго боле и старше и друг другу не покаряются, и в том де их несогласии всегдашния шумства и всякие непорядки и мятежи у них происходят. А за леностию де своею и за нерачением о церкви святей, облегчевая себя, приглашают для церковнаго послужения и чтения и пения свободных обывательских, неведомо каких людей, коих употребляют за действительных причетников и на них церковные ключи и всякая имеющияся в святей церкви вещи поверяют, отчего де причиняется церкви святей всегда разграбление часто. Сребрянные сосуды и со святых икон приклады и подвесы и всякия церковныя вещи пропадают напрасно и поныне, в чём де уже имеются из оных принятых ими обывательские дети со многими покраденными церковными вещми и пойманы и изобличены, которые де в Чебоксарском магистрате и содержатся; и они де, священнослужители, не взирая на то, и для своей лености и отваги, и ныне со-

* Из архива Воскресенской церкви города Чебоксар.

держат при церкви и допускают до всего, и таковых же товарищев оных свободных обывательских же детей, холостых людей, которые де причиняют в обители многим вдовам и девицам великие пакости у святей церкви, и обители осквернение, в чем уже неоднократно и изобличены, и многие вдовы и девицы за таковые с ними подозрению из обители с наказанием и высланы; а иным де обывательским детям в наказание ничего не учинено; и хотя де от нее, игумении, им священникам всегда о таковых вышеписанных непорядках многократно возпрещение говорено, но они не взирая ни на что, но точию де на то злобствуя на нее, причиняют ей всегда многия, всякими подлыми сло[С. 532:]вами ругательства и обиды; о чем де от нее, игуменьи, и тебе, Архимандриту, неоднократно было о всем объявлено; и по тому ее объявлению с теми священниками и с принятыми их обывательскими детьми за таковыя многие их дерзновенные и непорядочные поступки, ко унятию того, в наказание им никакой резолюции не учинено и от церкви оным не отказано, и тако де они остаются без наказания, отчего де им напред повадно в таковых же скверных поступках отважиться и чинити такое богопротивное дерзновение; и хотя она, игуменья, и много от тех священников обид претерпевала, не утруждая его Преосвященства о том надлежащими жалобами, дабы они могли в совести своей исправиться, но они де в воздержание и смирение нимало не приходят, но в наивящшее устремляются невоздержание и злобу, и остаются в слабости, и требовала, чтоб учинено было пастырское его Преосвященством благоразсмотрение; понеже де от его Преосвященства многими указами о благочинном священно-служителей пребывании всем духовно-управителям, чтоб того наиприлежнейше наблюдали, и подтверждаемо было. Но как из вышеписаннаго от вышереченной игуменьи с сестрами доношения, купно[9] с засвидетельствованием онаго в рукоприкладстве духовнаго иеромонаха Илария, оказуется, что оное его Преосвященства пастырское повеление не токмо вышеписанными священнослужительми, но и самыми закащиками[10] пренебрегаемо; и того ради по указу ея Императорскаго величества и по определению Преосвященнаго Луки, епископа Казанскаго и Свияжскаго велено за вышепоказанные тех священнослужителей безчинства и крайнее безстрашие, и что они не имели исполнять службы божественной с должнейшим благоговением, в тихости, безмятежно, не приводили в соблазн мирских лиц, в порок и безчиние прочим священнослужителям многие раздоры и непорядки должнейшаго между себе почитания, и о церкви святей попечения не имели, всех оных священников, яко творящих дело Божие с небрежением и не радящих о даре, от тоя [С. 533:] церкви отрешить и от всего иерейскаго священнодействия запретить, никого благословлять не дерзать; и о том, призвав их в Чебоксарской духовной приказ и при собрании священства объявить указ с подписками: а на место их определить: Благовещенской церкви попа Димитрия Афонасьева, от церкви Архистратига Михаила попа Иоанна Львова, которому, будучи при том девиче монастыре и при оной Архангельской церкви церковные и мирские требы, по близости исправлять без упущения. А в протопопа во оной девичь монастырь избран и определен будет из здешних священнослужителей. Что де касается до исправления понамарской должности и для присмотру и послужения церкви и олтарю, избрать ей, игумении, из онаго девича монастыря из монашествующих дву девиц, в беззазорном и честном житии пребывающих, коим хранение и чистоту в церкви и олтаре содержать и присмотр иметь с должным рачением, а ключи церковные приносить им к ей, игумении, и о том для ведома и исполнения о переведении означенных священников к церкви в тот девичь монастырь в Чебоксарское духовное правление, и того девича монастыря ко игумении с сестрами послать указ. (О чем сей к тебе и послан). А кто именно из обывательских детей в вышеписанных важных продерзостях, в краже церковных вещей, в оскнернению пребывающих в том монастыре вдовиц и девиц оказались, и для чего и кем точно таковые худаго состояния люди до церкви были допущены к должности церковнослужения поверен и что с ними учинено, о том о всем изследовав обстоятельно в оном в Чебоксарском духовном правлении в самой крайней скорости прислать в консисторию его Преосвященства справедливый ответ; а что вы, архимандрит, имея многие от его Преосвященства о благочинном священнослужителей пребывании указы, оставил таковым безчинным быть без прекращения, и ведая точно о тех непорядках, умолчал, и слышав неоднократные на тех попов приносимые жалобы, никаковаго раз[С. 534:]смотрения и резолюции не учинил, и за то несмотрение и слабое правление взыскать штрафа двадцать рублев, которые прислать тебе в духовную консисторию с первым о

получении указа рапортом, на указной по регламенту срок неотменно; а чтоб и прочие священно и церковнослужители подобно тому никаковых безчинств, и в церкви не единогласнаго пения и чтения отнюдь не производили, и поступали б во всех церковных служб исправлении по чину и уставу церковному со всяким благоговением и с тихостию безмятежно и добропорядочно, и правила б своего с церковною службою разногласно не включали, но по исполнении коегождо вечерняго или утренняго пения правила особь со вниманием слушали, или сами читали, о том о всем, и что касается до церковнаго благочиния и порядков, выписав из священных правил, духовнаго регламента и учиненных его Преосвященства определений к непременному всего того исполнению, ко всем закащиком послать указ, а им закащиком, списав точныя копии и закрепя, раздать во все церкви всем священником с росписками, кои для незабытной памяти велеть наклеить в табличные рамы, содержать при церквах в приличных местах; а буде кто и за сими указами исполнять не будет и явятся в каковых безчинствах, то оные пренебрегатели, равно как и вышеписанные Николаевской церкви священно - служители, от церквей своих со истязанием отрешены будут, и Чебоксарских духовных дел правителю, архимандриту Антонию, учинить о том по сему ея императорскаго величества указу. Сентября 17 дня 1751 года.

Священник Иоанн Барсов

Примечание 1, протоиерея *Е. Малова* (к стр. 3).

Едва ли *Никольский* женский Чебоксарский монастырь с 1680 г, стал называться Иоанно-Предтеченским? *В г. Чебоксарах было два женских монастыря* (см. Известия по Каз. епархии на 1870 г. стр. 631). Один назывался *Никольским*, а Иоанно-Предтеченским назывался, по всей вероятности, *другой* женский Чебоксарский монастырь, независимо от Никольскаго.

Примечание 2, протоиерея *Е. Малова* (к стр. 6).

Чебоксарские два женских монастыря существовали до 1764 г. В это время оба они остались за штатом и были упразднены, а монахини из них с их начальницами переведены на жительство в Свияжский Иоанно-предтеченский девичь монастырь, положенный по Штатам в 3 классе (См. Известия по Каз. епархии на 1870 г., стр. 631). И указ, помещенный во втором приложении, от 17 сентября 1751 г., о закрытии Никольскаго Чебоксарскаго монастыря не говорит, а только об отрешении от этого монастыря одних священно- и церковно-служителей и о замене их другими.

Примечание 3, протоиерея *Е. Малова* (к стр. 6).

Казанский Успенский девичь монастырь, находившийся в городе Казани, упразднен по Штатам в 1764 г. и, как замечает автор *Истории Российской иерархии*, архимандрит Амвросий (Ч. IV, Москва, 1812 г., стр. 321), «обращен в *Успенский Собор* и учрежден при оном протоиерей с священно и церковнослужителями». Но при Успенском казанском девичьем монастыре никакой могилы с важною личностью не было.

Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском императорском университете. Т. 14, вып. 5. Казань, 1898. С. 519-535.

Комментарии

[1] В статье цифра обозначена буквами под титлом.

[2] В статье год и день месяца обозначены буквами под титлом.

[3] В статье год и день месяца обозначены буквами под титлом.

[4] Имеется в виду анонимная статья «Редкая историческая картина», опубликованная в указанном номере газеты (часть неофициальная).

[5] То есть: отдельной.

[6] Гладь – вид вышивки, в которой стежки наносятся на ткань, полностью заполняя гладь полотна.

[7] Скань – ажурный или напаянный на металл узор из проволоки.

[8] Синодик – список или книга с перечислением имен умерших для поминания их душ за упокой во время богослужения или в частной молитве.

[9] Купно – устар.: вместе, совместно.

[10] Заказчик – священник, управлявший заказом – церковным округом в составе епархии.

6. 1890 г. – Из каталога Казанской научно-промышленной выставки 1890 г. о картине «Убиение царевича Димитрия» из Спасской кладбищенской церкви г. Чебоксары

Убиение царевича Димитрия

[С. 48:] В Чебоксарах, в алтаре церкви Нерукотвореннаго Спаса, издавна помещалась большая икона, или, точнее, историческая картина, написанная масляными красками на полотне. На ней во весь рост изображен царевич Дмитрий, держащий в правой руке крест, а в левой посох, обвитый лентой. Затем, вокруг царевича, на картине изображены сцены убиения его в Угличе, с текстом следующего содержания:

«Благоверный Царь Феодор вручил жезл в руки будущему Благоверному Царевичу Димитрию и посылает его в удельный град Углич с его материю Мариею Федоровной».

«Убийцы же побегаша за ним до града и не познаша его мимо бежаша и возвратишася дней через пять».

«Борис Годунов посла в Углич Василисе Волохове многие дары и еще обещавася ей дати большие некие дары и еще обещавася сына ея Данила Волохова велика сана сподобити, да еще Царевича Димитрия тайно отравой уморити».

«Возвести же Василиса тайными посланниками Борису Годунову яко Царевича Димитрия никакова же вредить трава исполнися Борис печали и ярости».

«Борис Годунов посылает в Углич новые начальники и градоправители: Михаила Битяговскаго и сына его Данилу Битяговскаго, да племянника его Никиту Качалова и усмотря время и не боясь убити Царевича Димитрия».

«Возвести же Василиса тайными посланниками Борису Годунову, яко Царевича Димитрия никакова же вредить трава, исполнися Борис печали и ярости».

«Борис Годунов посылает в Углич новые начальники и градоправители: Михаила Битяговскаго и сына его Даниилу Битяговскаго, да племянника его Никиту Качалова и усмотря время и не боясь убити Царевича Димитрия».

[С. 49:] «Василиса же обольсти Царицу лестными словами да отпустить Царевича на двор. Царица емше ей веру отпусти Царевича».

«Василиса же ведоша Царевича из палат на двор, кормительница же его не хотяху отпустити, но Василиса ведуще едва не с нуждою его».

«Утаишися трие исковники в тайне ждуще да сведет Василиса Царевича на двор».

«И ту явишася ждущие трие убийцы Качалов Никита, Данила Битяговский, Данила Волохов, тот и приим Царевича от матерь своя».

«Данило уязви святаго Царевича ножем и не убояшеся пререзати ему гортань».

«Бояшися повер нож и побеже».

«Кормительница же его с болезнованием последующе».

«Святый же паде на землю, кормительница же его прииде и паде на Царевича начала вопити, Никита Качалов и Данила Битяговский начаша ея дути, Царевичу же гортань перерезати».

«Пономарь видя из далеча делаемое на дворе Царице».

«Той же пономарь взыде на колокольню начал в звон бити на скоро».

«Убийцы услыша колокольный звон и хотяху убити в звон ударяющаго и не найдяху отверстии».

«Царица же Мария Федоровна и вси градоначальники плакаху неутешно над царевичевым закланным телом».

«Убийцы же от граждан камением побиени быша».

Откуда и как попала эта картина – в церкви указаний на это нет, но можно догадываться, что она принадлежала теще Федора Никитича Романова, дворянке Марии Шестовой, сосланной в Чебоксары в Никольский девичий монастырь Борисом Годуновым и досталась церкви после неё.

Осокин Н.А. Каталог Казанской научно-промышленной выставки 1890 г., состоящей под покровительством его Императорского высочества государя наследника цесаревича. Историко-этнографическое отделение (научного отдела). 2-е изд., доп. Казань: Тип. Н.А. Ильяшенко, 1890. С. [48-49].

7. 1912 г., декабря 11. – Статья о забытой могиле в склепе Николаевского собора в Чебоксарах, опубликованная в газете «Камско-Волжская речь»[1]

Чебоксары. Забытая историческая могила

В Чебоксарах есть старинная церковь, в просторечии именуемая «Предтечею», а официально – 2-м Николаевским собором. По преданиям, когда-то здесь был Никольский девичий монастырь, но впоследствии монастырь был упразднен и церковь переименована в собор.

Замечателен Никольский монастырь тем, что в своё время дал приют прародительнице по женской линии ныне царствующего Дома Романовых. По свидетельству Карамзина, в 1601 г., по повелению Бориса Годунова, бояре Романовы за якобы умышление на жизнь царя сосланы были в разные места и между прочим тёща Федора Никитича Романова дворянка Мария Шестова – в Чебоксары в Никольский девичий монастырь, где и была, по всей вероятности, пострижена в монахини.

Соловьев[2] подтверждает это свидетельство, только у него тёща Ф.Н. Романова названа не Шестовой, а Шестуновой.

В Николаевском чебоксарском соборе с правой стороны главного храма есть придел во имя св. Николая. Придел настолько мал, что 20 человек с трудом в нём могут поместиться; построен он над склепом – единственный в Чебоксарах храм, имеющий эту особенность. В склеп ведёт железная дверь, и подле неё маленькое оконце. В подобных склепах под церквами обыкновенно погребались знатные особы. Это и заставляет предполагать, что здесь именно находится место упокоения тёщи Федора Никитича Романова Марии Шестуновой (Шестовой). Нужно заметить, что склеп этот в настоящее время значительно замусорен и почва возвышена; если бы докопаться до материка, здесь открылись бы несомненные признаки могилы.

Памятником пребывания в монастыре Марии Шестуновой можно считать находящееся в кладбищенской церкви г. Чебоксар изображение царевича Димитрия, очень редкое, которое, вероятно, служило Марии Шестовой келейной иконою. По упразднении монастыря изображение это, как можно предполагать, досталось чебоксарскому купцу А.С. Арбатову, которым и пожертвовано в построенную им кладбищенскую церковь. Сопоставляя все эти данные, можно придти к тому заключению, что имеющийся под приделом Никольского собора склеп хранит в себе останки прародительницы Дома Романовых Марии Шестуновой. В виду предстоящего 300-летия Дома Романовых не мешает обратить внимание на эту забытую историческую могилу.

Газета «Камско-Волжская речь». 1912. № 275. 11 декабря. С. 3–4.

Комментарии

[1] Перепечатано в: Из периодической печати // Известия по Казанской епархии. 1912. № 47. 15 декабря. С. 1451–1452.
[2] Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) – русский историк.

8. 1913 г., не ранее января 20. – Из летописи Николаевского собора о раскопках, проведенных губернской комиссией по расследованию предания о могиле бабушки царя Михаила Фёдоровича Романова Марии Шестовой[1]

1913 год в жизни прихожан Николаевского собора ознаменовался необыкновенным событием. 19 января граждане града Чебоксар и в частности причт и прихожане Николаевского собора были оповещены о прибытии экстренно начальника Казанской губернии и викария, Казанского архипастыря епископа Чистопольского Анастасия для производства раскопок в склепе Николаевского собора под придельным во имя Св[ятителя] и Чудотворца Николая храмом. Под этим храмом имеется склеп, а в склепе устроен кирпичный пол, а в полу до раскопок под самым алтарем храма устроено было возвышение, этак четверти на две-три над полом из камня в виде надмогильной насыпи или в виде крышки гроба.

По изустному преданию граждан града Чебоксар, а наипаче прихожан Николаевского собора, под храмом в этом склепе должна быть погребена теща боярина Филарета Никитича – бабка с матерней стороны царя Михаила Феодоровича, боярыня Мария Шестова или Шестунова, которая, действи-

тельно, что исторически доказано, была сослана царем Борисом Годуновым в Чебоксарский Предтеченский девичь монастырь – так в старину именовался Николаевский собор, и такое наименование получил впоследствии по упразднении монастыря и превращении монастыря в приходской храм.

19 января вечером в Чебоксары, действительно, прибыли начальник губернии Михаил Васильевич Стрижевский и преосвященнейший Владыко Анастасий; встретить его преосвященство собралось все градское духовенство в покоях о. настоятеля Чебоксарского мужского монастыря[2]. По встрече и принятии благословения Владыко сообщил, что, действительно, цель его приезда, помимо обзора церквей, есть производство раскопок в склепе под Николаевским собором.

20-го января утром Владыко до литургии прибыл в Николаевский собор и, встреченный по архиерейскому чину, в сослужении местного о. благочинного[3], местного священника и других иереев[4] совершил панихиду по боярине-инокине Марии в храме, и литию под храмом в склепе, а затем по благословении Владыки, отправившегося в Введенский собор служить литургию, в присутствии начальника губернии губернским инженером начаты были раскопки склепа.

Действительно, была обнаружена могила и гроб-колода, немного сохранившаяся в изглавии[5]; были найдены женский череп с прекрасно сохранившимися волосами каштанового цвета, заплетенными в две косы и в волосах украшение из слюды в виде бабочки; затем довольно сохранившаяся мантия, чётки, шерстяные грубой выделки чулки, и части башмаков – коты. Все это и несколько сохранившихся костей по освидетельствовании и в присутствии возвратившегося Владыки, начальника губернии, о. благочинного, местного священника, инженера, врача и полицейской власти было опечатано, положено в новый гроб и зарыто. И опять была совершена Владыкой во сослужении местных благочинного и священника панихида, а акт о производстве раскопок и того, что было найдено, с заподписанием всех присутствовавших, передан начальнику губернии для представления на благовоззрение государя императора.

ГИА ЧР. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 48 об.– 49 об. Подлинник.

Комментарии

[1] Автором летописной записи является священник Николаевского собора Евгений Павлович Смирнов (1865–1932).
[2] В 1902–1922 гг. монастырем управлял архимандрит Серафим (Павлиненко).
[3] Благочинным церквей г. Чебоксары являлся Е.М. Агеносов.
[4] Иерей – священник.
[5] То есть: в изголовье гроба.

9. 1913 г., января 21, 28. – Рапорты жандармов о результатах раскопок, проведенных в склепе Николаевского собора г. Чебоксары 20 января 1913 г.

I

1913 г., января 21. – Рапорт унтер-офицера дополнительного штата Казанского губернского жандармского управления (КГЖУ) Дмитрия Кузнецова помощнику начальника КГЖУ в Тетюшском, Свияжском и Чебоксарском уездах ротмистру Кирсанову

Секретно

[Л. 6:] 19 сего января вечером из города Казани в город Чебоксары прибыли господин казанский губернатор с правителем канцелярии господином Даниловым, епископом Чистопольским Анастасием и архитектором господином Андреевым, где 20 сего января по их приказанию были произведены раскопки могил в склепе при церкви под приделом второго Николаевского собора города Чебоксар, где по преданию и записям погребено тело бабушки [Л. 6 об.:] поныне царствующего Дома Романовых инокини[1] Мария из рода Шестуновых, которая была сослана при царе Борисе Годунове в город Чебоксары в монастырь второго Николаевского собора, где и была по смерти погребена.

При раскопке обнаружено в одной из могил женский череп с волосами с плетёной косой и уложенной на голове, а также выкопаны из той же могилы некоторые кости рук и ног и части верхней одежды; всё это найденное[2] в могиле по приказанию губернатора было уложено в ящик, запечатано[3]

и всё оставлено в означенном склепе и покамест приставлен к тому месту караул впредь до особаго распоряжения. Будут ли признаны впоследствии эти части – останк[ам]и усопшей инокини Марии, в настоящее время неизвестно.

Подпись: Унтер-офицер Димитрий Кузнецов.

Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1397. Л. 6-6 об. Подлинник.

II

1913 г., января 28. – Рапорт унтер-офицера дополнительного штата Казанского губернского жандармского управления Лаврентия Степанова начальнику КГЖУ

Секретно

[Л. 10:] 19 января в город Чебоксары изволили прибыть господин Казанский губернатор с правителем канцелярии господином Даниловым, архитектором господином Андреевым и Его Преосвященство епископ Чистопольский Анастасий. После литургии 20 января была произведена раскопка могилы в склепе под приделом церкви 2-го Николаевского собора города Чебоксар, где после смерти были погребены останки инокини Марии, про[Л. 10 об.:]исходящей из рода Шестуновых. Бывшая бабка царя Михаила Федоровича инокиня Мария в город Чебоксары была сослана царем Борисом Годуновым в монастырь, ныне 2-й Николаевский собор, где она и была до дня [своей] смерти. В могиле найден череп с волосами и некоторые кости оконечностей рук и ног. По заключению уездного врача господина [Ф.М.] Елпатьевского волосы на голове каштанового цвета, по черепу и размеру оконечностей рук и ног, покойная прожила до 36 лет, роста до 2 аршинов 6 вершк[ов]. Кроме того, найдена часть мантии шерстяной материи[4] , шолковая лестовка, [чё]тки[5] и чулки черного шолка. Всё найденное по приказанию положено в ящик и запечатано и похоронено в том же склепе, дно и стенки могилы выложены кирпичом по цементу, сверху гроба наложены доски, на последние – ряд кирпича и [всё] залито цементом. На могиле покойной поставлен налой и против могилы иконостас.

Все эти работы производились под личным руководством господина Андреева[6]. В настоящее время у дверей склепа поставлен полицейский пост до особого распоряжения. Что будет предпринято далее, узнать не представилось возможности. О вышеизложенном и доношу Вашему высокоблагородию.

Подпись: Унтер-офицер Лаврентий Степанов.

Там же. Л. 10-10 об. Подлинник.

Примечания и комментарии

[1] В рукописи: «инокиня».

[2] В рукописи: «найденной».

[3] В рукописи: «запечатанное».

[4] В рукописи: «шерстяного материя».

[6] Андреев Николай Матвеевич (1858–?) – губернский инженер Строительного отделения Казанского губернского правления.

10. 1913 г., января 22, 27. – Статьи о раскопках, произведенных комиссией под руководством казанского губернатора Михаила Васильевича Стрижевского 20 января 1913 г. в г. Чебоксары, опубликованные в газете «Казанский телеграф»

I

Казанская хроника. Чебоксары (Телеграмма от нашего корреспондента)

В виду слухов по случаю юбилея Дома Романовых, что в Иоанно-Предтеченской церкви похоронена бабка царя Михаила Федоровича, особая комиссия из казанского губернатора, губернского инженера, епископа Анастасия в воскресенье 20-го января производила исследование гробницы под алтарем. Подробности вскрытия будут сообщены дополнительно.

Газета «Казанский телеграф». 1913. 22 января. С. 3.

II

Историческая могила в г. Чебоксарах[2]

Как было уже сообщено у нас, 20 января комиссия в составе губернатора М.В. Стрижевского, епископа Анастасия, губернского инженера Н.М. Андреева и правителя канцелярии губернатора Н.М. Данилова произвела раскопку в склепе Предтеченской церкви г. Чебоксар, где по преданию была похоронена бабка по женской линии царя Михаила Федоровича княгиня Мария Шестунова; в могиле был обнаружен дубовый гроб-колода и в нём некоторые кости скелета; сохранились волосы каштанового цвета, заплетенные в две косы, монашеская одежда из плотной шерстяной материи, шерстяные чулки и шерстяная нитка, на которой были нанизаны четки, но самые четки истлели. По всей обстановке видно, что здесь похоронена монахиня, очевидно, знатного происхождения. По осмотре останки положены были на старое место и закрыты землей. В приделе над склепом преосвященным Анастасием была отслужена панихида.

Газета «Казанский телеграф». 1913. 27 января. С. 3.

Комментарии

[1] Николаевский собор.

[2] Перепечатано в: Из периодической печати // Известия по Казанской епархии. 1913. № 7. 15 февраля. С. 250.

11. 1913 г., мая 26. – Прошение чебоксарского купца Федора Михайловича Дряблова императору Николаю II о могиле Марии Шестовой в Чебоксарах и с просьбой о поддержке городских храмов и открытии мужского учебного заведения

В Чебоксарах Казанской губ[ернии], при втором Николаевском соборе, бывшем ранее Никольском девичьем монастыре, по преданию похоронена прародительница ныне благополучно царствующего Дома Романовых княгиня Мария Шестова, тёща Федора Никитича Романова. В декабре месяце 1912 года мною было послано письмо ея императорскому высочеству великой княгине Елизавете Феодоровне об имеющейся по преданию в гор. Чебоксарах исторической могиле.

По распоряжению ея императорского высочества было доведено до сведения председателя юбилейного комитета гофмейстера Булыгина[1], которым и было сделано распоряжение г-ну казанскому губернатору о разследовании исторической могилы. Исследованием комиссии в лице казанского губернатора, епископа Анастасия и губернского архитектора факт нахождения могилы подтвердился. Вырыты были кости и череп, на котором хорошо сохранились волосы, заплетенные в две косы, а также сохранились кожаные башмаки и шерстяные чулки, мантия и чётки от прикосновения рассыпались.

Самое нахождение могилы в склепе под престолом небольшого придела, по-видимому, указывает на то, что здесь погребена была высокая особа. Памятником пребывания в Чебоксарах княгини Марии Шестовой может частично служить изображение царевича Дмитрия, видимо, привезенное княгиней с собой в место ссылки, находящееся в настоящее время в алтаре Ново-Спасской церкви в Чебоксарах. Других каких-либо указаний о смерти и погребении княгини Марии нет, так как в бывший в прежнее время громадный пожар[2] сгорело много церквей и других зданий, где и погибли бывшие какие-либо документы.

В настоящее время в городе Чебоксарах с населением около 6 тысяч жителей имеется 13 церквей с двумя монастырями. Вследствие такого непропорционального количества многие из них приходят в упадок, между ними и второй Николаевский собор, место погребения княгини Марии Шестовой, а также и находящийся напротив холодный храм Михаила Архангела, в котором даже и служба не производится.

Все это в совокупности подало мне мысль и смелость, в настоящий исторический момент в празднование 300-летнего юбилея обратится к Вашему императорскому величеству о поддержании этих храмов и других нужд нашего когда-то богатого города, чему доказательством служит обилие св[ятых] храмов. Город в особенности нуждается в мужском среднем учебном заведении, ходатай-

ство о котором несколько лет тому назад было возбуждено Чебоксарской городской думой в соответствующем министерстве.

Верноподданный Вашего императорского величества чебоксарский купец Федор Михайлов Дряблов.

Москва, 26 мая 1913 года.

Жительство имею: временно: Москва, Славянский Базар.

Постоянное: г. Чебоксары, Каз[анской] губ[ернии].

Отметки:

Из Имп[ераторской] гл[авной] кв[артиры][3]. Копия. 4 июня 1913 г.

Его императорскому величеству государю императору Николаю Александровичу.

Канцелярия Его императорского величества по принятию решений. Отделение 2, стол 1. 25 октября 1913 г.

Господину министру народного просвещения.

Имею честь препроводить при сем к Вашему Высокопревосходительству копию всеподданнейшего прошения прожив[ающего] в г. Чебоксарах, Казанской губ. купца Федора Дряблова для дальнейшего направления по вверен[ному] Вам, мил[остивый] госуд[арь], ведомству.

Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 168. Д. 701. Копия.

Комментарии

[1] Булыгин Александр Григорьевич (1851–1914) – государственный деятель. В 1911–1913 гг. – председатель Комитета для устройства празднования трехсотлетия царствования дома Романовых.

[2] Вероятно, речь идет о большом городском пожаре 30 апреля 1773 г.

[3] Императорская Главная квартира – учреждение в составе Военного ведомства Российской империи, состоящее при особе императора для исполнения его личных приказаний или специальных поручений. Образована в 1813 г., упразднена в 1917 г.

12. 1930 г., февраля 18. – Акт осмотра Предтеченской церкви комиссией Чебоксарского городского совета

[Л. 123:] Гор[од] Чебоксары, 1930 г. дня 18-го м-ца февраля. Мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе под председательством члена горсовета тов. Ерашева[1] А.Е. и членов комиссии: инженера Чебгорсовета Иванова, старшего техника Чебгорсовета тов. Федорова, старш[его] милиционера Чебоксарской городской милиции тов. Никифорова, сего числа в присутствии представителя общины верующих Предтеченской церкви С.К. Карпеева на основании выданного удостоверения Чебгорсоветом от 12-го января 1930 г. за № 317 произвели наружный и внутренний осмотр здания Предтеченской церкви, причем оказалось следующее:

1. Храм Предтеченской церкви – кирпичное здание с лотковыми сводчатыми потолками, имеет левый и правый пристрой; точно год постройки не установлен, но, по сведениям, имеет фактическую службу более 300 лет.

2. При осмотре главного здания (холодного храма) оказалось, что штукатурка на стенах и потолке отстала и при оттепели[2] будет отваливаться.

На стенах и в своде имеются вертикальные и горизонтальные сквозные трещины; на левой стене имеется сплошная горизонтальная отдулина[3] вовнутрь храма.

Обнаружена трещина на арке между правой колонной и пелястрой[4] по пяте[5] свода насквозь до щелыги[6], шириною до 1,5 см.

Кирпичный купольный свод выветрился и требует теперь же ремонта. Алтарь – имеется на стенах в разных направлениях сквозные вертикальные трещины, проходящие от фундамента и по своду. С наружной стороны для устранения замеченных разрушений позднее была сложена подпорная стенка, которая также от напора стены в горизонтальном направлении дала трещину и произвела выпучивание на сторону. В правом проходе в алтарь из свода выпали кирпичи и некоторые держатся в кладке только силой трения.

3. Левый пристрой (теплый храм) пристроенный позднее. Год постройки не установлен. На стенах алтаря имеются сквозные трещины, проходящие от фундамента и по своду; левый угол задней стены хотя и был переложен в последние 2–3 года, но имеет вертикальные трещины, проходящие от фундамента и до верха карниза. В задней стене над дверью и в левом углу по своду также имеются трещины. Сводчатый потолок над алтарем просел и может рухнуть. Стропильные ноги односкатной крыши над пристроем теплого храма вышли из гнезд стены на 0,1 метр, т.е. на 30 %. Дымоход и труба, проходящая[7] возле стропил, разрушена и угрожает[8] в пожарном отношении.

4. Холодный храм в задней стене в левом боку имеет сквозные трещины, проходящие от фундамента и вверх по своду, а также и в других направлениях. Открытый навес у холодного храма с правой стороны от нагрузки на него снега и давления ветра может обрушиться в виду ветхости стропил.

Настоящий акт составлен в 2-х экземплярах. Один препровождается для подтверждения [в] УСК ЧАССР[9].

Председатель комиссии, член горсовета *подпись* /Ерошев/.

Инженер Чебгорсовета *подпись* /Иванов/.

Ст[арший] техник *подпись* /Федоров/.

Ст[арший] милиционер *подпись* /Никифоров/.

Представ[итель] общины[10].

[Л. 123 об.:] Заключение: техническое состояние церкви опасно для посещающих церковь верующих, поэтому[11] службу в церкви необходимо прекратить.

Инженер *подпись* /Иванов/.

Помета слева в верхней части Л. 123: Прот[окол] № 45 /м от 22.II.30 г.

ГИА ЧР. Ф. Р–427. Оп. 1. Д. 195. Л. 123–123 об. Подлинник, машинопись.

Примечания и комментарии

[1] В фамилии первая буква «а» вписана от руки.

[2] В рукописи: «отепли».

[3] Отдулина – дефект поверхности, представляющий собой локальную пологую выпуклость, образовавшуюся вследствие местного перегрева металла; здесь – выпуклость кирпичной стены.

[4] Пилястр – столб четырехугольного сечения, плотно примыкающий к стене. Служит для укрепления или украшения стены.

[5] Пята свода – нижняя часть свода, опирающаяся на стену или столб, или верхний камень опоры, на котором покоится свод.

[6] Шелыга – вершина свода или арки.

[7] В рукописи: «проходящия».

[8] Правильно: «разрушены и угрожают».

[9] Управление строительного контроля при Совете народных комиссаров Чувашской АССР.

[10] Далее оторван низ документа, вероятно, с подписью Карпеева.

[11] В рукописи пропуск в слове вместо буквы «э».

13. 1930 г. – Материалы экспедиции научно-исследовательского института археологии и естествознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук[1] под руководством профессора Алексея Ивановича Некрасова по изучению церковного искусства города Чебоксары, относящиеся к Николаевскому собору и его памятникам церковного искусства

I

1930 г. – Из очерка А.И. Некрасова и Е.А. Некрасовой «Художественно-археологические памятники Чебоксар» об истории, архитектуре и живописи Николаевского женского монастыря и Николаевского собора*

* Публикуется с исправлениями по беловой машинописной рукописи очерка, хранящейся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (Отд. II. Ед. хр. 498. Инв. № 1345).

[С. 225:] Как известно, взятию Казани предшествовало якобы добровольное, на самом деле вынужденное и экономически, и военной угрозой, подчинение Москве чуваш, очень страдавших от поборов Казани и надеявшихся на экономические льготы от Москвы. В 1551 г. чуваши были на три года освобождены Москвой от дани. Однако на чуваш пали тяготы казанского похода Ивана Грозного, надежды чуваш не оправдались и в 1552 г. произошло восстание чуваш, окончившееся не в их пользу.

Как результат московской политики, в сердце Чувашии, в их столице Чебоксарах[2], возникла крепость, однако не в котловине, где был расположен чувашский город, а на высоком мысу между Волгой и речкой Чебоксаркой. Мыс этот [тянется] с запада на восток, образуя как бы стрелку. В своей верхней части он получил город-острог с деревянными укреплениями и собором[3] в них. Естественно защищенный с одной стороны крутым берегом Волги, а с другой – столь же крутым р. Чебоксарки, город с запада, откуда напасть на него было легче всего, получил вал, остатки которого могут быть прослежены до сего времени, проходя от Волги переулком позади тюрьмы и поворачивая дугой за собором к Чебоксарке. В общем, между валом и двумя стекающимися реками, образуется крутой высокий сектор, господствующий над окрестностями и над самим чувашским поселением. Таковой топографией характеризуются многие русские древние города, например, Ярославль, Псков и др. Однако город, в собственном смысле слова, т.е. Кремль – укрепление, не занял всего мыса между двумя реками. Спускаясь еще несколько ниже по мысу, был выстроен Никольский монастырь, а еще ниже, почти на самой стрелке, Троицкий [С. 226:] монастырь, оба возникшие в 60-х годах XVI века в качестве форпостов Кремлю. Подобная роль монастырей обычна для ряда древнерусских городов. <…>

[С. 229:] Можайская статуя возникла в начале XIV века и составляет редкость в древнем русском искусстве, почти не знающем мону[С. 230:]ментальной скульптуры. Правда, от статуи XIV в. сохранилась только голова, [но] и по ней можно видеть, что все произведение близко стояло к чувственной реалистической скульптуре Западной Европы. Древнейшие русские реплики Николы Можайского либо имеют ту же черту (Псков), либо приближаются к иконописному шаблону (Мценск-Радовицы).

Совершенно иного характера статуи, распространяющиеся в XVI в. – [в] его середине и второй половине, среди них и Чебоксарская. Находящаяся[4] сейчас в музее, она взята была из часовни Троицкого монастыря, но не в эту часовню, конечно, была прислана в свое время. Ее первичное местоназначение – Никольский Чебоксарский монастырь, упраздненный в 1764 г., а возникший, как мы говорили выше, в XVI в. рядом с Чебоксарским кремлем, несколько ниже его, известный тем, что туда впоследствии была сослана по приказанию Бориса Годунова теща Федора Никитича Романова кн[ягиня] Шестунова.

Статуя в рост человека (188 х 53 [см]), с непомерно большой головой (42 х 19 [см]) и длинной бородой, что совершенно противоречит типу Николая Чудотворца. В правой руке святой держит обнаженный меч, поднятый вверх, в левой – храм или город. Чебоксарская статуя дошла в очень плохом состоянии; меч и храм ее новые, ступни ног исчезли, кое-где статуя склеена[5] холстом во избежание дальнейшего разрушения. Сделана она, кроме рук, из одного куска дерева, сзади выдолбленного для облегчения в весе. Будучи окрашенной первоначально, статуя переписана в XVIII в. <…>

[С. 234:] Прямой путь от Чебоксарского собора – к ратушам и дворцам Петровской эпохи. Подобный же смысл имеют храмы с двумя столбами, весьма редкие вообще, в Чебоксарах же известные в трех экземплярах: Предтеченской церкви[6] 1690-х годов, Михайловской 1702 г. (теперь Чувашцентрархив), [С. 235:] Рождественской 1708 г. (теперь торговые склады). Наличие двух, а не четырех столбов, дает менее сложностей, но более единства и света, для которого достаточно лишь одного светового[7] барабана. Недаром все эти храмы, как и собор, получили стенные росписи, частью уже утерянные (архив). Оставшиеся в целости весьма живописны[8].

Предтеченская церковь заслуживает всемерной охраны. Сохранились планы церкви от 1815 года. Одна ее главка (северного придела) сохранила интереснейшую декоративную деталь, крайне редко встречающуюся – керамическую из поливных плиток чешую. Достаточно сказать, что богатый архитектурой Псков имеет лишь [один] подобный же случай. <…>

[С. 237:] По существу, купеческие Чебоксары, так мало, как мы видели, отразившие дворянское искусство первой половины XVII в., а скоро вышедшие на путь художественной идеологии торгового капитала, все же не обошлись без памятников «нарышкинского» стиля. Когда-то две Михайловские[9] и Предтеченская [церкви] представляли собой один комплекс Николаевского монастыря[10], основанного в XVI веке в качестве одного из городских форпостов (см. выше). Монастырь должен был преграждать доступ в Чебоксарский кремль, и имел две колокольни, ныне снесенные[11] (вместе с одной из Михайловских церквей XVIII в. ?) при планировке Чувашской улицы. Сохранилась лишь сравнительно недавняя фотография монастыря и старинный рисунок (1815 г.) одной из колоколен Предтеченской церкви[12].

Особенность стиля составляет абстракция масс здания. Плоскость стены мыслится лишь как нейтральный фон; пластический смысл перенесен на архитектурные линии, ребра здания, которые получают[13] характер абстрактной схемы, скелета, стены которого, самое большее, вставки из картона. В сильнейшей мере вводится вертикальная координата, относительно которой располагаются симметрично все части. Отсюда получается строгость целого, сдержанность и легкость, при наличии торжественности и нарядности.

Графический момент, но уже не как организующее начало искусства XVI в., и как украшающее[14], весьма существенен. Характерны гребешки по ярусам, на которые строго и стройно распадается[15] здание; они подобны оборкам на платье. <…>

Лучшим памятником «нарышкинского» стиля в Чебоксарах была колокольня Предтеченской церкви, колокольня Михайловских в балюстраде второго яруса имеет отяжеление, показывающее, что стиль готов перейти в свою противоположность и что феодальная реакция на этот раз была недолговечна. Она вернется вместе с рококо. <…>

[С. 244:] Эпоха ожесточенной борьбы и победы торгового и торгово-промышленного капитала, осложненная разделением дворянства на два лагеря – чистого аграрного капитала и аграрно-промышленного, порождает бурный и пышный стиль барокко, представленный в Чебоксарах рядом первоклассных памятников станковой живописи, о которых речь будет ниже. Но в стенной росписи, всегда несколько отстающей в своем развитии, новый стиль представлен памятником несколько более позднего времени, а именно росписью Предтеченской церкви, датируемой 1781 годом. И, тем не менее, он несёт[16] в себе своеобразно претворенные черты позднего барокко. Отвлеченная живописность, декоративность, неустойчивость, невесомость и асимметричность движения (рококо), порожденные реакцией придворного упадочного дворянства, претворены здесь, ассимилировавшим эти формы передовым торгово-промышленным капиталом, в буйную радость жизни, в вихревое движение, где вращаются, переплетаются и тонут все формы и линии. Так задержавшаяся в Чебоксарах экономическая формация дает иное направление формам, принадлежащим в ином месте более поздней экономической формации. Первоначальная изысканность голубого с золотым[17] и увядших бледных тонов превратилась здесь в массивы пышных золотых обрамлений, голубизна – в обилии неба и воздуха, в захват бесконечного пространства. Даже в медальонах со сценами из Апокалипсиса, также, вероятно, заимствованных с книжных иллюстраций в противоположность соборным клеймам, большее внимание уделено не мелким фигуркам, а пейзажу и, особенно, небу. Иллюзорность пространства (натурализм[18] облаков) асимметричность композиций, наперекор конструктивности самого здания, стремятся уничтожить преграды и как бы раздвинуть или пробить давящие стены. <…>

[С. 247:] Окупечившаяся бюрократия стремилась отчасти к увековечиванию себя (в подражание своим западным собратьям), отчасти – к большей телесности и вещности вообще всего изображаемого, своего рода «товарности», даже икон. Отсюда появление так называемого «парсунного» письма – полупортретов, полуикон. Единственный [его] образчик в Чебоксарах – икона Дмитрия царевича – очень типичный и любопытный памятник. Объемный лик с выпученными рыбьими глазами, несмотря на попытку к живописности, не создает реальности. Очень старательно и декоративно передана парча одежды, где все внимание уделено ткани, а не форме. Торжественное позирование нарядного портрета и мелочная, заимствованная и миниатюрная передача отдельных сцен. Отметим архитек-

туру фона – фантастический город западного типа с попыткой передать перспективу при помощи светотени, что является совершенным новшеством. <…>

[С. 248:] Еще более асимметрии и движения в праздниках иконостаса Предтеченской церкви; достаточно сравнить две иконы Сошествия св. Духа в соборе и в Предтеченской церкви; в иконах последней все несколько сдвинуто, даже центральная фигура Богоматери посажена вкось (в 3/4) на пышное рокайльное[19] кресло; апостолы потеряли иератическую[20] неподвижность. Отметим оживленную жестикуляцию рук и, особенно у апостола на переднем плане слева, обнаженную до колена ногу. Тот же мотив мы встречаем в воскрешении Лазаря, где последний, наперекор традиции, изображен не в виде спеленутой мумии, а сидящим в коротком развевающемся одеянии с перекрещенными, опять-таки обнаженными ногами. Но, в общем, основная линия развития чужда как воинственной строгости, так и легкомысленной игривости. <…>

[С. 251:] Проследить историю развития скульптуры на памятниках Чебоксар затруднительно вследствие того, что скульптурные произведения XVII в. до нас не сохранились. Только в одном памятнике XVIII в. мы имеем черты стиля XVII в. Это обломок деревянного резного распятия в Предтеченской церкви. Некоторая припухлость форм говорит за его происхождение в XVIII в., но схематичность построения, линейная расчерченность и сухость трактовки – черты того же консервативного порядка, о котором говорилось выше в связи со станковой живописью.

Из серии голов Иоанна Предтечи отметим одну, [вы]резаную из дерева, хранящуюся в той же церкви и носящую еще более мелочный графический характер. Гораздо полнее и лучше представлена чисто декоративная резьба «нарышкинского стиля». <…> Орнамент, главным образом, растительный – разрезные закрученные листья и виноградные лозы, со слабыми зачатками, так называемого, «утного»[21] орнамента.

Те же элементы, возможно, сохранившиеся от более старого иконостаса, мы имеем в иконостасе Предтеченской церкви. Но гирлянды виноградной лозы, украшающие его пилястры, моделированы много сочнее; кроме того, иконостас украшен фигурной резьбой, по верху растянута многофигурная группа Распятия с предстоящими, а царские врата заполнены: в верхней части сценой Благовещенья, внизу же – симметрично расставленными евангелистами.

[С. 253:] Скульптура имеет примитивно-чувственный характер. Коренастые приземистые фигуры довольно сочно моделированы, но как бы зажаты между двумя параллельными плоскостями, отчего сохраняется общий характер распластанности, несколько разбухший, но пока не способный к движению. <…>

[С. 254:] Чебоксары <…> могут гордиться тремя архитектурными культовыми памятниками[22] с имеющимися в них памятниками скульптуры, живописи и художественной промышленности; мы говорим о соборе и церквах Предтеченской и Воскресенской, особенно важных по своим росписям. <…>

Художественная культура Чувашии: 20-е годы XX века. Чебоксары, ЧГИГН, 2005. С. 225, 226, 229, 234, 237, 244, 245, 247, 248, 251, 253, 254.

II

1930 г., июля 26, 30. – Из рабочего дневника экспедиции по изучению церковного искусства Чебоксар о работах, выполненных в Николаевском соборе

26 июля.

[Л. 120 об.:] Ц[ерковь] Иоанна Предтечи (Никольская) 1690 г., – ул. Чувашская.

Коробовый свод с распалубкой. Два столба, между ними световой барабан.

Роспись XVIII в. (фото и пробы).

Иконостас – резьба и живопись XVIII в. (фото и пробы).

Резные царские врата (фото).

[Икона] Никола XVII в., житие XVIII в. (проба).

В алтаре кресло Елизаветинской эпохи.

[Резная икона] Голова Иоанна Крестителя – дерево.

[Л. 121:] Икона местная Б[ого]м[атерь] Владимирская (проба 2).

Придел Усекновения Главы Иоанна Кр[естителя].

Правый клирос – [Икона] Б[ого]м[атерь] Владимирская с житием, в хорошей басме[23] XVII в. (проба 2).

[Икона] Нерукотворный Спас, записан, м[ожет] б[ыть] XVII в.

В главном храме – местная [икона] Иоанна Предтечи с крылами, записан, но, м[ожет] б[ыть], старый (проба).

Придел Николая [Чудотворца]. Живопись в иконостасе XVIII в. (традиции Ушакова[24]), особенно Николай [Чудотворец] и Спаситель.

[Л. 130:] 30 июля.

Изучение [церкви] Иоанна Предтечи в отношении архитектуры и памятников монументальной и станковой живописи.

Расчистка (частичная) местной ик[оны] Иоанна Крестителя (начало XVII в.), ик[оны] Николая [Чудотворца] (XVI в.).

Фотографии: фресок – северной стены, иконостаса, царских врат, Иоанна Предтечи[25] – скульптура, скульп[турный] крест XVIII в., праздники, пелены[26].

Чувашский национальный музей. Учетный номер ВМ 4483. Папка № 13 (Описание городов Чувашии). Тетрадь I. Л. 120 об., 121, 130.

Примечания и комментарии

[1] РАНИОН в разной форме существовала с 1924 по 1930 г.

[2] В рукописи: «из столицы Чебоксарах». А.И. Некрасов полагал, что г. Чебоксары возник задолго до XIV в. как колония Волжской Болгарии. Писал, что город занимал выгодное торговое положение на Волге. Чувашей, на земле которых расположены Чебоксары, считал потомками волжских болгар (Некрасов А.И., Некрасова Е.А. Художественные памятники Чебоксар // Художественная культура Чувашии, 20-е годы XX века. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 219–220). Его взгляды соответствуют данным исторической науки.

[3] Здесь и далее собором назван Введенский соборный храм.

[4] В рукописи: «находясь».

[5] Так в рукописи. Более правильно: «оклеена».

[6] Здесь и далее Предтеченской церковью назван Николаевский собор.

[7] В публикации ошибочно: «сквозного».

[8] В рукописи: «оставшаяся в целости, весьма живописная».

[9] Церковь Михаила Архангела имела два храма: холодный, Михаила Архангела (1708), и теплый, Пераскевы Пятницы (1758).

[10] Неверно, Михаило-Архангельская церковь являлась приходским храмом Чебоксарского посада.

[11] Церковь Пераскевы Пятницы разобрана вместе с колокольней в 1927 г. В 1929 г. при планировке ул. Чувашской (переименована из Соборной в 1926 г.; ныне ул. Константина Иванова) была разобрана колокольня Николаевского собора, как мешающая движению.

[12] В рукописи: «одной из колоколен, в Предтеченской церкви».

[13] В рукописи: «которое получает».

[14] В публикации: «укрощающее».

[15] В рукописи: «разлагается».

[16] В рукописи: «носит».

[17] В рукописи: «золотом».

[18] В рукописи: «натурализме».

[19] Рокайль – главный элемент орнамента стиля рококо, напоминающий форму завитка морской раковины.

[20] Иератизм – характерная для изобразительного искусства древнего мира и Средневековья трактовка изображения человеческих фигур и лиц. Основой иератизма являются религиозно и канонически обусловленные правила в живописи, подразумевающие строго фронтальное изображение человеческой фигуры, неподвижный взгляд, отрешенное спокойствие лица и т. п.

[21] Так в рукописи. Содержание термина не выяснено.

[22] В рукописи: «памятниками культовыми».

[23] Басма – один из видов техники тиснения рельефных рисунков с помощью специальных матриц – басманных досок. Басмой также называют тонкие металлические или кожаные листы с выбитым таким способом узором.

[24] Ушаков Симон (Пимен) Федорович (1626–1686) – известный русский живописец и график.

[25] Название скульптуры зачеркнуто.

[26] Пелена – плат, который подвешивался под иконы нижнего ряда иконостаса, а также под особо чтимые иконы, стоявшие в храме на отдельном постаменте или в киоте.

14. 1936 г., мая 8. – Газетная заметка корреспондента Никифорова о находке погребения при разборке фундамента Николаевского собора

Хроника

Рабочие строители при разборке фундамента Предтеченской церкви (на берегу Волги) на глубине полутора метра нашли замурованный в стену, выдолбленный из дуба гроб. При вскрытии гроба там обнаружены остатки платья и волосы. Предполагают, что гроб был замурован при закладке фундамента церкви.

Никифоров.

Газета «Красная Чувашия». 1936. 8 мая. С. 4.

Подготовил *Ю.В. Гусаров.*

ЛИТЕРАТУРА О МАРИИ ШЕСТОВОЙ, ИСТОРИИ НИКОЛАЕВСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ И НИКОЛАЕВСКОГО СОБОРА ГОРОДА ЧЕБОКСАРЫ

Книги

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб.: В тип. II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1841. С. 36–37.
2. Амвросий (Орнатскй А.А.). История Российской иерархии. Ч. 6. М.: Синод. тип., 1815. С. 653.
3. Безчинский А.Я. Путеводитель по Волге. М.: Типолитогр. т-ва «И.Н. Кушнерев и Комп.», 1903. С. 188.
4. Безчинский А.Я. Путеводитель по Волге. 2-е изд. М.: Типолитогр. т-ва «И.Н. Кушнерев и Комп.», 1904. С. 188.
5. Богословский Г.К. Справочная книга для Казанской епархии. Сведения о церквах, приходах, прихожанах, штатах причтов, наличном составе их, средствах содержания, школах и пр.; краткие исторические сведения о монастырях, чудотворных и местночтимых иконах и крестных ходах в Казанской епархии. Казань: Типолитогр. Император. ун-та, 1900. С. 553–554.
6. Браславский Л.Ю. Православные храмы Чувашии: справ. изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. С. 48, 179–180.
7. Браславский Л.Ю. Храмы, приходы и монастыри Чебоксарской и Чувашской епархии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. С. 14.
8. Географическое описание реки Волги от Твери до Дмитревска для путешествия ея Императорского Величества по оной реке. СПб.: при Императ. академии наук, 1767. [С. 10].
9. Городские поселения в Российской империи. Т. 2. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1861. С. 326.
10. Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX в.) Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 448.
11. Димитриев В.Д. Чебоксары : очерки истории города конца XIII–XVII веков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. С. 38–39, 68–69, 148, 151–153.
12. Димитриев В.Д., Селиванова С.А. Чебоксары : очерки истории города XVIII века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 128, 141.
13. Димитриев В.Д. Дореволюционное прошлое города Чебоксар: (К 500-летию города). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. С. 6.
14. Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 2. Монастыри по штатам 1764, 1785 и 1795 годов. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1892. С. 219.
15. Иванов Е.А. Старые Чебоксары: памятники деревянного и каменного зодчества XVI–XX веков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. С. 37–38, 53.
16. Иванов Е.А. Старые Чебоксары: памятники деревянного и каменного зодчества XVI–XX веков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. С. 37–38, 53.
17. Иванов-Ехвет А.И. По следам находок. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977. С. 85.

18. Иванчин-Писарев Д.Н. Утро в Новоспасском. М.: Тип. А. Семена, 1841. С. 72–73.
19. История родов русского дворянства: в 2 кн. / авт.-сост. П.Н. Петров. М.: Современник: Лексика, 1991. Кн. 1. С. 172.
20. Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания пятого, выпущенного в трёх книгах с приложением «Ключа» П.М. Строева. М.: Книга, 1989. Кн. 3, т. 11. Стб. 61.
21. Каховский В.Ф. Памятники материальной культуры Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 105.
22. Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства [1727 г.]. М.: Наука, 1977. С. 221.
23. Максимович Л.М. Новый и полный географический словарь Российского государства. Ч. 6. М.: в университетской тип., у Н. Новикова, 1789. С. 197.
24. Можаров Г.Г., Никитин А.С. Памятные места и достопримечательности города Чебоксары и Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. С. 159–160.
25. Козлов Ф.Н. Голод 1921–1922 годов и изъятие церковных ценностей в Чувашии. Чебоксары: Новое время, 2011. С. 84.
26. Кугураков И.К., Ткаченко В.Г. Древний центр города. Западный косогор: схема-путеводитель. Чебоксары: [б.и.], 1997. С. 6, 15. (Памятные места Чебоксар).
27. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. 2. Изд. 2-е. СПб.: изд. А.С. Суворина, 1895. С. 392–393.
28. Монастырский С.И. Иллюстрированный спутник по Волге в 3-х частях с картой Волги : историко-статистический очерк и справочный указатель. Казань: Типолитогр. Ключникова, 1884. [Ч. 2]. С. 88.
29. Мордвинова А.И. Церковное искусство Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. С. 29, 45–46, 50–52, 68, 117.
30. Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Волге, с приложением: алфавита, десяти карт, шести планов, расписания рейсов волжских пароходов и тарифов. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1902. С. 165.
31. Муратов Н.И. Объекты культурного наследия Чувашии: каталог. Кн. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 11, 15.
32. Нейгардт П.П. Путеводитель по Волге. СПб.: в тип. В. Безобразова и Комп., 1862. С. 82–83.
33. Никитин А.С. Чебоксарская старина. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ин-та туризма и сервиса, 1997. С. 33. (Из серии «Память Чувашии»).
34. Никитин А.С. Мир чувашский. Чебоксары: Филиал С.-Петерб. гос. инженерно-экономич. ун-та – Институт туризма и сервиса, 2003. С. 473, 478–479, 506, 528–529, 588, 601– 603, 622.
35. Орлов А.П. Опись городских поселений Казанской губернии. Вып. 1. Казань: Тип. губернского правления, 1885. С. 80.
36. Осокин Н.А. Каталог Казанской научно-промышленной выставки 1890 г., состоящей под покровительством его императорского высочества государя наследника цесаревича. Историко-этнографическое отделение (научного отдела). 2-е изд., доп. Казань: Тип. Н.А. Ильяшенко, 1890. С. 13, [48, 49].
37. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской академией наук. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824. С. 178.
38. Приволжские города и селения в Казанской губернии. Казань: Тип. губернского правления, 1892. С. 46–47.
39. Размадзе А.С. Волга от Нижнего Новгорода до Астрахани. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1896. С. 37.
40. Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М.: в университетской тип., 1852. С. 108.
41. Россия : полное и географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье / под ред. В.П. Семёнова. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1901. С. 302–303.
42. Семёнов П.П. Географо-статистический словарь Российской империи. Т. 5. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1885. С. 600.
43. Сидоров В.М. По России : путевые заметки и впечатления. Т. 1. Волга : от Валдая до Каспия. СПб.: Тип. А. Катанского и Комп., 1894. С. 196.

44. Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 28.
45. Смирнов В.А. Светильник разума : К 140-летию Симбирской чувашской школы. М.: [б.и.], 2011. С. 500–506.
46. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. 2-е изд. Кн. 2, т. 8. СПб.: Изд-во т-ва «Общественная польза», 1896. Стб. 734.
47. Спасский Н.А. Очерки по родиноведению. Казанская губерния. Изд. 2-е, испр. и доп. Казань: Типолитогр. Император. ун-та, 1912. С. 157, 159.
48. Спасский Н.А. Благословенный дом Романовых и участие Казанского края в избрании боярина Михаила Федоровича Романова на Московское государство. Казань: Изд. редакции Циркуляра при Управлении Казанского учебного округа, 1913. С. 61–62.
49. Справочная книга Казанской епархии. Казань: Тип. А.М. Петрова, 1904. С. 534–535.
50. Справочная книга Казанской епархии Казань, 1909. С. 556–557.
51. Спутник по Казани : иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города // под ред. проф. Н.П. Загоскина. Казань: Типолитогр. Император. ун-та, 1895. С. 253.
52. [Стафенгаген И.И., Гандини Ф.] Географическое описание реки Волги от Твери до Дмитревска для путешествия Ея Императорскаго Величества по оной реке. [СПб.]: Тип. при Императ. академии наук, 1767. [С. 10].
53. Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877. Стб. 307, 308.
54. Студенецкий А.Н. Знакомьтесь: Чебоксары… Изд. 4-е, перераб. и доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1973. С. 11.
55. Терентьев А.И. Чебоксары и чебоксарцы: записки краеведа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. С. 130–131.
56. Терентьев А.И. Чебоксары и чебоксарцы: записки краеведа. Изд. 3-е, доп. и перераб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. С. 145–146.
57. Трифонова З.А. Города Чувашии: книга-альбом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. С. 27.
58. Чебоксары: исторический очерк / Бойко И.И. [и др.]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. С. 34, 40, 59, 72, 93 – 94, 129, 193.

Статьи

1. Анастасий (Александров А.И.). Инокиня Мария, бабушка царя Михаила Федоровича Романова // Православный собеседник. 1913. Март. С. 360 - 370.
2. Антонов И. Археологи углубились в историю Чебоксар : откроет ли свои тайны усыпальница? // Советская Чувашия. 2013. 19 сентября.
3. Барсов И.М. Бывший Николаевский девичий монастырь в г.Чебоксарах // ИОАИЭ. Казань, 1898. Т. 14, вып. 5. С. 519 - 535.
4. Барсов И.М. Летопись Благовещенской церкви города Чебоксары // Известия по Казанской епархии. 1888. 15 декабря. С. 543, 556.
5. Березина Н.С. Археологические исследования на месте Никольского собора и поиск могилы Марии Шестовой // Альманах Чебоксарского Свято-Троицкого православного мужского монастыря. Специальный выпуск. 2015. Май. С. 20–24.
6. Бодрова О. По городскому маршруту : вчера в рамках единого информационного дня Глава Чувашии Михаил Игнатьев посетил ряд чебоксарских объектов // Чебоксарские новости. 2013. 19 сентября.
7. Бодрова О. Историю не переписывают, историю воссоздают [О результатах антропологического изучения останков, найденных при раскопках Николаевского собора в 2013 г.] // Чебоксарские новости. 2014. 10 июля.
8. Борисов А. Симфония власти и духовенства // Грани. 2013. 12 ноября.
9. Васильев Л. В ожидании своего часа чебоксарская старина хранит немало тайн [О прошедшей в Чебоксарах Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 400-летию династии дома Романовых] // Советская Чувашия. 2013. 10 апреля.

10. Васильев Л. О кирпичной кладке под клумбой [О начале работы археологической экспедиции Чувашского государственного института гуманитарных наук на территории бывшего Николаевского женского монастыря в г. Чебоксары] // Советская Чувашия. 2013. 28 августа.
11. Волков Л., Сергеева О., Валицкая К., Донсков Д. Помнить историю – понимать будущее : какое значение имеют идущие в Чебоксарах археологические раскопки для города, для республики, для истории в целом? (рубрика «Опрос недели») // Советская Чувашия. 2013. 5 октября.
12. Выйкин С.И. Архивные документы и раритетные издания по истории династии Романовых в Государственном историческом архиве Чувашской Республики : опубликовано 21 ноября 2011. URL: http://www.gia.archives21.ru/novelty.aspx?id=123.
13. Галеева Г. А была ли бабушка? Сенсационная находка в Чебоксарах // АИФ-Чувашия. 2013. 9–15 октября.
14. Герасимова О. Прикоснуться к древности // Ульяновец. 2013. 12 сентября.
15. Город Чебоксары: его святыни, монастыри, храмы и достопримечательности // Известия по Казанской епархии. 1906. 22 мая. С. 629–632; 1 июня. С. 656–657.
16. Гусаров Ю.В. Церковные раскопки 1913 г., или О могиле бабушки царя Михаила Фёдоровича в Чебоксарах // Чебоксарские новости. 2001. 24, 25, 28 августа.
17. Гусаров Ю.В. Загадка, которой 400 лет (О могиле бабушки царя Михаила Федоровича Романова в Чебоксарах) // Альманах Чебоксарского Свято-Троицкого мужского монастыря. Вып. 4. 2013. Февраль. С. 6–9.
18. Гусаров Ю.В. Никольский женский монастырь // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 242.
19. Гусаров Ю.В. Шестова Мария // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 623.
20. Гусаров Ю.В. Народное гуляние, фейерверк, парад… Так отметили в Чебоксарах юбилей царской династии в 1913 году // Республика. 2013. 14 июня.
21. Гусаров Ю.В. Как в Чебоксарах праздновали 300-летие царствования династии Романовых // Альманах [Чебоксарского Свято-Троицкого мужского монастыря], посвящённый 20-летию возрождения Чебоксарского Свято-Троицкого православного мужского монастыря. 2013. Вып. 5. Июль. С. 23–25.
22. Гусаров Ю.В. «Сердечно всех благодарю» : в Чебоксарах юбилей царской династии отметили «торжественно и всенародно» // Советская Чувашия. 2014. 14 января.
23. Гусаров Ю.В., Чибис А.А. Памятная обитель: к 430-летию Чебоксарского Николаевского женского монастыря // Альманах Чебоксарского Свято-Троицкого мужского монастыря. 2014. Вып. 7. Август. С. 15–19.
24. Гусаров Ю.В. Опальная старица Смутного времени // Альманах Чебоксарского Свято-Троицкого православного мужского монастыря. Специальный выпуск. 2015. Май. С. 6–11.
25. Гусаров Ю.В. О раскопках «забытой исторической могилы» в Чебоксарах в 1913 году // Там же. С. 12–19.
26. Гусаров Ю.В. Неизвестная Мария Шестова // Советская Чувашия. 2016. 20 апреля. С. 4.
27. Деменцова Р. Сколько лет Чебоксарам? [Интервью с заведующим истории Чувашского государственного института гуманитарных наук Ю.В. Гусаровым] // Почтовый экспресс. 2013. № 47. 20–26 ноября. С. 1–2.
28. Димитриев В.Д. Документы по истории города Чебоксар XVII–XVШ веков // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 21. Чебоксары, 1962. С. 314.
29. Долгов В. Утраченная музыка церквей // Советская Чувашия. 1998. 21 января.
30. Егоров А. Гибнет уникальная картина [О состоянии иконы «Житие царевича Дмитрия», находящейся в церкви Рождества Христова г. Чебоксары] // Ведомости Чувашской Республики. 2000. № 30. 1–7 августа. С. 6.
31. Егоров А. Это может быть Мария Шестова : но точный ответ даст только экспертиза [О визите в Чебоксары группы ученых из Института этнологии и антропологии РАН и перспективах изучения материалов археологической экспедиции в г. Чебоксары в 2013 г.] // Советская Чувашия. 2013. 17 декабря.
32. Егоров М. Дань истории // Чебоксарские новости. 2012. 13 октября.

33. Егоров А. История и современность дома Романовых : в Чувашии с официальным визитом побывала глава Российского императорского дома великая княгиня Мария Владимировна // Советская Чувашия. 2013. 12 ноября.
34. Ефимов Л.А. По следам находок // Альманах Чебоксарского Свято-Троицкого мужского монастыря: В память 400-летия воцарения дома Романовых. 2013. Вып. 4. Февраль. С. 10–11.
35. Замечательные селения по Волге в пределах Казанской губернии // Памятная книга Казанской губернии на 1868/69 год. Казань: в губернской тип., 1868. Отд. 3. С. 15.
36. Иванов В. На три дня в Чувашии // МК в Чебоксарах. 2013. 9–16 октября. С. 2.
37. Иванова Н. Забытые храмы Чебоксар [О Никольском соборе и Покровской церкви г. Чебоксар] // Родники Чувашии. 2005. 1 декабря.
38. Из дома Романовых // Чебоксарские новости. 2013. 7 ноября.
39. Из периодической печати [О работе комиссии по проверке предания о могиле М. Шестовой в Чебоксарах] // Известия по Казанской епархии. 1913. 15 февраля. С. 250.
40. Историческая могила в г. Чебоксары [О раскопках 20 января 1913 г. в склепе Николаевского собора в Чебоксарах] // Казанский телеграф. 1913. 27 января. (Перепечатано в: Известия по Казанской епархии за 1913 г. № 7. С. 250)
41. Казанцева А. Бабушка и внук на фоне монастыря : Образы прошлого ожили в песчаной скульптуре [О песчаной скульптуре в память Марии Шестовой на месте археологических раскопок в сквере К. Иванова г. Чебоксары, созданной А. Молоковым] // Советская Чувашия. 2013. 14 ноября.
42. Казанцева А. Загадки Никольского монастыря : Археологи землю роют, чтобы в них разобраться [О начавшихся раскопках на месте бывшего Николаевского монастыря в г. Чебоксары археологической экспедиции Чувашского государственного института гуманитарных наук] // Советская Чувашия. 2013. 3 сентября.
43. Казанцева А. Раскопки законсервировали на зиму // Советская Чувашия. 2013. 8 ноября.
44. Казанцева А. О тайне древней усыпальницы : в столице Чувашии ожидают представителя дома Романовых, чтобы решить судьбу обнаруженной археологами гробницы // Советская Чувашия. 2013. 25 сентября.
45. Карачарскова М.А. Каменная летопись Чебоксар // Лик Чувашии. 1994. № 4. С. 123–126.
46. Кириллова Р.С. Игумен Василий (Паскье) : «Я человек без комплексов» [Беседа с настоятелем Чебоксарского Свято-Троицкого монастыря о. Василием (Паскье), в том числе о планах общественного совета при наместнике монастыря и фонда «Премия» по строительству часовни в память Марии Шестовой] // Советская Чувашия. 2010. 1 июля. С. 5.
47. Кириллова Е. Царева бабушка // МК в Чебоксарах. 2012. 25 января – 1 февраля. С. 8.
48. Кириллова Р.С. Место для часовни найдено [Об истории работы над проектом часовни в память М. Шестовой в Чебоксарах] // Советская Чувашия. 2012. 17 октября.
49. Кириллова Р.С. В сквере может появиться собор [О планах восстановления Николаевского собора] // Советская Чувашия. 2013. 5 октября.
50. Кириллова Р.С. Версия о бабушке царя подтверждена [О результатах антропологической экспертизы останков, обнаруженных при раскопках на территории бывшего женского Николаевского монастыря и перспективах продолжения археологических раскопок] // Советская Чувашия. 2014. 7 июля.
51. Кирова А. Великая княгиня провела в Чувашии 4 дня // Pro Город. 2013. 16 ноября.
52. Ключевская Е.П. О праздновании 300-летия дома Романовых в г. Чебоксары в 1913 году (по документам Национального архива Республики Татарстан) // Особенности развития российской государственности: исторический опыт и перспективы (к 400-летию воцарения династии Романовых): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Чебоксары, 28 февраля 2013 г.). Чебоксары, 2013. С. 144–145.
53. Козлов Ф.Н. Николаевский собор // Чебоксарские новости. 2009. 6 октября.
54. Козлов Ф.Н. Картины в храме [О Спасской кладбищенской церкви г. Чебоксары и находившейся в ней картине о жизни царевича Димитрия, которая предположительно принадлежала сосланной в Чебоксары М. Шестовой] // Чебоксарские новости. 2009. 29 сентября.
55. Коновалова А. Идут поиски склепа бабушки царя // Pro Город. 2013. 3 августа.

56. Корсакова В.Д. К.И. Романова-Юрьева // Русский биографический словарь. Т. 17. Романова – Рясовский. Пг.: Тип. акционерного об-ва «Кадима», 1918. С. 1.
57. Кроковский А.И. Чебоксарский, второй, Николаевский собор // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1849. № 2. 10 января. С. 9–12.
58. Кузин А. Загадка саркофага : В столице Чувашии обнаружили останки бабушки царя Михаила Романова // Российская газета. Казань. 2013. 10 октября. С. 19.
59. Кузин А. Княжеский визит // Российская газета. Казань. 2013. 14 ноября. С. 20.
60. Кузин А. Тайна царя Михаила // Российская газета. Казань. 2014. 17 июля. С. 20.
61. Кузнецова С. Бабушка первого царя из династии Романовых // Life & Love [Жизнь и любовь]. 2014. Июль – август. № 11. С. 69–73.
62. Кугураков И.К. Ранние этапы формирования планировочной структуры города Чебоксары // Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 26 сентября 2013 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 128, 136–137, 140–141.
63. Латыпова Г.М. О праздновании 300-летия дома Романовых в г. Чебоксары Чебоксарского уезда Казанской губернии // Исторический вестник : научно-документальный журнал Государственного исторического архива Чувашской Республики. 2013. № 1 (2). С. 151.
64. Магницкий В.К. Город «Чебоксар» по 2-й народной переписи в 1742–1748 годах // ИОАИЭ. Т. 14, вып. 5. Казань, 1898. С. 547–548.
65. Маркова К. Эксперты полагают, что в Чебоксарах обнаружено захоронение именно Марии Шестовой // Комсомольская правда – Чувашия. 2014.10–17 июля.
66. Максимов Л. Часовня в память о бабушке царя // Чебоксарские новости. 2008. 22 июля.
67. Михайлова Е. Из глубины веков // Чебоксарские новости. 2013. 5 октября.
68. Михайлова Е. О времени и о нас // Чебоксарские новости. 2013. 12 ноября.
69. Михайлова Е. Город древний и молодой // Чебоксарские новости. 2013. 1 октября. С. 5.
70. Можаровский А.Ф. Казанская старина. Нечто из церковной археологии города Чебоксар. Отд. отт. из: Казанские губернские ведомости. 1881. № 11. С. 7, 9, 12.
71. Монастырская ссылка [Ответ В.Г. Ткаченко на вопрос о связи М. Шестовой с Чебоксарами] // Чебоксарские новости. 2012. 18 октября.
72. Мордвинова А.И. Монументальная живопись храмов города Чебоксары XVIII века // Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 26 сентября 2013 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 195–197.
73. Муратов Е. Московские ученые считают, что найденные в Чебоксарах останки могут принадлежать Марии Шестовой // Комсомольская правда – Чувашия. 2013. 19–26 декабря. С. 23.
74. Муратова Е. Саркофаг бабушки первого из царей Романовых вскроют в Чебоксарах // Комсомольская правда – Чувашия. 2013. 26 сентября – 3 октября.
75. Некрасов А.И., Некрасова Е.А. Художественно-археологические памятники г. Чебоксар // Художественная культура Чувашии, 20-е годы XX века. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 225–226, 230–231, 234–235, 237–238, 244, 248, 251, 252.
76. Никитин Л. Тайное становится явным // Чебоксарские новости. 2013. 3 сентября.
77. Никитина А. Сохраняя единство : Очередной визит великой княгини в Чувашию // МК в Чебоксарах. 2013. 13–20 ноября. С. 2.
78. Никифоров. Хроника [О находке гроба при разборке фундамента Предтеченской церкви] // Красная Чувашия. 1936. 8 мая.
79. Никифорова К.В., Тимофеева М.Л., Ефимов Л.А. Пребывание Марии Шестовой – бабушки Михаила Романова – в чебоксарском Никольском женском монастыре // Особенности развития российской государственности: исторический опыт и перспективы (к 400-летию воцарения династии Романовых): Материалы Всероссийской научно-практич. конференции (г. Чебоксары, 28 февраля 2013 г.). Чебоксары, 2013. С. 177–188.

80. Новоселова М. Тайны прошлого // Чебоксарские новости. 2013. 21 сентября.
81. Описание уездных городов и замечательных селений Казанской губернии // Памятная книга Казанской губернии на 1863 год. Казань: издание Казанского статистического комитета, 1862. С. 105.
82. Павлова И. Древняя усыпальница открывает свои секреты // Грани. 2013. 28 сентября.
83. Памятники старины, взятые под покровительство Императорской археологической комиссией [Репродукции картин А.А. Александрова «Собор в г. Чебоксарах» и «Часовня Предтеченской церкви в Чебоксарах»] // Нива. 1914. № 20. С. 396.
84. Платонова Д. Наши археологи встретятся с великой княгиней // Pro Город. 2013. 12 октября.
85. Покровский И.М. Казань и казанцы в истории воцарения дома Романовых на русском царском престоле // Известия по Казанской епархии. 1913. 22 января. С. 139.
86. Покровский И.М. К истории казанских монастырей до 1764 г. // ИОАИЭ. Т. 18, вып. 1–3. Казань, 1902. С. 22, 58, 59. Приложение. С. XXIV.
87. Помнить историю – понимать будущее // Советская Чувашия. 2013. 5 октября.
88. Пребывание высокопреосвященнейшего Арсения, архиепископа Казанского, в городе Чебоксарах // Известия по Казанской епархии. 1898. 1 ноября. С. 911, 912.
89. [Прошение купца г. Чебоксар Ф.М. Дряблова императору Николаю II об оказании помощи Чебоксарам в содержании городских церквей и открытии мужской гимназии в год 300-летия царствования династии Романовых. 26 мая 1913 г. документ предоставлен И.К. Кугураковым] // Альманах Чебоксарского Свято-Троицкого православного мужского монастыря. Специальный выпуск. 2015. Май. С. 5.
90. Пушков С. Чебоксарский Никольский девичий монастырь // Православная Чувашия. 2003. Октябрь. № 10. С. 12.
91. Пушков С. Чебоксары : обитель царской бабушки // Православный паломник. URL: http://journalpp.ru
92. Редкая историческая картина // Казанские губернские ведомости. 1890. № 40. Часть неофициальная.
93. Родных О. Останки Марии Шестовой нашли возле Мыса любви // Pro Город. 2014. 19 июля.
94. С.А.К. Чебоксары (из письма в редакцию) // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1859. № 38. 26 августа.
95. Салмин А.К. Чуваши в Петербурге [О связях чувашского народа и Чувашского края с Санкт-Петербургом в XVII–XVIII вв., в т.ч. упомянуто о ссылке в Чебоксары М. Шестовой] // Советская Чувашия. 2009. 15 июля.
96. Сапунов Б.В. Неопубликованный памятник станковой живописи с изображением угличской драмы 1591 г. (Этюд из истории парсунного письма) // От Средневековья к Новому времени : Материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первой половине XIX века. М.: Наука, 1984. С. 150–161.
97. Сергеева О.Ю. К 445-летию основания Чебоксарского Свято-Троицкого православного мужского монастыря // Альманах Чебоксарского Свято-Троицкого православного мужского монастыря : к 445-летию основания обители. 2011. Вып. 1. Июнь. С. 5.
98. Смагина Л.А. Криминалистика – дело тонкое : Убийство раскрыла акцизная марка // Советская Чувашия. 2013. 19 октября.
99. Сташенко С. В Чувашии – Её Императорское Высочество // Республика. 2013. 13 ноября.
100. Студенецкий А.Н. Из прошлого Чебоксар (Очерки истории города) // Дружба. 1972. № 12. С. 162, 164 –166; 1973. № 13. С. 123, 124.
101. У бабушки царя будет часовня [О проекте часовни в память М. Шестовой] // Советская Чувашия. 2008. 10 июля.
102. Учёные уверены в принадлежности найденных в Чебоксарах останков к династии Романовых [О круглом столе в администрации г. Чебоксары, посвященном результатам антропологической экспертизы скелета, найденного археологами в 2013 г. на территории бывшего Николаевского женского монастыря в г. Чебоксары] // Советская Чувашия. 2014. 9 июля.
103. Фукс А.А., Фукс К.Ф. Поездка к чувашам // Заволжский муравей. 1834. № 1. С. 48–49.
104. Часовня в память о бабушке царя // Советская Чувашия. 2008. 22 июля.
105. Чебоксары : забытая историческая могила // Камско-волжская речь. 1912. 11 декабря. С. 3–4. (Перепечатано в: Известия по Казанской епархии. 1912. 15 декабря. С. 1451–1452).

106. Чебоксары (Телеграмма от нашего корреспондента) [Анонс информации о раскопках, произведенных 20 января 1913 г. в склепе Николаевского собора в Чебоксарах комиссией во главе с казанским губернатором] // Казанский телеграф. 1913. 22 января.
107. Чибис А.А. К вопросу о возникновении православных монастырей на правобережье Казанской земли во второй половине XVI – первой половине XVIII в. // Марийский археографический вестник. 2011. № 21. С. 142.
108. Шайжин Н.С. Заонежская заточница великая государыня инокиня Марфа Ивановна (в мире боярыня Ксения Ивановна Романова, мать царя Михаила Феодоровича) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1912 год. Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1912. Приложение. С. 4.
109. Шитлаева З.П. Отпустить прошлое и строить новую жизнь [О встрече княгини Марии Владимировны с общественностью Чувашской Республики: упомянуто об осмотре ею археологического раскопа с предполагаемыми останками М. Шестовой] // Советская Чувашия. 2013. 12 ноября.
110. Щукин А. Её высочество княгиня оказалась щедрой на награды // АИФ – Чувашия. 2013. 13–19 ноября. С. 2.

Составили *Ю.В. Гусаров, П.С. Куприянов.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Березина Наталия Степановна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического направления ЧГИГН (г. Чебоксары). Проблематика исследований – региональная археология, каменный век и эпоха палеометалла. Руководитель археологической экспедиции ЧГИГН. Автор коллективной монографии и более 80 научных статей.

Боруцкая Светлана Борисовна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник кафедры антропологии биологического факультета МГУ (г. Москва). Автор 13 монографий и более 120 научных статей.

Васильев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, заведующий Центром физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН), (г. Москва). Круг интересов – от вопросов морфологии и таксономии в процессе эволюции рода Homo и проблем этологии приматов до решения задач формирования ряда народов мира (египтян, русских, белорусов, карелов). Один из исследователей захоронений великих княжон и цариц в Московском Кремле. Член экспертной правительственной комиссии по изучению останков Николая II и членов его семьи. Автор 15 монографий и более 250 научных статей.

Гусаров Юрий Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического направления ЧГИГН (г. Чебоксары). Основные направления исследований – историография истории Чувашии и России, история книги, социально-экономическая и политическая история Чувашии конца XVIII – начала XX в. Автор 2 монографий (одна – в соавторстве) и более 90 научных и учебно-методических трудов.

Кугураков Игорь Константинович – научный сотрудник искусствоведческого направления ЧГИГН (г. Чебоксары). Исследует историю архитектуры и изобразительного искусства Чувашии, архитектурные и скульптурные памятники, занимается их графической реконструкцией. Известен как знаток и популяризатор историко-культурного прошлого Чувашии. Автор монографии и более 20 научных статей.

Мордвинова Антонина Ильинична – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления ЧГИГН (г. Чебоксары). Область научных интересов – церковное искусство (архитектура, иконопись, церковная скульптура), современное изобразительное искусство Чувашии. Автор 4 монографий и более 70 научных статей.

Халдеева Наталия Ивановна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии ИЭА РАН (г. Москва). Специалист в области этнической и эволюционной одонтологии, антропоэстетики. Один из исследователей захоронений великих княжон и цариц в Московском Кремле. Автор 8 монографий и более 150 научных статей.

Харламова Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра физической антропологии ИЭА РАН (г. Москва). Научная специализация – палеоантропология, этническая и эволюционная одонтология. Автор коллективной монографии и более 20 научных статей.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов *(Ю.Н. Исаев)* 5

К читателю *(Василий <Паскье; архимандрит >)* 6

Предисловие *(Н.С. Березина, Ю.В. Гусаров)* 7

Глава 1

Прошлое Николаевского женского монастыря, сосланная в него бабушка будущего царя Михаила Фёдоровича Мария Шестова и поиски её могилы в год 300-летия царствования династии Романовых

Гусаров Ю.В.
1. Страницы истории Николаевского женского монастыря и Николаевского собора города Чебоксары 11

Гусаров Ю.В.
2. Опальная дворянка Смутного времени М.Т. Шестова 31

Гусаров Ю.В.
3. «Необыкновенное событие», или Раскопки по поиску «забытой исторической могилы» в Чебоксарах в 1913 году 47

Глава 2

Архитектура Николаевского девичьего монастыря и внутреннее убранство Николаевского собора

Кугураков И.К.
1. Графическая реконструкция этапов становления и развития Чебоксарского Николаевского девичьего монастыря и его главного храма 67

Мордвинова А.И.
2. Внутреннее убранство Николаевского собора 79

Глава 3

Результаты научных исследований материалов раскопок 2013 года в городе Чебоксары и современные страницы памяти о Марии Шестовой

Березина Н.С.
1. Археологические исследования на месте Николаевского собора и поиски могилы Марии Шестовой в 2013 году 101

Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Харламова Н.В., Халдеева Н.И.
2. Антропологические исследования останков из раскопок в городе Чебоксары (предположительно Марии Шестовой) 129

3. Березина Н.С., Гусаров Ю.В.
Археологические раскопки в Чебоксарах
в 2013 году: до и после… 151

Источники, литература и комментарии 157

Приложение

Архивные и литературные источники
о ссылке Марии Шестовой в Чебоксары,
истории Николаевского женского монастыря
и Николаевского собора (*подг. Ю.В. Гусаров*) 169

**Литература о Марии Шестовой,
истории Николаевского женского монастыря
и Николаевского собора города Чебоксары**
(сост. Ю.В. Гусаров, П.С. Куприянов) 197

Сведения об авторах 205

Научно-популярное издание

Березина Наталия Степановна,
Гусаров Юрий Владимирович,
Кугураков Игорь Константинович и др.

**ЧЕБОКСАРЫ: ИСТОРИЯ И ТАЙНЫ
НИКОЛАЕВСКОГО ДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ**

Монография

В книге использованы фотографии,
схемы и картины из фондов Научного архива
Чувашского государственного института гуманитарных наук,
Чувашского государственного художественного музея,
Чувашского национального музея, Государственного
исторического архива Чувашской Республики, личных архивов
Ю.В. Гусарова, И.К. Кугуракова, В.Н. Онькова и др.
На обложке картина В.Г. Бритвина
«Опальная. Прибытие Марии Шестовой
в Чебоксарский Никольский монастырь на пострижение».

Подбор иллюстраций: **А.Ю. Березин, Н.С. Березина,
Ю.В. Гусаров, И.К. Кугураков, А.И. Мордвинова.**

Оригинал-макет, обложка **Н.И. Орловой**
Редактор, корректор **Т.Н. Таймасова**

Подписано к печати 24.11.2016. Формат 84×108 $^{1}/_{16}$. Бумага мелованная.
Гарнитура Minion Pro. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84. Уч.-изд. л 15,73.
Тираж 200 экз. Заказ № 0292. Изд № 065.
Оригинал-макет подготовлен РИО ЧГИГН г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1
Изготовлено и отпечатано: ООО «АЛЕКС-ПРИНТ». 394007, г. Воронеж,
ул. Ленинский пр-т, д.94, к. 5, кв. 52. Тел.: 8 (473) 290-45-17. E-mail: sl.vrn@yandex.ru

1022.60

ЧЕБОКСАРЫ:
ИСТОРИЯ И ТАЙНЫ НИКОЛАЕВСКОГО ДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

Книга посвящена исторической загадке Смутного времени (начало XVII в.) – ссылке в Чебоксары и пострижению в Николаевском женском монастыре Марии Шестовой (бабушки Михаила Федоровича – первого русского царя из династии Романовых) и истории памяти о ней. В этих событиях переплетены судьбы России, города Чебоксары и выдающихся людей разных эпох. В книге представлены исследования историков, археологов, антропологов, искусствоведов. Издание богато иллюстрировано фотографиями, рисунками, картинами, многие из которых являются редкими или выполненными специально для него. Книга рассчитана на специалистов, студентов и всех, кто интересуется историей Отечества.

Чувашский государственный институт гуманитарных наук